

З $\frac{44}{50}$

Книга Русской Скорби.

Издание Русского Народного Союза имени Михаила
Архангела.

Томъ X.

ПОГАШЕНО

43-1617

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-11430
И РУМАНЦОВСКИЙ МУЗЕЙ

„Они не будутъ уже ни алкать,
ни жажжать и не будутъ палить
ихъ солнце и ни какой зной: ибо
Агнецъ, который среди престола,
будетъ пасти ихъ и водить ихъ
на живые источники водъ, и
отреть Богъ всякую слезу съ
очей ихъ“.

(Апокалипсисъ, Гл. VII, стих. 16 и 17).

Типо-литографія
СРБ., Невскій

Т-ва „СВѢТЪ“
проезд., д. 138.

1912.

сч

2007238129

Завѣщаніе.

Въ холодномъ туманѣ сгустившейся ночи,
Окутавшемъ мглою кругомъ небеса,
Смежаются павшихъ орлиныя очи,
И гибнетъ Россіи краса.

Не поиски славы рядами ихъ косятъ,
Не въ честномъ бою исчезаютъ они,
Не врагъ ихъ открытый изъ жизни выноситъ
Въ кровавые, смутные дни!

Убійца ихъ—воръ Государственной власти,
Взломавшій замки заповѣдныхъ дверей,
Сковавшій народъ нашъ въ годину напасти,
Трусливый и подлый еврей!

• Впередъ! Да не будетъ же плача на тризнѣ!..
Знавали мы въ прошломъ удары судьбы,

И женъ и дѣтей отдавали Отчизнѣ
 Въ годину жестокой борьбы!..
 Впередъ! Мы сильны непочатою силой,
 За нами побѣда, но, павшихъ завѣтъ,—
 Пускай не устанетъ надъ общей могилой
 Звучать намъ на множество лѣтъ:

„Потомки, мы знаемъ, нашъ крестъ не напрасенъ,
 „Онъ громко народамъ вокругъ говорить:
 „Да, пали, погибли, но край тотъ прекрасенъ,—
 „Въ краю томъ—отсутствуетъ жидъ“!

В. Пуришкевичъ.

13 февраля
 1912 года.

Адольфъ Германовичъ Катерфельдъ.

Вольнопрактикующій врачъ, убитъ въ туккумскомъ уѣздѣ, курляндской губ. 25 ноября 1905 г.

Жестокие, кровавадные и безсердечные, крамольные истребители лучшихъ общественныхъ силъ русскаго народа не щадили даже кроткихъ, безоружныхъ и благодѣющихъ слугъ и врачей страждущаго человѣчества. Жертвою такой безчеловѣчной жестокости сдѣлался изображенный на прилагаемой фотографіи врачъ Адольфъ Германовичъ Катерфельдъ.

Безвременно погибшій отъ злодѣйской руки крамольниковъ, вольнопрактикующій врачъ, Адольфъ Катерфельдъ родился въ Курляндіи въ 1885 году. Отецъ его, Германъ

Катерфельдъ, былъ въ м. Дурбенѣ пасторомъ и воспиталъ въ своемъ сынѣ строгія правила нравственности и идеальныя понятія о своихъ обязанностяхъ, что затѣмъ и сказалося въ теченіе всей жизни Адольфа Катерфельда съ особой силой.

Успѣшно окончивши курсъ митавской классической гимназій, Адольфъ Катерфельдъ поступилъ въ 1877 году на математическій факультетъ С.-Петербургскаго Императорскаго университета. Однако изученіе математики не удовлетворило стремленія Адольфа Катерфельда найти путь къ проявленію своего отзывчиваго и идеально настроеннаго сердца, а потому уже въ слѣдующемъ году онъ переходитъ на медицинскій факультетъ дерптскаго, нынѣ юрьевскаго, университета, который и окончилъ весьма успѣшно въ 1883 году.

Адольфъ Катерфельдъ правильно понялъ свое призваніе и затѣмъ въ теченіе всей своей жизни былъ идеальнымъ врачомъ, проявляя на каждомъ шагѣ особое безкорыстіе, самоотверженіе и сочувствіе къ страждущему народу, цѣнившему въ немъ его выдающіяся качества, какъ врача и человѣка, и стекавшемуся къ нему поэтому изъ далекихъ окрестностей. Пятнадцать лѣтъ Адольфъ Катерфельдъ былъ врачомъ въ докторатѣ «Вальдгеймѣ», принадлежащемъ курляндскому дворянству.

Въ 1904 году, въ годовину нашей несчастной войны съ Японіей, курляндское дворянство организовало летучій санитарный отрядъ, ставшій на театрѣ военныхъ дѣйствій подъ особое покровительство вдовствующей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Широкая дѣятельность и разнообразная врачебная практика въ качествѣ врача на полѣ брани были слишкомъ соблазнительными для Адольфа Катерфельда, и вотъ онъ бросаетъ насиженное мѣсто хорошо оплачиваемой практики врача, оставляетъ свою горячо любимую жену и двухъ малолѣтнихъ сыновей и ѣдетъ въ качествѣ старшаго врача отряда въ Манчжурію.

Черезъ годъ, по ликвидаціи санитарнаго отряда, Адольфъ Катерфельдъ возвратился обратно въ Вальдгеймъ

и былъ здѣсь встрѣченъ съ восторгомъ буквально всѣми слоями общества.

По возвращеніи съ театра военныхъ дѣйствій, Адольфъ Катерфельдъ убѣдился, что тотъ мирный, цвѣтущій уголокъ, который онъ оставилъ въ 1904 году, превратился въ бурливое море дикихъ мечтаній и выступленій взбаламученнаго приѣзжими агитаторами народа. Не въ характерѣ Адольфа Катерфельда было оставаться простымъ зрителемъ происходящаго и, заботясь о своихъ личныхъ интересахъ, отодвинуться отъ грознаго народнаго движенія. Всюду, гдѣ только можно было, и на многочисленныхъ митингахъ, и въ частныхъ бесѣдахъ съ пациентами, и при другихъ встрѣчахъ съ народомъ, Адольфъ Катерфельдъ съ удивительною проникновенностью и съ совершеннымъ самозабвеніемъ энергично разоблачалъ агитаторовъ, разъясняя заблужденія народа и настойчиво предупреждалъ всѣхъ о неминуемомъ несчастномъ исходѣ народнаго движенія.

Понятно, подобное поведеніе Адольфа Катерфельда, имѣвшаго большое вліяніе на окрестное населеніе, возбуждало страшную ненависть революціонныхъ агитаторовъ, видѣвшихъ въ немъ тормазъ своимъ вождельніямъ, и Адольфу Катерфельду былъ вынесенъ крамолою смертный приговоръ.

25 ноября 1905 года, въ самый разгаръ революціоннаго движенія въ туккумскомъ уѣздѣ, когда разнузданность отребьевъ общества дошла до крайнихъ предѣловъ, пришла въ докторатъ Вальдгеймъ толпа мѣстныхъ крестьянъ, во главѣ которыхъ было нѣсколько совершенно чужихъ агитаторовъ, и потребовала выдачи оружія.

Адольфъ Катерфельдъ уже предусмотрѣлъ, что несомнѣнно наступитъ и его очередь, что и къ нему придутъ за оружіемъ, подобно тому, какъ ходили и къ другимъ, а потому свое оружіе своевременно отправилъ въ надежное мѣсто, не оставивъ у себя ровно ничего. Ему говорили его благожелатели, что это съ его стороны очень легкомысленно, что надо было хоть одинъ револьверъ у себя оставить, но Адольфъ Катерфельдъ, съ мечтательной

улыбкой на губахъ, отвѣчалъ, что онъ въ народѣ имѣеть только друзей, что онъ столько творилъ добра всѣмъ, что никто не покусится на него, а если на него нападетъ толпа, то онъ все равно, вѣдь, ничего не сможетъ сдѣлать. Однако послѣдующія событія показали, какъ неправъ былъ Адольфъ Катерфельдъ, разсчитывая на благоразуміе народа, систематически развращеннаго революціонными идеями агитаторовъ.

Успокоивъ Адольфа Катерфельда, что ничего худого они ему не желаютъ, незнакомые вожаки толпы очень вѣжливо попросили его выдать оружіе, на что Адольфъ Катерфельдъ объяснилъ, что ровно никакого оружія у себя въ домѣ не имѣеть. Не довѣряя ему, руководители толпы попросили разрѣшенія поискать у него оружія, на что со стороны Адольфа Катерфельда послѣдовало полное согласіе.

По несчастной случайности въ чердачномъ помѣщеніи дома, занимаемаго Катерфельдомъ, было обнаружено малоцѣнное охотничье ружье, оставленное здѣсь, безъ вѣдома доктора, сосѣдомъ-лѣсничимъ барономъ Корфомъ. Взявъ это ружье, руководители шайки, извинившись за беспокойство, ушли, чѣмъ казалось бы и былъ исчерпанъ инцидентъ.

Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ толпы раздался въ сосѣднемъ лѣсу выстрѣлъ. Это обратило на себя вниманіе Адольфа Катерфельда, и онъ вышелъ съ женой своей на крытую веранду. Тутъ онъ увидѣлъ, что къ нему по тропѣ направляются два совершенно незнакомыхъ ему человѣка, которыхъ онъ видѣлъ передъ тѣмъ въ толпѣ. Одинъ изъ этихъ лицъ объявилъ Адольфу Катерфельду, что ему вынесенъ революціоннымъ комитетомъ смертный приговоръ за сокрытіе и не выдачу оружія, у него сегодня обнаруженнаго. Съ окончаніемъ объявленія этой резолюціи другой человѣкъ поднялъ ружье и выстрѣломъ въ грудь окончилъ существованіе вѣрившаго въ лучшія чувства народа Адольфа Катерфельда, бездыханно павшаго рядомъ со своей горячо любящей женой.

Свершивъ свое мерзкое дѣло, злоумышленники ушли и больше не возвращались.

Впослѣдствіи двое изъ обнаруженныхъ злоумышленниковъ были приговорены къ смертной казни; остальные злоумышленники или не были вовсе обнаружены, или привлеченные къ суду по этому дѣлу были оправданы.

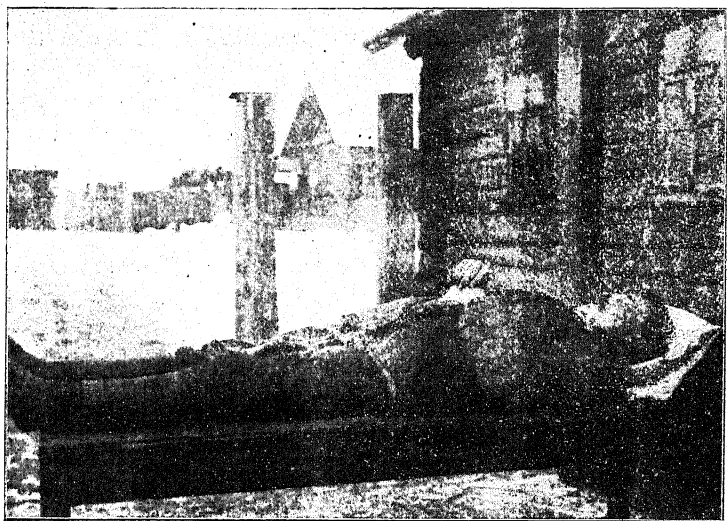
Ужасъ и горе жены Адольфа Катерфельда, Елли Катерфельдъ, урожденной баронессы Дистерлоз, бывшей свидѣтельницей происшествія, не поддается никакому описанію.

Послѣ Адольфа Катерфельда остались, кромѣ жены, еще два мальчика, Георгъ 9 лѣтъ и Альфредъ 8 лѣтъ.

Хотя Катерфельдъ на государственной службѣ не числился, но Государю Императору, во вниманіе къ особо выдающейся дѣятельности и высокимъ гражданскимъ качествамъ Адольфа Катерфельда, благоугодно было Всемилоостивѣйше назначить вдовѣ и дѣтямъ пенсію въ 1200 рублей въ годъ.

Кромѣ того, мѣстное дворянство, цѣня въ Адольфѣ Катерфельдѣ твердаго приверженца существующихъ порядковъ, ассигновало вдовѣ его особую пенсію.

Петръ Антоновичъ Клыгуль.

Городовой г. Витебска, убитъ 10 декабря 1908 г.

Петръ Антоновичъ Клыгуль, римско-католическаго вѣроисповѣданія, 27 лѣтъ,—городовой города Витебска; запасной рядовой 49 драгунскаго Архангелогородскаго полка (нынѣ 19-го Архангелогородскаго драгунскаго); изъ крестьянъ, изабѣлинской волости, двинскаго уѣзда, витебской губерніи; поступилъ на службу въ полицію 27-го марта 1908 года; 11-го декабря того же года убитъ злоумышленниками при ихъ преслѣдованіи.

Дождливый, холодный осенній вечеръ; темно и скучно въ городишкѣ, а особенно неуютно, непривѣтливо юному новобранцу въ эскадронной казармѣ, такой чужой, такой холодной, такой страшной для новаго человѣка своимъ непонятнымъ укладомъ и своими строгими правилами. Послѣ трудового дня, послѣ гимнастики, пѣшей выправки, возни съ винтовкой, а особенно послѣ манежной ѣзды безъ стремянъ,—все усталое тѣло болитъ и ноетъ, хочется отдохнуть на солдатской

койкѣ, помечтать, съ сердечною болью, о родной семьѣ, о родительскомъ домѣ, о всемъ родномъ домашнемъ обиходѣ. Но Петру Клыгулю отдыхать еще нельзя: на него особенно напираютъ и корнетъ, обучающій новобранцевъ, и вахмистръ, и взводный, такъ какъ онъ плохо знаетъ русскій языкъ и ему совсѣмъ не дается «словесность». Эскадронный командиръ назначилъ ему особенно знающаго службу и ретиваго «дядьку», который усердно старается ему втолковать всѣ основныя начала воинской службы, воинскаго долга, воинской доблести. И вотъ сидитъ Клыгуль смиренно рядомъ со своимъ «дядькой», который въ сотый разъ терпѣливо повторяетъ все тѣ же слова: «Солдатъ есть слуга Царя и Отечества,—защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ»; «Присяга есть клятва, данная Богу, на святомъ евангеліи и крестѣ Спасителя, предъ полковымъ штандартомъ,—служить честно и вѣрно Государю, Наслѣднику Его и Отечеству, хотя бы жизнь пришлось за Нихъ положить, и т. д. Клыгуль чувствуетъ внутреннимъ чутьемъ души весь торжественный, самоотверженный, благородный смыслъ этихъ священныхъ словъ; когда случай придетъ, сумѣетъ это чувство свое показать на дѣлѣ, но выразить его словами, а тѣмъ болѣе объяснить на мало знакомомъ языкѣ,—онъ не можетъ, а потому терпѣніе его «дядьки» подвергается большому испытанію: изведенный малыми успѣхами своего «хлопца», онъ проситъ у взводнаго разрѣшенія продолжать занятія послѣ вечерней повѣрки. Всѣ кругомъ стоятъ, а Клыгуль все сидитъ рядомъ съ «дядькой» и старается съ полнымъ усердіемъ понять науку солдатскую.

Много такихъ томительныхъ вечеровъ пришлось провести Клыгулю, много вообще потрудиться, но, наконецъ, благополучно миновали первые мѣсяцы новобранческаго обученія; Клыгуль все понялъ, всему научился, привыкъ къ казарменной жизни, укрѣпился тѣломъ, развился умомъ и сталъ молодцомъ драгуномъ 49 драгунскаго Архангелогородскаго полка. Въ этомъ бодромъ, лихомъ драгунѣ трудно было узнать робкаго, неуклюжаго новобранца литвина, какимъ онъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въ

такихъ быстрыхъ превращенiяхъ сказываются величiе и мощь русскаго воина: добродушный увалень, деревенскiй парень, мирный пахарь, застѣнчивый и растерянный въ новой обстановкѣ.—вводится въ кругъ полковой семьи и, подъ славной сѣнью родного штандарта, при правильномъ и заботливомъ воспитанiи,—черезъ полгода дѣлается стройнымъ, лихимъ солдатомъ, а подвернись чрезвычайныя обстоятельства, и онъ уже суворовскiй чудо-богатырь, для котораго все невозможное—возможно.

Когда въ свѣтлое, теплое, весеннее утро, надѣвъ въ первый разъ полковую парадную форму, Клыгуль вмѣстѣ съ товарищами присягалъ на вѣрность царской службѣ, а затѣмъ, въ рядахъ полка, подъ звуки трубачей прошелъ церемонiальнымъ маршемъ мимо полковаго командира, онъ уже вполне ясно понималъ, что такое присяга, что такое воинская служба, и какiя высокiя обязанности лежать на совѣсти честнаго русскаго солдата.

Быстро промелькнула затѣмъ исправная, добросовѣстная служба Клыгуля въ Архангелогородскомъ полку. Выйдя въ запасъ армiи, онъ не вернулся домой въ свою деревню, но рѣшилъ продолжать на новомъ поприщѣ службу Царю и Родинѣ: благодаря хорошимъ отзывамъ военнаго начальства, оцѣнившаго его службу, Клыгуль 27-го марта 1908 г. былъ зачисленъ городовымъ въ городѣ Витебскѣ. Недолго пришлось ему служить. 11-го декабря того же года, исполняя опасное порученiе, онъ былъ убитъ.

10-го декабря, рано утромъ, витебскiй полицеймейстеръ получилъ донесенiе объ ограбленiи михайловщинскаго волостного правленiя, полоцкаго уѣзда, причемъ сообщалось, что злоумышленники, по совершенiи своего злодѣяния, уѣхали по направленiю къ Витебску. Полицеймейстеръ приказалъ приставу 3-ей части, Чилипенку, съ двѣнадцатью конными городовыми, выѣхать на розыски грабителей; въ числѣ этихъ городскихъ былъ и Петръ Клыгуль. Отрядъ этотъ выѣхалъ изъ Витебска въ ночь съ 10-го на 11-ое декабря. Проѣздивъ цѣлую ночь въ усердныхъ, но безплодныхъ, поискахъ, приставъ и его молодцы городовые уже утромъ, въ седьмомъ часу, настигли, наконецъ,

преступниковъ, укрывшихся въ домѣ крестьянина Лазаренко, деревни «Реуты», вильяшевской волости, витебскаго уѣзда. Злодѣи бѣжали, отстрѣливаясь, но Чилипенюкъ, раздѣливъ свой отрядъ на двѣ части, сталъ энергично ихъ преслѣдовать. Во время преслѣдованія, всѣ три злоумышленника были убиты, но и полицейскій отрядъ, къ несчастью, также понесъ потери: выстрѣлами убѣгавшихъ были ранены двое городовыхъ, Онисимъ Староводниковъ и Филиппъ Маіоровъ, и былъ убитъ городской Петръ Клыгуль.

Честная душа солдатская отлетѣла, благородно и мужественно исполнивши свое земное дѣло; мы вѣримъ, что въ томъ духовномъ мірѣ, гдѣ нынѣ эта душа обрѣтается, Петръ Клыгуль былъ принятъ благосклонно и ласково, ибо присягу свою воинскую помнилъ онъ крѣпко, дисциплину соблюдалъ твердо, службу Царю и Родинѣ отслужилъ незазорно.

Павель Титовичь Окуневскій.

Полицейскій надзиратель гор. Шавли, ковенской губерніи. Убитъ
16 ноября 1905.

Городъ Шавли, такъ же какъ и другія мѣста Россійской имперіи, въ 1905 году былъ охваченъ вихремъ революціи. Особо выдающуюся роль въ революціонномъ движеніи играли еврейскіе революціонные кружки—отдѣленія всемірнаго еврейскаго революціоннаго союза бунда, соединившіеся съ польскими и литовскими революціонными партіями для совмѣстныхъ активныхъ выступленій, не исключая убійствъ и покушеній на убійства должностныхъ лицъ и чиновъ полиціи. Сѣверо-Западный край, заселенный въ городахъ и мѣстечкахъ на 90% жидами, особенно былъ тяжелъ для русскихъ людей, стойко защищавшихъ русскую государственность и порядокъ. Злодѣи не щадили такихъ людей. А лицъ участвовавшихъ въ подавленіи бунта, поимкахъ политическихъ преступниковъ и въ разсѣиваніи революціонныхъ митинговъ—«казнили» со всею жестокостью, свойственною только Іудину племени. Былъ «казненъ» жидами и молодой, 27-лѣтній полицейскій надзиратель г. Шавли, ковенской губерніи Павель Титовичь Окуневскій.

Революціонный сбродъ не могъ помириться съ тѣмъ, чтобы такой молодой человѣкъ не только не присоединился къ нимъ, а съ поразительной настойчивостью препятствовалъ имъ устраивать революціонные митинги, разгоня ихъ въ самомъ началѣ; не могъ онъ примириться и съ тѣмъ, что П. Т. Окуневскій захватилъ и арестовалъ ихъ „вождя“, извѣстнаго грабителя Ивана Пацука.

Поздно ночью, 16 ноября, шайка бандитовъ въ 200 человѣкъ коварно ворвалась въ квартиру покойнаго и буквально изрѣзала его кинжалами. Злодѣямъ, однако, и этого было мало. Покончивъ съ жертвой, они облили трупъ и всю обстановку квартиры керосиномъ и подожгли.

Возникшій пожаръ былъ во время замѣченъ и потушенъ.

Преступники скрылись.

Тѣло убитаго П. Т. Окуневскаго предано землѣ на православномъ кладбищѣ въ г. Шавли.

Покойный происходилъ изъ крестьянъ могилевской губерніи. По окончаніи образованія, въ 1897 году онъ былъ опредѣленъ регистраторомъ въ новоалександровское полицейское управленіе. Черезъ 2 года П. Т. былъ назначенъ столоначальникомъ того же управленія, а въ 1900 г. и секретаремъ. Отличаясь исполнительностью и добросовѣстностью по службѣ, въ 1903 г. П. Т. Окуневскій былъ назначенъ полицейскимъ надзирателемъ г. Тельши, ковенской губ., и исправляющимъ должность начальника тельшевской тюрьмы. Въ 1905 году покойный былъ переведенъ на болѣе отвѣтственный постъ полицейскаго надзирателя въ г. Шавли, гдѣ и былъ убитъ.

За труды по всероссійской переписи П. Т. Окуневскій былъ въ 1897 г. награжденъ темно-бронзовой медалью.

Иванъ Ивановичъ Карасевъ.

Городовой г. Углича, ярославской губ. Убитъ 12 августа 1906 года.

21 августа 1906 года, въ 9 часовъ вечера, въ гор. Угличѣ, противъ мѣстнаго полицейскаго управленія, былъ усмотрѣнъ лежащимъ на землѣ неизвѣстный мужчина. Городовой Карасевъ, дежурившій въ это время при полицейскомъ управленіи, желая поднять незнакомаго человека, подошелъ къ нему, но послѣдній въ тотъ моментъ, когда Карасевъ къ нему нагнулся, вскочилъ на ноги и, съ крикомъ „а, это полиція!“, нанесъ Карасеву охотничьимъ ножомъ (на подобіе кинжала) рану въ животъ. На крикъ Карасева „зарѣзали!“ изъ полицейскаго управленія выбѣжали два городовыхъ: Поройковъ и Кожевниковъ, которые, погнавшись за преступникомъ, догнали его

около уѣзднаго казначейства въ 150 шагахъ отъ мѣста преступленія. При допросѣ преступникъ назвался крестьяниномъ бѣжецкаго уѣзда, новской волости, дер. Бочки, И. С. Самсоновымъ, отбывшимъ годъ назадъ до совершенія этого преступленія, заключеніе на полтора года въ тюрьмѣ за конокрадство.

Карасевъ въ тотъ же день, въ 10 часовъ вечера, не приходя въ сознаніе, скончался на 33-мъ году своей жизни.

25 августа состоялись похороны Карасева. Службу совершали и провожали тѣло убитаго Карасева до кладбища архимандритъ угличскаго Алексѣевского монастыря о. Власій, въ сослуженіи 3-хъ священниковъ, діакона и монастырскихъ пѣвчихъ, причемъ похоронная процессія была особенно торжественна и сопровождалась массой публики, въ числѣ которой находился и городской голова.

Карасевъ происходилъ изъ крестьянъ мышкинскаго уѣзда, климатинской волости, дер. Мелехина. По окончаніи военной службы, Карасевъ 26 ноября 1905 года поступилъ на должность полицейскаго служителя угличской городской полицейской команды. Со дня поступленія на службу по полиціи, онъ обратилъ на себя вниманіе начальства своей честностью, энергіей и беззавѣтною преданностью службѣ.

Сколько убито такимъ подлымъ, предательскимъ образомъ этихъ скромныхъ героевъ долга—городовыхъ! Сколько осталось осиротѣлыхъ послѣ нихъ вдовъ и дѣтей! И сколько непримиримыхъ враговъ приобрѣла революція!

Иванъ Пасѣчникъ.

Полицейскій стражникъ, ровенскаго уѣзда, волынской губ. Убитъ
29 октября, 1910 года.

29 октября 1910 года, въ 8¹/₄ часовъ вечера, въ пос. Сарны, ровенскаго уѣзда, явился въ становую квартиру содержатель колбасной лавки чехъ Владиславъ Гансъ и заявилъ мѣстному становому приставу, что въ содержимую имъ колбасную лавку ворвались два неизвѣстныхъ человека и, угрожая находившемуся въ то время въ лавкѣ 14 лѣтнему сыну Ганса револьверомъ, ограбили деньги и скрылись.

Приставъ, получивъ такое заявленіе, немедленно распорядился собраться всѣмъ стражникамъ сарненскаго отряда и идти на поимку грабителей, но пока собирались стражники, разбирая вооруженіе, одинъ изъ нихъ, Иванъ Пасѣчникъ, вооруженный одной только пашкой, не ожидая другихъ стражниковъ, побѣждалъ съ заявителемъ Гансомъ на поиски преступниковъ. По дорогѣ къ желѣзнодорожному вокзалу Пасѣчникъ услышалъ доносившійся изъ открытой мелочной лавки, расположенной при самой дорогѣ, крикъ содержательницы этой лавки Евдокіи Томчинской. Вбѣжавъ въ лавку, онъ засталъ одного изъ грабителей, выбирающаго изъ ящика стойки деньги, а другого стоящаго спиной къ двери и держащаго направленный въ Томчинскую револьверъ. Подбѣжавъ къ послѣднему, Пасѣчникъ обхватилъ его сзади руками, но въ это время тотъ, съ силой освободивши руку съ револьверомъ, выстрѣлилъ въ Пасѣчника и смертельно ранилъ его въ високъ, а затѣмъ оба злодѣя бросились бѣжать. Злоумышленникъ, убившій Пасѣчника, былъ остановленъ выбѣжавшимъ на крики изъ булочной, помѣщающейся въ одномъ домѣ съ лавкой, пекаремъ Кашталемъ, котораго также тяжело ранилъ, послѣ чего оба злодѣя бѣжали; одинъ изъ нихъ неизвѣстно куда, а другой на вокзалъ, гдѣ при попыткѣ задержать его,

убилъ жандарма Филиппа Махонько, ранилъ одного пассажира и затѣмъ скрылся. Въ ночь на 31-е октября на станціи Сарны, при задержаніи этихъ злодѣевъ чинами полиціи, одинъ изъ нихъ, убившій Пасѣчника, Кашталя, жандарма и ранившій пассажира, былъ убитъ, а другой задержанъ. Убитый стражникъ Иванъ Пасѣчникъ происходилъ изъ крестьянъ с. Секережинецъ, острожскаго уѣзда, волынской губерніи, отъ роду имѣлъ 27 лѣтъ, грамотенъ, служилъ на военной службѣ въ 6 Уланскомъ Волынскомъ полку и, по увольненіи въ запасъ арміи, поступилъ на службу въ ровенскую конно-полицейскую стражу, гдѣ пробылъ съ 16 сентября 1909 года по день смерти. Послѣ смерти покойнаго Пасѣчника остались жена Марія Терентьева и малолѣтняя дочь Іуліанія. Женѣ покойнаго Пасѣчника—Маріи Пасѣчникъ было выдано единовременное пособіе въ суммѣ 200 рублей, и затѣмъ она представлена къ пенсіи.

Опять три невинныхъ жертвы! Три безсмысленно загубленныя жизни! Бѣдная наша родина!

Иванъ Емельяновичъ Холодъ.

Городовой г. Ромны, полтавской губерніи. Убитъ 10 ноября 1907 г.

Холодъ, 33 лѣтъ, запасный бомбардиръ Ивангородской крѣпостной артиллеріи, происходилъ изъ крестьянъ с. Басовки, хмѣловской волости, роменскаго уѣзда, полтавской губ.; на службу городовымъ поступилъ 1 сентября 1898 г.

Таковъ короткій списочекъ формулярныхъ свѣдѣній о безвѣстной жертвѣ ненавистнаго революціоннаго террора.

«Никто не вычеркнетъ изъ моей памяти тяжелыхъ воспоминаній о жертвѣ служебнаго долга—убитомъ городомъ Иванѣ Холодѣ»—пишетъ начальникъ Холода, приставъ г. Ромны, Брынцовъ.

Дальше онъ рассказываетъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ погибъ добрый Царскій слуга и приводитъ съ леденящими душу подробностями описаніе того, какъ было изуродовано и истерзано тѣло несчастнаго Холода.

Дѣло происходило 10 ноября 1907 года.

Когда приставъ, авторъ «воспоминаній», находился въ казармѣ для городскихъ, туда вбѣжалъ запыхавшійся городской и сообщилъ, что нѣсколько минутъ тому назадъ, въ магазинъ мѣстнаго купца Испштейна вошли трое замаскированныхъ субъектовъ; они приказали публикѣ, находившейся въ магазинѣ, удалиться и оставили тамъ какой-то предметъ въ видѣ цилиндра, назвавъ его бомбой, затѣмъ произвели нѣсколько выстрѣловъ и скрылись, ничего не потребовавъ и никому не причинивъ вреда.

Выслушавъ докладъ, приставъ крикнулъ «за мной» и побѣжалъ къ магазину Испштейна. Тотчасъ же за нимъ устремились городовые—Иванъ Божко и Холодъ.

Возлѣ ярко освѣщеннаго магазина уже собралась громадная толпа народа. Вошедши въ магазинъ, они уви-

дѣли, что всё присутствующіе въ магазинѣ притаились, кто куда могъ, и не смѣли двинуться. Удаливъ постороннихъ, приставъ приготовился заняться обезвреженіемъ бомбы.

Холодъ и Божко съ безавѣтной рѣшимостью подвергнуть опасности свою жизнь, какъ бывшіе артиллеристы, предложили приставу свое содѣйствіе по разряженію бомбы. Но великодушный приставъ отклонилъ ихъ предложеніе, не считая себя въ правѣ подвергать смертельной опасности лишннихъ людей. Въ эту минуту вошелъ въ магазинъ уѣздный исправникъ г. Ильяшевичъ и, разузнавъ подробно въ чемъ дѣло, далъ приставу порученіе внѣ магазина.

«Прошло немного времени съ тѣхъ поръ, какъ я удалился,—рассказываетъ дальше авторъ „воспоминаній“—вдругъ раздался страшной силы, оглушительный взрывъ».

Бросившійся обратно приставъ засталъ потрясающую картину разрушенія.

Надъ пепелищемъ, объатымъ непроницаемой тьмой, носились клубы удушливаго дыма. Вокругъ многочисленная толпа волновалась и громко гудѣла и кричала. Съ трудомъ пробравшись среди обломковъ къ магазину, онъ слышалъ оттуда мучительные, болѣзненные стоны раненыхъ и вмѣстѣ съ другими тотчасъ же бросился къ нимъ на помощь.

Однако, Холода между ними не было. «Гдѣ же Холодъ?» раздавалось вокругъ. Приставъ, разыскивая его, попалъ вглубь магазина и... застылъ въ ледящемъ ужасѣ, чувствуя, что волосы у него поднимаются дыбомъ,

На полу лежала безформенная масса, покрытая сѣроватымъ пепломъ, плававшая въ лужѣ запекшейся крови. Вокругъ разносился сильный запахъ горѣлаго мяса. Трупъ представлялъ туловище и голову съ оторванной частью лица, оторванные по локоть и выше руки представляли собой обугленные обломки костей и истерзанное черное мясо, раздробленные ноги, потерявъ свою упру-

гость, подогнулись подъ туловище, грудь и животъ были разорваны и зіяли пятнами свѣже-запекшейся крови.

Осколки костей, силой взрыва, отброшенные въ сторону, впились въ стѣну, потолокъ и окружающіе предметы. Темныя кровавыя пятна усѣяли потолокъ и стѣны.

Долго стоялъ приставъ съ окружавшими его людьми въ нѣмомъ оцѣпенѣніи среди этого кроваваго ужаса, не вѣря своимъ глазамъ, не вѣря дѣйствительности.

Затѣмъ останки трагически погибшаго при исполненіи служебнаго долга Ивана Холода были собраны, увезены и похоронены на роменскомъ городскомъ кладбищѣ, рядомъ съ такой же беззавѣтной жертвой своего долга—городовымъ Цопой, павшимъ отъ руки злодѣя-убійцы. Гробъ сопровождали всѣ сослуживцы, два эскадрона драгунъ и огромная толпа горожанъ. За гробомъ шли безутѣшная вдова и двое сиротокъ-дѣтей.

Да будетъ царство небесное вѣрному и честному сыну Родины и Цареву слугѣ!

Владиміръ Филипповичъ Цопа.

Старшій городской роменской полицейской команды, убитъ 25 Сентября 1906 г.

Въ г. Ромнахъ, на городскомъ кладбищѣ, въ скромномъ уголку, рядомъ пріютились могилы двухъ доблестныхъ, беззавѣтныхъ героевъ, сложившихъ головы за своего Царя и за Отечество. Въ этихъ славныхъ могилахъ зарыты двое борцовъ противъ подлой революціонной измѣны,—городовые г. Ромны Холодъ и Владиміръ Цопа. Памяти Холода мы уже посвятили свое слово съ выраженіемъ безграничной скорби, заслуженнаго прославленія и задушевнѣйшей благодарности русскаго народа за совершенный имъ спатріотическій подвигъ. (см. стр. 16).

Теперь очередь за сподвижникомъ Холода и сосѣдомъ его по могилѣ Владиміромъ Цопой.

Владиміръ Филипповичъ Цопа происходилъ изъ мѣ-

шанъ г. Лоявицы. Здѣсь же онъ началъ службу городского, а 22 іюня 1898 г. перешелъ на такую же службу въ г. Ромны. Изъ знаковъ отличія, онъ имѣлъ серебряную медаль за безпорочную службу въ полиціи и кромѣ того крестъ и медаль за воинскіе подвиги въ турецкую кампанію 1878 и 1879 г.

Безвременная смерть застигла его 25 сентября 1906 года на 53-мъ году жизни. Печальное событіе сопровождалось слѣдующими обстоятельствами.

Священникъ г. Ромны Юрій Стефановскій неоднократно получалъ угрожающія анонимныя письма съ требованіемъ крупныхъ денежныхъ суммъ въ пользу анархической группы подъ названіемъ „Черный воронъ“. Эти „черные“ дѣльцы, грабители-революціонеры мѣстомъ свиданія для врученія денегъ назначили глухой, такъ называемый, „дачный“ переулокъ.

Объ этомъ стало извѣстно полиціи.

Безстрашный Цопа, гроза преступниковъ, рѣшилъ, во что бы то ни стало, самъ столкнуться съ дерзкими вымогателями. Командированные на помощь ему городовые Гонтаровскій и Оединъ въ нѣкоторомъ отдѣленіи устроили засаду. Едва они притаились, какъ тотчасъ же раздались пронзительные звуки выстрѣловъ и отчаянный крикъ, звучащій въ одно и то же время предсмертнымъ воплемъ и призывомъ на помощь.

Городовые мгновенно бросились по направленію, откуда донесся крикъ, и застали потрясающую картину. Цопа, стоя на тротуарѣ, изо всѣхъ силъ сжималъ въ объятяхъ молодого еврея, размахивающаго финскимъ ножомъ и употребляющаго отчаянныя усилія, чтобы вырваться изъ вѣлпившихся въ него могучихъ рукъ городского. Два обрызганныхъ кровью револьвера валялись около мѣста схватки. Обливающійся кровью Цопа съ распоротымъ, какъ потомъ оказалось, животомъ, пронизанный въ нѣсколькихъ мѣстахъ пулями, когда подошли его товарищи и схватили злодѣя, слабымъ, замирающимъ голосомъ произнесъ—«теперь я умру» и, безсильно рухнувшись на землю, тутъ же скончался.

Убийца оказался членомъ революціонно-разбойничьей шайки «Черный воронъ», долгое время терроризировавшей все населеніе города. Съ тѣхъ поръ дѣятельность этой шайки прекратилась, и населеніе г. Ромны спокойнѣе вздохнуло, благодаря самоотверженному герою-мученику, дорогой цѣной собственной крови купившему покой города.

Безвременно павшаго жертвой самоотверженнаго исполненія служебнаго долга провожали до кладбища его сослуживцы, всѣ чины роменской полиціи, полусотня 1-го пѣхотнаго генерала Вельяминова полка, хоръ военныхъ трубачей и огромная толпа народа, искренно сочувствовавшихъ безпредѣльному горю, оплакивавшихъ убитаго родныхъ и товарищей по службѣ и оружію.

Скорбно-торжественная процессія двигалась подъ истовые и заунывные звуки похороннаго марша.

Миръ праху твоему! Да будетъ блаженный удѣлъ въ обителяхъ отца небснаго герою-мученику, кровью своей запечатлѣвшему безконечную преданность Царю и Родинѣ!

Яковъ Васильевичъ Лебедевъ.

Становой приставъ кирсановскаго уѣзда, тамбовской губ.
Убитъ 13 Августа 1906 года.

13-го Августа 1906 года, на глухой вѣткѣ Рязанско-Уральской жел. дор.—Иноковка-Инжавино, совершилось преступленіе, по дерзости своей и числу жертвъ рѣдкое даже для нашего кроваваго времени.

Приставъ 2-го стана кирсановскаго уѣзда, Яковъ Васильевичъ Лебедевъ, возвращаясь изъ гор. Кирсанова домой, въ село Инжавино, на пересадочной станціи Иновкѣ услышалъ, что на этой станціи находится какой-то подозрительный молодой человѣкъ, везущій корзину съ нелегальными изданіями. Приказавъ арестовать его и доставить въ станovou квартиру, Лебедевъ занялъ мѣсто въ вагонѣ 2-го класса, а арестованнаго посадили въ сосѣдній 3-й классъ, подъ присмотромъ урядника Громова и стражника Максимова. Въ вагонѣ этомъ ѣхало много пассажировъ, въ томъ числѣ трое какихъ-то неизвѣстныхъ, расположившихся на скамьѣ у входной двери, и урядникъ Свиридовъ.

Вскорѣ послѣ отхода поѣзда со станціи Иноковки, около 8-ми часовъ вечера, урядникъ Громовъ замѣтилъ, что задержанный дѣлаетъ какіе-то знаки руками, на которые ему отвѣчаютъ тѣмъ же сидѣвшіе сзади, за спинкой скамьи, занятой Громовымъ, трое неизвѣстныхъ, и поручилъ стражнику Максиму доложить объ этомъ приставу.

На 10-й верстѣ отъ станціи Иноковка Лебедевъ, въ сопровожденіи Максимова и жандармскаго унтеръ-офицера Запки, возвращавшагося тоже домой изъ служебной командировки, вошелъ въ вагонъ 3-го класса. Вслѣдъ за ними вошелъ главный кондукторъ Осовскій и остановился около перегородки, раздѣлявшей вагонъ на два отдѣленія. Въ вагонѣ былъ полумракъ, и жандармъ Запка, подойдя къ скамьѣ, гдѣ сидѣли злоумышленники, хотѣлъ взять свѣчу у разбираващаго тутъ-же документы багажного кон-

дуктора, а приставъ Я. В. Лебедевъ, подвинувшись къ злоумышленникамъ, зажегъ спичку, чтобы освѣтить ихъ лица. Въ этотъ моментъ грянулъ выстрѣлъ, а затѣмъ непрерывный рядъ и другихъ. Жандармъ Заика пятью пулями былъ убитъ наповаль. Я. В. Лебедевъ, раненый пулей въ грудь, пробѣжалъ обратно черезъ весь вагонъ и упалъ мертвымъ, заслонивъ собою выходную дверь. Стражникъ Максимовъ, обнажившій пашку и пытавшійся ударить ею злодѣевъ черезъ спинку скамьи, на которой сидѣлъ Громовъ, былъ убитъ двумя выстрѣлами. Кондукторъ Осовскій, тяжело раненый, спрятался въ сосѣднее отдѣленіе, а пассажиры, въ паникѣ, частью укрылись подъ скамьи, а частью выскочили изъ вагона на полотно, пользуясь медленнымъ ходомъ поѣзда. Воспользовавшись общимъ смятеніемъ убійцы, а съ ними и арестованный молодой человѣкъ, также выпрыгнули изъ вагона и бѣжали.

Когда поѣздъ остановили, то около полотна желѣзной дороги оказался еще одинъ трупъ— урядника Свиридова, со слѣдами двухъ ранъ на спинѣ и лѣвой щекѣ, произведенныхъ выстрѣлами сзади. Пуль изъ его револьвера были перерѣзаны и послѣдній, съ кобурой, пропалъ.

Послѣ кратковременной остановки, поѣздъ продолжалъ свой путь на станцію Инжавино, а злодѣи безслѣдно скрылись. Въ оставленной въ вагонѣ корзины, которую везъ неизвѣстный, было найдено большое число замѣтокъ и записокъ преступнаго и конспиративнаго характера, нелегальныя брошюры и прокламаціи.

Черезъ нѣкоторое время одинъ изъ участниковъ этого преступленія, мѣщанинъ Орловъ, не достигшій еще 17-ти лѣтъ, былъ задержанъ и по приговору военного суда присужденъ къ 12-ти годамъ тюремнаго заключенія.

Приставъ 2-го стана, кирсановскаго уѣзда, Яковъ Васильевичъ Лебедевъ, погибшій 40 лѣтъ отъ роду, происходилъ изъ почетныхъ гражданъ. На службу въ полицію онъ поступилъ только за 7 мѣсяцевъ до убійства, но и за это короткое время успѣлъ зарекомендовать себя съ самой хорошей стороны, и какъ человѣкъ, и какъ

стойкій, смѣлый и дѣятельный полицейскій чиновникъ, бывшій на прекрасномъ счету у начальства.

До поступленія въ полицію покойный служилъ въ окружномъ артиллерійскомъ управленіи московскаго военнаго округа. Послѣ его смерти остались жена и 3-е дѣтей.

Вотъ до чего дошли у насъ, на Святой Руси, люди-звѣри: величаютъ себя освободителями, заботятся на словахъ о благѣ народномъ, а на дѣлѣ обыкновенные разбойники.

Загублено пять жизней, и за что?

Да, вывести эту породу можетъ только смертная казнь!

Иванъ Михайловичъ Боровковъ.

Полицейскій урядникъ, невелискаго уѣзда, витебской губерніи.
Убитъ 18 іюля 1910 года.

И. М. Боровковъ—герой русско-японской войны. Онъ участвовалъ въ качествѣ старшаго унтеръ-офицера въ сраженіи при Мукденѣ, за отличіе получилъ военный орденъ 4 степени.

Но не въ честномъ бою, на вражескомъ полѣ, пришлось сложить ему свою голову, а на поимкѣ одного изъ тѣхъ отбросовъ изъ числа крестьянской массы, которые, подъ растлѣвающимъ вліяніемъ революціонной жидовской пропаганды, попадаютъ въ среду деревенскихъ воровъ и аграрныхъ хулитановъ.

18 іюля 1911 г., получивъ заявленіе отъ одного изъ

крестьянъ дер. Можели о кражѣ у него сѣна невелискими мѣщанами Луцкими, проживающими въ дер. Гимрилѣ, И. М. Боровковъ вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ и понятыми поспѣшилъ туда. Прибывъ къ дому Луцкихъ, И. М. Боровковъ пригласилъ ихъ на мѣсто, гдѣ была совершена кража, и когда Луцкіе изъ дома не отозвались, вмѣстѣ съ приглашеннымъ имъ крестьяниномъ направился въ домъ. Луцкіе съ крикомъ: „намъ сюда его и надо на угощеніе“, набросились на неожиданнаго нападенія И. М. Боровкова, одинъ съ безменомъ, а другой съ топоромъ—и жестоко, злодѣйски издѣваясь, убили его на смерть. Тяжело раненый И. М. Боровковъ, защищаясь, успѣлъ сдѣлать три выстрѣла, однимъ изъ коихъ одного изъ Луцкихъ убилъ наповалъ, а другого тяжело ранилъ.

20 іюля И. М. Боровковъ былъ похороненъ съ церемоніаломъ и музыкой, при сопровожденіи гроба сослуживцами по полиціи.

И. М. Боровковъ родился въ 1878 году. Кромѣ знака отличія за войну имѣлъ медаль и знаки за отличную стрѣльбу. Въ должности полицейскаго урядника служилъ 3^{1/2} года.

Павель Лаврентьевич Бородинъ.

Полицейскій урядникъ землянскаго уѣзда, воронежской губерніи.
Убитъ 26 мая 1907 г.

Агенты смуты, рассылаемые революціонными комитетами въ злополучные 1905—7 гг., проникли и въ глушь русскихъ сель и деревень, стараясь всюду волновать и поднимать крестьянъна противъ чиновъ администраціи, противъ помѣщиковъ и противъ маленькихъ служакъ мѣстной полиціи. Благодаря этому, разбои, нападенія, грабежи и убійства изъ-за угла царли въ деревнѣ и терроризировали мирное населеніе. Одна изъ жертвъ этихъ озвѣрѣлыхъ крамольниковъ и убійцъ изображена на настоящемъ рисункѣ, снятомъ съ фотографической карточки.

Вѣрный сынъ своего народа и вѣрный слуга своего долга службы Царю и Отечеству, полицейскій урядникъ Павель Лаврентьевичъ Бородинъ, 54 лѣтъ, принялъ мученическую кончину отъ рукъ злодѣевъ-крамольниковъ

26 мая 1907 года въ селѣ Перневкѣ, землянскаго уѣзда, воронежск. губ., гдѣ онъ состоялъ на службѣ въ 12 участкѣ 3-го стана землянскаго уѣзда.

Происходя изъ крестьянъ хутора Сурдили, лебедянской волости, селянич. уѣзда, П. Л. Бородинъ первоначальное обученіе получилъ въ колторинскомъ сельскомъ училищѣ. По отбытіи воинской повинности, съ 1-го сентября 1878 года поступилъ на службу младшимъ коннымъ полицейскимъ урядникомъ въ землянскій уѣздъ, и въ этой должности, съ небольшими перерывами службы по болѣзни, состоялъ въ разныхъ участкахъ уѣзда до самой своей смерти. Какъ ревностный, исполнительный и вѣрный служака, онъ былъ отмѣченъ и награжденъ нѣсколькими знаками отличія. 27 февраля 1892 года, за открытіе виновныхъ въ совершенномъ на 31 дек. 1891 г. въ с. Новосильскомъ убійствѣ отст. рядового Михайлова и кр-на Золотарева, Бородинъ получилъ благодарность воронежскаго губернатора. Имѣлъ серебряныя медали «за 5 лѣтнюю безпорочную службу въ полиціи», на Аннинской лентѣ, и другую «за усердіе»; для ношенія на шеѣ, а также золотую «за усердіе» на Владимирской лентѣ; былъ женатый многосемейный человѣкъ.

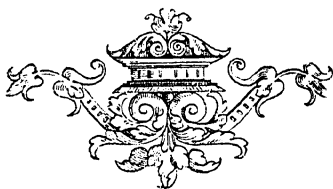
Въ 1905—1906 гг., въ періодъ волненій, неутомимо и энергично Бородинъ работаетъ, мѣшая агитаторамъ, преслѣдуя и задерживая ихъ, вслѣдствіе чего, по постановленію комитета (?) крамольниковъ, 26 мая 1907 г. въ 11 часовъ дня въ селѣ Перлевкѣ, у себя же на квартирѣ, во время занятій звѣрски убитъ административно-ссылнымъ кр. Еф. Ключниковымъ, который послѣ убійства скрылся.

Похороненъ былъ Бородинъ въ гор. Землянскѣ на городскомъ кладбищѣ. Хоронили этого честнаго и вѣрнаго служаку весь городъ съ участіемъ всего городского духовенства, при перезвонѣ всѣхъ колоколовъ. При погребеніи присутствовали всѣ должностныя лица разныхъ вѣдомствъ.

Во время опусканія гроба въ могилу праху почившаго были отданы воинскія почести. На могилѣ этого муче-

ника за родину былъ водруженъ деревянный крестъ съ надписью: „Честному Царскому слугѣ, жертвѣ подлаго убійства“.

Оставшаяся многочисленная семья П. Л. Бородкина, по особой Монаршей милости Царя-Батюшки, была обезпечена вполне достаточною пенсіей.

Максимъ Даниловичъ Яковлевъ.

Городовой г. Витебска. Убитъ 17 октября 1905 г.

М. Д. Яковлевъ одинъ изъ тѣхъ «незамѣтныхъ» героевъ, которые скромно несутъ свой жизненный крестъ, не ища ни славы, ни особой почести за свой вѣрный и доблестный трудъ на пользу Царя и Отечества.

Изъ крестьянъ витебской губ., дер. Саковичъ, закончивъ солдатскую службу рядовымъ въ 99 пѣхотномъ Ивангородскомъ полку, М. Д. Яковлевъ поступилъ на службу въ витебскую полицію, гдѣ и пробылъ до рокового для русскихъ людей 1905 года, когда волна «освободительнаго еврейско-инородческаго движенія» достигла своего апогея, поглотивъ во славу революціоннаго молоха столько славныхъ и неизгладимыхъ въ русской исторіи жертвъ народнаго добродушія и попустительства русской инородческой бюрократіи.

Это попустительство русской инородческой бюрократіи особенно сильно сказалось въ западномъ и юго-западномъ краѣ Россіи, тамъ, гдѣ и до сего времени русскіе люди терпятъ такъ много притѣсненій и зла отъ еврейско-инородческаго засилья.

Витебскъ кишить евреями. Въ 1905 году, естественно этотъ городъ былъ особенно богатъ еврейской освободительной смутой. На жидовскихъ заводахъ революціонеры-агитаторы развили свою преступную пропаганду до невѣроятной степени. Еврейская наглость сказалась здѣсь съ ужасающей силой, и вотъ одной изъ жертвъ ея и сдѣлался М. Д. Яковлевъ.

17 октября 1905 г., рано утромъ, на Замковую улицу г. Витебска начала собираться еврейская молодежь; которая, расхаживая по тротуарамъ, нагло предъявляла къ торговцамъ требованія закрывать магазины и лавки. Около 11 час. утра, когда къ собору стали прибывать войска, назначенныя для парада, наглость еврейской молодежи дошла до высшаго своего напряженія. Группи-

руясь въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, она направилась съ Замковской ул. на заводъ Лисовскаго, но здѣсь, настигнутая патрулями солдатъ и казачьимъ разъѣздомъ, была разбѣяна, причемъ изъ толпы были задержаны два неизвѣстныхъ жида, которые и были отправлены въ часть въ сопровожденіи городского М. Д. Яковлева и 5 нижнихъ чиновъ 6 роты 315 Рыбинскаго полка.

Когда арестованные жида прослѣдовали съ Задуновской ул. на Гоголевскую, находившаяся на Замковой ул. и Соборной площади еврейская молодежь съ крикомъ ринулась за арестованными и стала отбивать ихъ отъ конвоя. Раздались выстрѣлы изъ толпы и сраженный предательской пулей въ голову на повалѣ, М. Д. Яковлевъ замертво палъ на землю. Сдѣлавъ свое преступное дѣло, толпа еврейской молодежи быстро разбѣялась. Рядовой конвоя Милавскій пустилъ въ догонку убѣгавшихъ жидовъ 4 выстрѣла, однимъ изъ коихъ свалилъ съ ногъ убійцу М. Д. Яковлева, но бѣжавшая за нимъ толпа успѣла подхватить упавшаго и унести.

Изъ числа двухъ неизвѣстныхъ жидовъ, бѣжавшихъ отъ конвоя, послѣ убійства М. Д. Яковлева, одинъ былъ задержанъ вторично на Могилевской ул. Вмѣстѣ съ нимъ были задержаны еще два еврея, у одного изъ коихъ были отобраны 101 экземпляръ воззваній на русскомъ языкѣ, приглашающихъ населеніе города оставить работу и идти на улицу для борьбы съ правительствомъ.

Такъ погибъ отъ предательской руки этотъ еще молодой, 34-хъ лѣтній, слуга Царю и Родинѣ во дни кровавой години, первой жертвой „свободы 17 окт. 1905 г.“.

Миръ его праху и вѣчная память его скромному и незамѣнному подвигу въ защиту русской государственности.

Теодоръ Тихоновичъ Мѣдяникъ.

Атаманъ ст. Бекешевской, заурядъ-прапорщикъ. Убитъ 13 ноября 1907 года.

Теодоръ Тихоновичъ Мѣдяникъ, сынъ казака ст. Бекешевской Тихона Дмитриевича, родился 23 декабря 1869 г. Родители его были людьми очень бѣдными и не могли ему дать никакого воспитанія,—былъ онъ въ одноклассной мѣстной школѣ, но острая нужда въ насущномъ кускѣ хлѣба заставила Мѣдяника снискивать себѣ пропитаніе личнымъ трудомъ еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, почему онъ вынужденъ былъ посѣщеніе школы прекра-

тить и поступить по-найму пастухомъ стада мѣстныхъ жителей. Юношескіе годы Мѣдяника прошли незамѣтно. Со словъ его сверстниковъ извѣстно, что онъ былъ бойкимъ, находчивымъ, а также честнымъ и степеннымъ юношей. На 19-мъ году Мѣдяникъ, наравнѣ съ прочими казаками приговорительнаго разряда, сталъ посѣщать казачьи занятія въ станицѣ. Въ служилый составъ онъ былъ зачисленъ въ 1888 г. съ 1 января, перечисленъ въ строевой разрядъ въ 1891 г. 1 января, а 7 октября 1892 г. былъ командированъ со сверстниками во 2-ой Кубанскій пластунскій баталіонъ, куда и прибылъ 1 ноября того же года.

Здѣсь онъ сразу же выдѣлился изъ среды товарищей и черезъ три дня былъ зачисленъ въ учебную команду, курсъ которой онъ успѣшно окончилъ къ 8 іюня 1893 г. Въ 1894 г. Мѣдяникъ былъ произведенъ въ младшіе урядники, а въ 1894 г. утвержденъ старшимъ урядникомъ. Въ 1895 г. получилъ званіе и должность фельдфебеля и въ 1896 г. уволился со службы.

Ища выхода изъ бѣдственнаго матеріальнаго положенія, онъ сталъ проситься въ охранную стражу Китайско-Восточной желѣзной дороги, куда и былъ зачисленъ въ 1897 г. За мужество и храбрость, проявленное Мѣдяникомъ въ дѣлѣ 4 іюня 1900 г. при отступленіи отряда есаула Савицкаго изъ Гирина въ Толондо, онъ былъ награжденъ знакомъ военного ордена св. Георгія 4 ст. Въ томъ же году онъ былъ награжденъ знакомъ ордена св. Георгія 3-й ст. за дѣло противъ китайцевъ 28 сентября 1900 г. въ отрядѣ подполк. Дурново. За боевыя отличія и подвиги, кромѣ того, Мѣдяникъ былъ награжденъ серебряной медалью.

24 авг. 1902 г. Мѣдяникъ за выслугой срока былъ уволенъ со службы въ Приамурскомъ округѣ, и въ слѣдующемъ 1903 г. былъ прикомандированъ къ собственному Его Величества конвою, куда и зачисленъ на пополненіе л.-гв. 2-й Кубанской казачьей сотни.

По выслугѣ обязательнаго срока, по собственному желанію, Мѣдяникъ былъ зачисленъ на сверхсрочную

службу съ награжденіемъ серебрянымъ шеврономъ. Въ 1904 г. Мѣдяникъ былъ назначенъ въ распоряженіе помощ. командира конвоя полк. Абадзіева, командированнаго по Высочайшему повелѣнію въ распоряженіе генераль-квартирмейстера полевого штаба намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ. Отсюда Мѣдяникъ былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ, куда прибылъ и зачисленъ въ списки Уссурійскаго казачьяго полка 15 апр. 1904 г. За отличіе въ дѣлахъ противъ японцевъ на Дальнемъ Востокѣ Мѣдяникъ былъ награжденъ двумя знаками отличія военнаго ордена 2 ст. и 1 ст. и переименованъ въ заурядъ-прапорщики. Возвратившись съ Дальняго Востока, онъ вновь поступилъ въ конвой Его Величества и спустя немного времени, согласно просьбѣ, былъ уволенъ въ Кубанское казачье войско. За службу въ конвоѣ онъ былъ удостоенъ знакомъ собственноручно пожалованнаго ему Его Величествомъ.

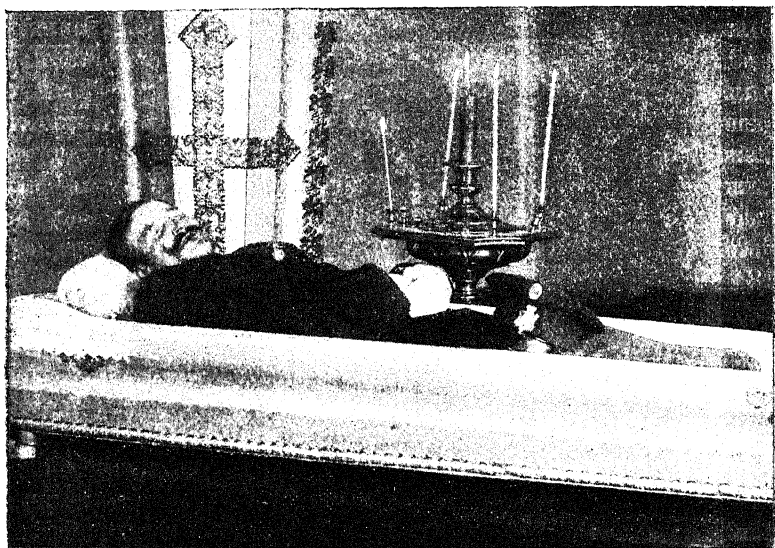
Таковъ блестящій служебный формуляръ заурядъ-прапорщика Ѳедора Тихоновича Мѣдяника, сплошь заполненный боевыми отличіями и пожалованными ему царскими наградами. Но, кромѣ необычайной энергіи и выдающейся отваги, Мѣдяникъ былъ очень полезенъ во время войнъ на Дальнемъ Востокѣ и иными своими заслугами. Живя на Дальнемъ Востокѣ, онъ изучилъ языки—китайскій, маньчжурскій, японскій и отчасти монгольскій, и, имѣя фizioномію монгольскаго типа, онъ очень удачно во время нашихъ войнъ выполнялъ роль переводчика и, зачастую, переодѣтаго агента нашихъ войскъ.

По прибытіи домой изъ конвоя, Ѳедоръ Тихоновичъ былъ избранъ обществомъ станицы Бекешевской атаманомъ, каковую должность и сталъ нести съ 16 окт. 1907 г. Но его прямота, горячая преданность Царю и русскому народу и авторитетное руководство станичнымъ обществомъ были не по душѣ его политическимъ противникамъ, и онъ былъ убитъ 13 ноября 1907 г. въ домѣ казака Бельдіева неизвѣстнымъ субъектомъ. Негодяй скрылся и не разысканъ.

Вся станица оплакивала безвременную смерть славнаго героя, погибшаго на 39 году жизни. Послѣ Ѳ. Т. Мѣдяника осталась семья, состоящая изъ жены и 4-хъ дѣтей.

Миръ праху твоему, доблестный царскій слуга и защитникъ родины!

Пимень Гавриловичъ Пошехоновъ.

Стражникъ кѣлечкой уѣздной команды, убитъ 11 февраля 1911 г.

Безвѣстная жертва того чернаго предательства, которое иначе называется «освободительнымъ движеніемъ» — Пошехоновъ, Пимень Гавриловичъ, происходитъ изъ крестьянъ с. Темянчева, алгасовской волости, моршанскаго уѣзда, тамбовской губерніи. Родился онъ въ 1871 г. Военную службу въ 41 драгунскомъ полку началъ въ 1892 году. Службу свою несъ съ честью, какъ подобаетъ доброму солдату и вѣрному слугѣ своего отечества. Честностью, добронравіемъ, бойкой смекалкой, энергіей и исполнительностью онъ заслужилъ благоволеніе своего начальства и любовь своихъ товарищей. Въ 1897 году службу свою онъ окончилъ и былъ уволенъ въ запасъ. Но недолго ему пришлось быть мирнымъ пахаремъ.

Какъ только раздался громъ русско-японской войны, Пошехонова повлекло, какъ вѣрнаго сына своей великой

родины, на театр военных дѣйствій, куда онъ и отправился, чтобы, ограждая Мать-Родину, выставить противъ непріятеля свою благородную грудь. Ему привелось сражаться и въ бою при дер. Сушаны. Судьба его здѣсь пощадила, и онъ здоровымъ и невредимымъ вернулся на родину. По возвращеніи съ театра военных дѣйствій, онъ поступилъ въ кѣлецкую уѣздную команду земскимъ стражникомъ, гдѣ и состоялъ на службѣ до дня своей трагической кончины 11 февраля 1911 г., дня горячихъ, безутѣшныхъ слезъ его бѣдной вдовы и сиротокъ-дѣтей.

Злодѣйская пуля врага „внутренняго“ оказалась для него роковой.

При такихъ обстоятельствахъ совершилось это печальное происшествіе.

8 февраля, около 8 часовъ вечера, былъ убитъ агентъ жандармской полиціи Зюлковскій. Прибывшимъ на мѣсто чинамъ полиціи и слѣдственнымъ властямъ, за позднимъ временемъ, ничего выяснить не удалось. Спустя немного времени, часа черезъ два или три, кѣлецкимъ уѣзднымъ начальникомъ получены были указанія, что негодаи-злумышленники ночуютъ подъ Кѣльцами, при чемъ было указано два вѣроятныхъ мѣста ихъ пребыванія. Моментально въ казармахъ земской стражи заиграли тревогу и раздались звуки энергичной команды. По приказанію начальника, какъ только лошади были осѣдланы, всѣ стражники, за исключеніемъ Пошехонова, отправились въ одно изъ этихъ мѣстъ, а въ другое, въ дер. Бялогонъ, былъ посланъ Пошехоновъ, чтобъ поднять стражниковъ тамошняго участка, произвести обыскъ и донести о результатахъ. Въ Бялогонъ онъ прибылъ около 3-хъ часовъ ночи, поднималъ стражниковъ и вмѣстѣ съ ними отправился на обыскъ. Оцѣплена была корчма, въ которой предполагалось присутствіе злоумышленниковъ, но обыскъ ея никакихъ результатовъ не далъ. Тогда, по приказанію старшаго стражника Бялогонскаго участка, была оцѣплена изба крестьянина Дзюбинскаго, извѣстнаго своей неблагонадежностью и сношеніями съ темными элементами. Сначала на стуки изъ избы не отвѣчали, затѣмъ

поднялась возня, слышались робкіе вопросы «кто?», „за-чѣмъ“? и, наконецъ, двери отворились. Въ избѣ никого не оказалось, и стражники собрались уже было уйти, какъ услышали на чердакѣ шорохъ. Старшій стражникъ тотчасъ приказалъ выйти и запереть дверь. Въ отвѣтъ на это приказаніе наверху раздалось „заряжай!“, и люкъ за-свѣтился электрическимъ фонаремъ. Стражники, выско-чивъ изъ избы, захлопнули двери. Съ чердака въ избу соскочили какіе то люди и стали требовать открытія дверей подъ угрозой стрѣльбы, а затѣмъ начали налегать на дверь съ цѣлю сорвать ее съ петель. Стражники открыли огонь по двери, но, несмотря на это, изнутри ее сорвали все-таки съ петель.

Выскочило двое злоумышленниковъ и, осыпая пулями Маузера весь дворъ, скрылись въ темнотѣ. На мѣстѣ остался трупъ извѣстнаго въ кѣлецкой губерніи боевика Гржибовскаго.

Въ этой перестрѣлкѣ стражникъ Пошехоновъ полу-чилъ пулю въ животъ, но, помня приказаніе начальника уѣзда доложить о результатахъ обыска, сѣлъ на коня и поскакалъ съ прострѣленнымъ животомъ 5 верстъ въ Кѣль-цы. Пригналъ онъ туда на разсвѣтѣ, точно выполнивъ при-казаніе о прибытіи съ докладомъ, а затѣмъ, ослабѣвъ отъ потери крови, свалился съ лошади въ городѣ около поста страж-ника, которымъ и былъ подобранъ и отправленъ въ мѣст-ный военный лазаретъ, гдѣ спустя двое сутокъ скончался.

Послѣ стражника Пошехонова осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни вдова съ пятью малолѣтними дѣтьми.

Петръ Мартиновичъ Снедзе.

Урядникъ витебскаго уѣзда, убитъ 10 сент. 1906 года.

«Они ушли, но тѣни ихъ витають,
Завѣты ихъ мы прочно сохра-
нимъ»...

Десятаго сентября 1906 года въ мѣстечкѣ Колышкахъ, витебской губ., убитъ революціонерамп, при исполненіи служебныхъ обязанностей, урядникъ уѣздной полицейской стражи Петръ Мартиновичъ Снедзе..

Годы революціоннаго мятежа въ Россіи особенно много дали жертвъ долга въ западныхъ губерніяхъ. Подъ вліяніемъ фанатиковъ-поляковъ и при участіи отбросовъ челоѣчества жидовъ, быстро вербовались члены кровавой смуты и создавались разныя революціонныя группы. Эти революціонныя, польско-жидовскія, шайки быстро размножились и заполнили сѣтью весь западный край Россіи, и всѣ онѣ горѣли ненавистью ко всему русскому и ко всѣмъ служащимъ русскимъ интересамъ. Тоже самое было и въ мѣстечкѣ Колышкахъ, витебской губерніи. Въ этомъ мѣстечкѣ пріютилась шайка подлыхъ убійцъ, подъ фирмою „Ліознянско-Колышанской“ революціонной группы, и открыла свою преступную дѣятельность «шпасая Россію и швабоды».

Но не спали вѣрные сыны Россіи и, въ похваченномъ революціонной вакханаліей краѣ, стойко боролись противъ крамольниковъ. Десятками падали вѣрные долгу стражники и городовые отъ предательскихъ ударовъ изъ за угла, отъ выстрѣловъ изъ за заборовъ въ темныя ночи...

Въ мѣстечкѣ Колышкахъ усиленно слѣдилъ и собиралъ свѣдѣнія о преступной дѣятельности приверженцевъ «красной тряпки» — урядникъ Петръ Снедзе.

Воспитанный въ вѣрности Престолу и Родинѣ и че-

стно прослуживъ въ войскахъ, въ которыхъ остался десять лѣтъ для сверхсрочной службы, Петръ Снедзе, и въ полицейской стражѣ такъ же вѣренъ данной присягѣ и, рискуя жизнью, не страшась угрозъ, преслѣдуетъ врага. Но сильно мѣшаетъ „революціоннымъ товарищамъ“, Петръ Снедзе; ужъ давно приговоренъ онъ ими къ смерти, стерегутъ каждый его шагъ, улучая удобную минуту для совершенія постыднаго убійства.

Услышавъ о желаніи Петра Снедзе перейти на службу въ корпусъ жандармовъ, гдѣ онъ еще въ большей степени могъ проявить свою дѣятельность въ борьбѣ съ крамолой, вся «гайда колышанская» испугалась, и часъ расплаты за вѣрность Царю и Родинѣ насталъ для Петра Снедзе.

Около 8 часовъ вечера, проходя по базарной площади въ казарму стражниковъ для ихъ провѣрки, урядникъ Снедзе былъ окруженъ „жидовско-русской молодежью“. Смертельный выстрѣлъ въ сердце и два въ руку окончили вѣрную службу павшаго героя. Когда прибѣжали стражники, нашли одиноко лежащаго Петра Снедзе. «Молодежь», свершивъ свою кровавую расплату, удрала, а ихъ «сородичи» позакрывали лавки.

Чего они боялись? Въ пословицѣ „блудливъ, какъ кошка, трусливъ, какъ заяцъ“—найдемъ отвѣтъ. Такъ и они способны наносить лишь подлые, предательскіе удары въ спину, но напрасно трудятся! Вѣдь Снедзе не одинъ—ихъ много, и каждое убійство Царевыхъ Слугъ лишь вызоветъ отвѣтъ другихъ борцовъ съ крамолой.

«Не запугаете!!.»

Павель Осиповичъ Новицкій.

Полицейскій надзиратель г. Мозыря, скончался отъ ранъ 22 іюля
1905 г.

Быль 1905 годъ. Развертывались съ каждымъ днемъ все новыя и новыя безчинства вскормленной воинствующимъ жидовствомъ „россійской революціи“, по всему широкому приволью матушки Руси разыгрывались одна за другой сцены кощунствъ, убійствъ и грабежей. Въ за-

падныхъ губерніяхъ наглость преждевременно торжествовавшего побѣду еврейства достигла крайнихъ предѣловъ. Растерянность высшей мѣстной администраціи предоставляла цѣлымъ толпамъ евреевъ безнаказанно производить въ многочисленныхъ городахъ и мѣстечкахъ западнаго края самыя возмутительныя безчинства, а становившіеся имъ на пути, честно исполняя свои обязанности, лица изъ рядовъ низшей администраціи и чиновъ полиціи гибли жертвами долга подъ направленными на нихъ стволами револьвера или просто подъ градомъ камней неистовствующихъ еврейскихъ толпъ.

Въ одномъ изъ такихъ городовъ, расположенномъ въ благодатномъ районѣ еврейской осѣдлости, въ уѣздномъ городѣ Мозырѣ, минской губерніи, условія сложились особенно благоприятно для господъ освободителей. Расположенный невдалекѣ отъ города фабрики съ тысячнымъ еврейскимъ рабочимъ населеніемъ, преимущественно пришлымъ, наводняли въ праздничные дни городъ толпами празднаго порочнаго люда, всецѣло охваченнаго духомъ революціонной пропаганды. Живя на фабрикахъ, внѣ границы мозырскаго уѣзда, рабочіе и гнѣздившіеся въ ихъ средѣ агитаторы легко ускользали отъ правильнаго и систематическаго наблюденія полиціи гор. Мозыря. Окрестности города, перерѣзанныя многочисленными глубокими оврагами, давали надежныя убѣжища бездомному люду, здѣсь же безнаказанно собирались митинги, которые, впрочемъ, скоро перенеслись въ самый городъ. Толпы демонстрантовъ заполняли улицы, наглѣли съ каждымъ днемъ, доведя свои безчинства до того, что прекращали всякое движеніе по городскимъ улицамъ.

Немногочисленная полиція города, предоставленная самой себѣ и не встрѣчавшая поддержки и поощренія сверху, выбивалась изъ силъ, отстаивая послѣдніе намеки на порядокъ въ городѣ, стараясь обуздать разнузданную толпу и не смѣя использовать силу своего оружія противъ бывшихъ тогда еще въ чести у либеральной администраціи дѣятелей освободительнаго движенія.

Въ рядахъ мозырской полиціи въ эти тяжелые дни

блестяще выдѣлялся полицейскій надзиратель Павелъ Осиповичъ Новицкій, только въ концѣ 1904 года назначенный на эту должность. Уроженецъ польской губерніи, Павелъ Осиповичъ началъ свою службу въ минскомъ управленіи государственныхъ имуществъ, откуда перевелся на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ въ канцелярію минскаго губернатора, а 7 сентября 1904 года былъ назначенъ на настоящую свою должность въ г. Мозырь.

На первыхъ же порахъ службы своей въ мозырской полиціи Павелъ Осиповичъ сумѣлъ снискать уваженіе среди сослуживцевъ, выдѣляясь особой энергіей и распорядительностью; исключительныя способности его обратили на себя вниманіе начальства, которое возлагало на него отвѣтственныя порученія по производству дознаній о серьезныхъ преступленіяхъ общественнаго характера, всегда успѣшно имъ выполнявшіяся. Это былъ выдающійся работникъ и неутомимый труженикъ, одинъ изъ тѣхъ, которые такъ незамѣтно для многихъ дѣлаютъ свое тяжелое дѣло, проходятъ безъ шума свой нелегкій служебный путь, ставящій ихъ постоянно въ соприкосновеніе съ самыми темными сторонами общественной жизни. Но энергичная дѣятельность П. О. Новицкаго и его неустанная борьба съ преступными элементами общества обратили на него также вниманіе дѣятелей смуты, для которыхъ онъ явился опаснымъ врагомъ, и ему была предопредѣлена та же участь, что постигла столько вѣрныхъ сыновъ родины въ эти смутные дни.

28 мая, въ предпраздничный день, когда работы на фабрикахъ заканчиваются съ 4 часовъ дня, толпы еврейской молодежи нахлынули по обыкновенію въ городъ, запрудивъ улицы и направляясь на главную Покровскую улицу, сопровождая свое шествіе обычными эксцессами жидовскихъ демонстрацій. Прибывшій на мѣсто безпорядковъ Новицкій обратился съ увѣщаніями къ демонстрантамъ, въ отвѣтъ на это на него посыпался градъ камней, его сшибли съ ногъ и продолжали наносить удары. Когда, обезсиленный, онъ попытался подняться съ земли,

къ нему подскочилъ молодой извергъ-жидъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ ему въ грудь изъ револьвера.

Несмотря на принятыя немедленно мѣры медицинской помощи и отправку раненаго съ первымъ отходящимъ пароходомъ въ Кіевъ, гдѣ его помѣстили въ Александровскую больницу, спасти его не удалось.

Молодой и сильный организмъ, Павлу—Осиповичу было всего 30 лѣтъ,—долго боролся со смертію, то пробуждая въ близкихъ его лучъ надежды, то снова повергая его молодую жену и маленькихъ дочекъ въ отчаяніе. Два мѣсяца тяжкихъ страданій завершили его земное существованіе, и 22 іюля 1905 г. Павла Осиповича не стало.

Осиротѣла семья. Еще одно имя начертано кровью на мрачной страницѣ недавняго прошлаго нашей родины.

Григорій Петровичъ Борисовъ.

Городовой г. Камышина, саратовской губ., убитъ 27 января 1908 г.

27 января 1908 года, въ 2 часа ночи, выстрѣломъ въ голову убитъ постовой городской г. Камышина, саратовской губ., Григорій Петровичъ Борисовъ. Свѣдѣніями объ этомъ печальномъ событіи мы располагаемъ, къ сожалѣнію, самыми краткими.

Со словъ камышинскаго уѣзднаго исправника можно думать, что скромный добродушный Борисовъ сыгралъ роль, такъ сказать, «учебной мишени» для террористическихъ упражненій юныхъ революціонеровъ. Бывшій реалистъ камышинскаго реальнаго училища Борисъ Антоновъ, крестьянинъ с. Тетеревятки, верхне-добринской вол., камышинскаго у., Александръ Симакинъ, 28 лѣтъ, и бывшій писецъ камышинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія Александръ Селезневъ, 26 лѣтъ, развращенные до мозга костей революціонной пропагандой бывшаго учителя камышинскаго реальнаго училища Федора Чернышева, — «съ цѣлью испы-

татъ свою способность къ террористическимъ актамъ», — намѣтили своей жертвой городского Борисова и рѣшили его убить. Заласшись водкой, они отправились въ старый городъ, а на обратномъ пути оттуда зашли въ постовую будку, стоявшую на мосту черезъ рѣку Камышинку, и попросили у постового городского Григорія Петровича Борисова разрѣшенія распить у него, въ постовой будкѣ, водку. Получивъ разрѣшеніе, юные революціонеры пригласили въ свою компанію и самого Борисова. Воспользовавшись моментомъ когда Борисовъ выпилъ послѣднюю рюмку и потянулся за закуской, Антоновъ быстро вынулъ револьверъ изъ кармана и въ упоръ выстрѣлилъ въ голову Борисова, отчего Борисовъ моментально свалился на землю и тотчасъ-же скончался.

Покойный Борисовъ происходилъ изъ крестьянъ с. Смо-родина, гусельской волости, камышинскаго уѣзда.

Михаиль Герасимович Чапля.

Городовой города Ногайска, бердянского уѣзда, таврической губернии. Скончался отъ 11 марта. 1908 г.

Въ городѣ Ногайскѣ 3 ноября 1907 года, поздно вечеромъ, въ хлѣбную контору Тубино ворвались нѣсколько вооруженныхъ револьверами мужчинъ. Связавъ управляющаго конторой и двухъ сторожей, „освободители“ похитили всѣ находившіяся въ кассѣ деньги (около 7000 р.) и затѣмъ скрылись...

Ногайскій полицейскій надзиратель Жуковский, получивъ извѣстіе объ этомъ разбойномъ нападеніи, немедленно, вмѣстѣ съ городовыми Михаиломъ Чаплей и Никитой Юхно, бросились въ погоню за „экспроприаторами“ и догнали ихъ въ 15 верстахъ отъ Нагайска, на хуторѣ

Шоля. Завязалась ожесточенная перестрѣлка, во время которой одинъ изъ разбойниковъ ранилъ Михаила Чаплю въ правую руку. Надзиратель Жуковский былъ также раненъ. Трое негодяевъ были все-таки захвачены и обезоружены; только четвертому удалось бѣжать.

Рана городского Чапли вызвала зараженіе крови.

Медленно и мучительно долго умиралъ Чапля...

11 Марта 1908 года—черезъ четыре мѣсяца и 8 дней тяжкихъ страданій—27-ми лѣтній Михаилъ Герасимовичъ Чапля скончался.

Послѣ покойнаго осталась вдова.

* * *

Еврейское освободительное движеніе приучило насъ къ террору въ многообразныхъ его видахъ и формахъ.

„Экспроприація“—это лишь одинъ изъ видовъ устрашенія еврейскимъ кагаломъ русскаго населенія и правительства.

Характерно то, что за все смутное время борьбы русскихъ людей съ еврейскимъ засильемъ начиная съ 1908 года и до настоящаго момента „освободителями“ не было ограблено ни одного еврейскаго банка и не было убито ни единого банкира—жида... Жидовскій кагалъ далъ точныя указанія, черезъ своихъ агентовъ—эс-эровъ и эс-дэковъ,—кого можно и должно убивать во славу Израиля и его капитала.

Съ 1905 года начались вооруженныя нападенія голытьбы, сбитой съ толку жидовскими агентами, на мирное, трудящееся русское населеніе. Грабились и убивались „экспроприаторами“ исключительно русскіе торговцы, русскіе помѣщики, православные бѣдные сельскіе священники, государственныя сберегательныя кассы, гдѣ хранились трудовыя крохи, собранныя на черный день русскими тружениками. Грабилось и расхищалось частное и государственное достояніе Русской Россіи, но богатому еврейству это было выгодно. Вотъ почему одинъ изъ еврейскихъ профессоровъ, читающій лекціи въ одномъ изъ

русскихъ университетовъ, эти разбойныя нападенія и убійства называлъ «экспроприаціями», т. е. законнымъ отчужденіемъ чужого имущества: вѣдь, по Талмуду и Шулханъ-Аруху, вся собственность «акумовъ», т. е. не евреевъ, также какъ и жизнь ихъ, принадлежитъ евреямъ!..

* * *

Велика заслуга передъ русскимъ государствомъ такихъ маленькихъ служащихъ, какъ покойный Михаилъ Чапля. Велико должно быть сознаніе гражданскаго долга у этого русскаго человѣка: забывъ о своемъ счастьѣ, о своей молодой жизни и о любимой, молодой женѣ—онѣ, вѣрный долгу службы своей Государю и Родинѣ, бросился на вѣрную смерть, горя однимъ желаніемъ—остановить злодѣевъ, поддерживающихъ смуту въ Россіи.

И погибъ Михаилъ Чапля.

Но добрымъ словомъ вспомнить его потомокъ—читатель, пробѣгая эти страницы Русской Скорби, и помянетъ въ своей христіанской молитвѣ маленькаго русскаго человѣка Михаила Чаплю, отдавшаго свою молодую жизнь за миръ и порядокъ въ Русской землѣ, безъ которыхъ нѣтъ возможности отстоять Вѣру Христову Православную, Царя Самодержавнаго Могучаго, и счастье и свободу Народъ Русскаго отъ непрестанныхъ еврейско-масонскихъ и другихъ вражескихъ посягательствъ.

Сильна и независима Россія, пока русскіе простые люди, подобно убитому городовому Чаплѣ, среди измѣны, малодушія и эгоизма образованной части общества, умѣютъ воспитать и сохранить въ себѣ независимую душу, любовь къ Родинѣ и беззавѣтную гражданскую доблесть.

Іосифъ Жилевичъ.

Старшій городской шавельской полицейской команды убитъ 14 Ноября 1905 года.

7 декабря 1882 г. Іосифъ Жилевичъ былъ принятъ на военную службу шавельскимъ уѣзднымъ по воинской повинности присутствіемъ и зачисленъ въ 18 пѣх. Вологодскій полкъ, гдѣ и прослужилъ до 23 сентября 1883 г. На службу въ полицію поступилъ 1 декабря 1891 г. младшимъ городовымъ въ шавельскую полицейскую команду, а затѣмъ 18 сентября 1899 г. былъ назначенъ старшимъ городовымъ той-же команды, въ каковомъ званіи до 1905 г. и прослужилъ, по отзывамъ его начальства, въ высшей степени усердно относясь къ службѣ и ведя примѣрный образъ жизни. Въ началѣ 1905 г. Жилевичъ участвовалъ въ разсѣяніи революціоннаго митинга, при каковомъ разсѣяніи нѣсколько изъ наиболѣе упорно препятствующихъ восстановленію порядка революціонеровъ были ранены и убиты, а затѣмъ въ томъ-же году онъ преслѣдовалъ преступника грабителя Ивана Пацевича. 15 ноября 1905 г., когда Жилевичъ ночью возвращался домой съ обхода, на Митавскомъ шоссе на него напалъ названный Пацевичъ, совместно съ другими неизвѣстными лицами. Спасаясь отъ напавшихъ, Жилевичъ вбѣжалъ въ свою квартиру и, схвативъ на руки свою двухлѣтнюю дочь Ядвигу, просилъ у преступниковъ пощады, но злодѣи не пощадили ни его самого, ни невиннаго ребенка, бывшего у него на рукахъ, и выстрѣлами изъ револьвера убили малютку дочь и тяжело ранили Жилевича, а затѣмъ dokonчили его ударами кинжала. Расправившись съ ненавистнымъ имъ, вѣрнымъ долгу и присягѣ Царскимъ слугою и его дочерью, Пацевичъ съ сообщниками скрылся, и до сего времени не розысканъ.

16 ноября, того же года, Жилевичъ былъ похороненъ на шавельскомъ римско-католическомъ кладбищѣ. Послѣ покойнаго остались безъ всякихъ средствъ къ жизни вдова Агата Юрьевна и дѣти Викентій, 13 лѣтъ, Осипъ, 9 лѣтъ, и Казиміра, 7 лѣтъ.

Миръ праху твоему, скромный труженикъ, принесшій при жизни посильную помощь въ водвореніи законнаго порядка въ Россіи и поплатившійся за то жизнью.

Михаилъ Михайловичъ Макаровъ.

Урядникъ лужскаго уѣзда, петербургской губ., убитъ 4 сентября 1905 года.

Революціонное движеніе 1905—1906 г.г., какъ извѣстно, расплодило полчища преступныхъ элементовъ, борьба съ которыми сдѣлалась крайне тяжелой и опасной. Особенно тяжело жилось, да и теперь еще живется, чинамъ полиціи, призваннымъ по долгу службы, именно, на эту борьбу.

И много ихъ погибло героями, славною смертью.

Память о нихъ вѣчно сохранится въ сердцахъ благодарныхъ русскихъ людей, занесшихъ ихъ въ скрижали лицъ, крамолою убиенныхъ за Царя, Отечество и Церковь.

Въ числу этихъ незамѣтныхъ героевъ долга слѣдуетъ отнести и урядника 3 участка, 2 стана, лужскаго уѣзда, петербургской губерніи, Михаила Михайловича Макарова.

4-го сентября 1909 года, вечеромъ, М. М. Макаровъ,

получивъ свѣдѣніе, что проживающій въ пустоши Ляды, бѣльско-сяберской волости, лужскаго уѣзда, мѣщанинъ Самуилъ Парцъ занимается тайной продажей безъ патента казеннаго вина, поѣхалъ въ пустошь, произвелъ у Парца обыскъ и нашелъ $\frac{1}{4}$ ведра водки. Установивъ продажу, Макаровъ составилъ установленный протоколъ для привлеченія Парца къ законной отвѣтственности.

Затѣмъ Макаровъ направился съ десятскимъ въ д. Усадбище, гдѣ, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, происходили собранія воровъ и конокрадовъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ къ живущему отдѣльно отъ селенія, въ лѣсу, эстонцу Сааръ, также извѣстному въ качествѣ укрывателя преступниковъ и занимающемуся вмѣстѣ съ двумя взрослыми сыновьями конокрадствомъ.

При приближеніи Макарова, изъ дома Сааръ выбѣжали два извѣстныхъ преступника, скрылись въ лѣсу. Макаровъ возвратился къ повозкѣ и сталъ издали наблюдать за домомъ Сааръ. Вскорѣ туда, крадучись, вошелъ неизвѣстный Макарову человекъ. Макаровъ послѣдовалъ за нимъ. Замѣтивъ преслѣдованіе, неизвѣстный, — какъ затѣмъ удалось выяснитъ слѣдствіемъ, эстонецъ Лухта, — успѣлъ взбѣжать на чердакъ дома, пробраться на крышу и, спрыгнувъ съ послѣдней, скрыться въ лѣсу.

Видя бесполезность преслѣдованія, Макаровъ направился въ дер. Усадбище; ѣхать пришлось по болоту, въ темнотѣ. Случайно сбившись съ дороги, повозка попала въ трясины и завязла. Усилія двухъ лицъ оказались недостаточными. Пришлось идти звать на помощь народъ. Макаровъ, оставивъ десятскаго при лошади, отправился въ поселокъ Ляды.

Долго пришлось ждать десятскому..

Прошла томительная ночь.

На разсвѣтѣ десятскій бросилъ лошадь и повозку въ лѣсу, вернулся въ свою деревню и, предчувствуя недоброе, собралъ народъ для розысковъ пропавшаго урядника.

Искать пришлось не долго.

Макарова нашли на землѣ эстонца Сааръ убитаго двумя пулями въ грудь.

Слѣдствію удалось обнаружить и убійцъ.

Это были—Самуилъ Парцъ и Лухта, показавшіе, что они убили Макарова, якобы, обороняясь отъ него...

Такъ погибъ маленькій человѣкъ, но на большемъ дѣлѣ, дѣлѣ борьбы съ преступнымъ міромъ—зломъ ужаснымъ, развѣдающимъ, погибъ одинокимъ, вдали отъ близкихъ. Послѣ него осталась жена и 8 человѣкъ дѣтей.

Михаилъ Михайловичъ Макаровъ—сынъ титулярнаго совѣтника. По отбытіи воинской повинности въ учебной гальванической ротѣ, онъ вышелъ въ запасъ и поступилъ въ С.-Петербургскую столичную полицію, а затѣмъ въ 1897 году перешелъ на должность урядника въ лужскій уѣздъ, гдѣ и былъ до самой смерти.

За усердіе по службѣ былъ награжденъ серебряной медалью на Аннинской лентѣ.

Иванъ Сергѣевичъ Кудиновъ.

Младшій стражникъ 2 отряда богучарскаго уѣзда, воронежской губ.,
убитъ 11 ноября 1908 года.

Какое тяжелое состояніе испытываешь во снѣ тогда, когда застоявшаяся кровь отдаетъ организмъ во власть неожиданныхъ и странныхъ галлюцинацій. Начинаетъ казаться, что падаешь изъ окна куда-то глубоко, глубоко. Судорожно цѣпляешься ослабѣвающими пальцами за подоконникъ, за какую нибудь скобку, чувствуя, что сейчасъ измѣнять и эта скобка, и силы, и что паденіе куда-то вглубь, въ бездонную пропасть—неизбѣжно. Прорываешься—и не можешь сразу придти въ себя, хотя и стараешься отдать себѣ отчетъ въ томъ, что же именно случилось. Но кошмаръ мало по малу исчезаетъ. И не знаешь, не можешь даже себѣ представить откуда и почему пришло это охватившее тебя наводненіе.

Такъ и теперь.

Теперь мы мало по малу освобождаемся отъ ужаснаго кошмара, давившаго насъ нѣсколько лѣтъ, кошмара, называвшагося «великой російской революціей». Этотъ кошмаръ былъ дикъ и безуменъ. Онъ повлекъ за собою тысячи жертвъ, унесъ тысячи жизней, молодыхъ, полныхъ силъ, обездолилъ тысячи семействъ...

Плачутъ старыя матери, рыдаютъ маленькія дѣти...

Рыдаютъ и маленькія дѣти стражника Ивана Сергѣевича Кудинова, казака панкратьевскаго хутора, слащевской станицы, хоперскаго округа, Области Войска Донскаго, погибшаго славною смертью героя на посту 11 ноября 1908 года въ слободѣ Калачъ, богучарскаго уѣзда, воронежской губ.

11 Ноября 1908 года, въ 7 часовъ вечера, къ уряднику калачевской волости, богучарскаго уѣзда, Олейникову явился крестьянинъ слободы Калачъ Степанъ Шевцовъ и заявилъ, что къ нему въ домъ пришли со станціи Калачъ

три неизвѣстныхъ человѣка, внушающихъ ему по своей наружности и поведенію подозрѣніе. Люди эти, по словамъ Шевцова, нанимаютъ лошадей въ слободу Монастыршину, отстоящую отъ с. Калача въ 45 верстахъ, гдѣ они намѣрены открыть торговлю, какъ заявили они Шевцову.

Олейниковъ немедленно отправился въ домъ Шевцова и, заведя разговоръ съ прибывшими, потребовалъ отъ нихъ предъявленія паспортовъ, для представленія ихъ мѣстному становому приставу. Незвѣстные передали Олейникову паспорта, которые, по просмотрѣ ихъ, возбудили подозрѣніе урядника. Рѣшивъ задержать неизвѣстныхъ, Олейниковъ отправился въ домъ, гдѣ жили стражники, рядомъ съ домомъ Шевцова, распорядился по командѣ и, взявъ съ собою шесть стражниковъ, направился съ ними къ дому Шевцова.

Когда стражники были около воротъ дома Шевцова, оттуда вышелъ человѣкъ, отвѣтившій на вопросъ урядника—кто онъ такой?—«Степановъ работникъ». Было темно. Лицо разобрать было невозможно, и его пропустили. Въ это время на крыльцо дома Шевцова вышли двое прїѣзжихъ. Олейниковъ предложилъ имъ войти въ избу. За ними пошли и стражники. Первымъ шелъ Иванъ Сергѣевичъ Кудиновъ. Лишь только Кудиновъ вошелъ въ избу, неизвѣстные открыли непрерывную стрѣльбу изъ браунинговъ. Стражникъ былъ раненъ однимъ изъ первыхъ же выстрѣловъ. Тяжело раненый онъ упалъ, но и съ пола онъ смогъ выстрѣлить изъ бывшей у него винтовки и ранить одного злодѣя. Стрѣльба между тѣмъ продолжалась. За Кудиновымъ были ранены стражники Кононовъ и Лазаревъ.

Чтобы отвлечь часть стражниковъ изъ избы, третій злодѣй, назвавшійся работникомъ Шевцова, открылъ стрѣльбу со двора. Его маневръ удался. Трое, оставшихся невредимыми, стражниковъ бросились во дворъ и начали преслѣдовать стрѣлявшаго. Этимъ воспользовались бывшіе въ избѣ. Отстрѣливаясь отъ урядника Олейникова, злодѣи сумѣли выбѣжать во дворъ и скрыться въ темнотѣ.

О преслѣдованіи злодѣевъ не могло быть и рѣчи въ виду страшной темноты.

Раненыхъ подобрали и бережно перенесли въ мѣстную земскую больницу, гдѣ Кудиновъ, послѣ тяжкихъ страданій, скончался 13 ноября.

Поиски злодѣевъ начались съ ранняго утра слѣдующаго за перестрѣлкой дня.

Урядникъ Олейниковъ, осматривая мѣстность около дома Шевцова, обнаружилъ въ рощицѣ Шевцова слѣды ногъ и крови, тянувшіеся болѣе версты по направленію къ близъ лежащей желѣзной дорогѣ. Взявъ съ собою уцѣлѣвшихъ стражниковъ, Олейниковъ отправился въ погоню за злодѣями. Въ пути удалось выяснитъ, что преступники заходили въ желѣзнодорожную будку, гдѣ раненому была сдѣлана его товарищемъ перевязка. Побывали они и въ другой будкѣ, гдѣ отдыхали, такъ какъ, раненый злодѣй чувствовалъ себя худо. Отъ желѣзной дороги со станціи Воробьевка злодѣи уѣхали на нанятой подводѣ въ с. Петренкову, гдѣ, какъ сообщилъ крестьянскій мальчикъ, укрылись въ ригѣ крестьянина Касьянова. Стражники, предложивъ преступникамъ выйти изъ риги, окружили послѣднюю, а такъ какъ они отказались выйти, то произвели въ нее 12 залповъ изъ винтовокъ. Залпы произвели свое дѣйствіе, и злодѣи съ поднятыми вверхъ руками вышли изъ риги и сдались. При обыскѣ у нихъ были найдены два браунинга, три полныхъ обоймы къ нимъ и 53 патрона.

Прибывшій въ это время въ слободу Петренкову представъ 5 стана бобровскаго уѣзда, сосѣдняго съ Богучарскимъ, выяснилъ личность злодѣевъ. Они оказались—одинъ крестьяниномъ слободы Чулокъ, козловской волости, бобровскаго уѣзда, Иваномъ Семеновымъ Бѣлкинымъ, другой—крестьяниномъ слободы велико-архангельской, козловской же волости, бобровскаго уѣзда, Игнатіемъ Дмитриевымъ Сердюковымъ.

Первый давно уже разыскивался какъ соучастникъ захваченной шайки анархистовъ-коммунистовъ.

Третій злоумышленникъ, крестьянинъ слободы Чулокъ, Иванъ Степановъ Бабайцовъ остался не розысканнымъ.

Бѣлкинъ и Сердюковъ были преданы временному военно-окружному суду въ г. Воронежѣ, и по его приговору преданы смертной казни черезъ повѣшеніе.

Въ память убитого злодѣями Ивана Сергѣевича Кудинова на кладбищѣ слободы Калачъ поставленъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора, на высокомъ пьедесталѣ, обнесенный красивой рѣшеткой, съ высѣченной на мраморѣ золотыми буквами надписью:—«Стражнику Кудинову, погибшему отъ руки грабителей при исполненіи служебнаго долга». Сооруженный на пожертвованныя сослуживцами и жителями слободы Калачъ деньги памятникъ былъ освященъ 27 августа 1909 года.

Послѣ Ивана Сергѣевича остались жена-казачка Любовь Петровна и четверо маленькихъ дѣтей, Петръ, Михаилъ, Иванъ и Марія.

Александръ Федоровичъ Ассѣевъ.

и

Минъ Лукьяновичъ Гайдученко.

Городовые г. Бѣлгорода, курской губерніи, убиты 19 мая 1910 года.

Смерть соединила еще тѣснѣ этихъ двухъ маленькихъ, простыхъ, самоотверженныхъ русскихъ людей, чѣмъ они были соединены при жизни на службѣ въ полиціи города Бѣлгорода, курской губерніи.

Политическій элементъ революціи смѣнился грабежами и экспроприациями. Прежняя опасная борьба смѣнилась еще болѣе опасной, такъ какъ на сцену выступили уже самые отчаянные подонки революціи, для которыхъ «деньги» и „чужое добро“ замѣнили красивыя слова «свободы».

«Все мое—мое и все твое—мое» — вотъ девизъ, изъ-за котораго шли эти люди на убійства и насилія...

А исповѣдывавшихъ эту заповѣдь людей въ 1909 и въ 1910 годахъ было очень много.

Были они и въ маленькомъ городкѣ Бѣлгородѣ, курской губ. Здѣсь жила сосланная подъ гласный надзоръ полиціи изъ города Екатеринослава крестьянка, полтавской губерніи, Пелагея Черновалова. Она была заподозрѣна въ сношеніяхъ и укрывательствѣ членовъ группы анархистовъ-коммунистовъ.

Полицейскія власти, получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія, рѣшили произвести ночью 19 марта 1910 года осмотръ ея квартиры, находившейся на окраинѣ города въ слободѣ Саввиной.

Осмотръ былъ порученъ 4 городовымъ, въ числѣ которыхъ были Александръ Федоровичъ Ассѣевъ и Минъ Лукьяновичъ Гайдученко.

Небольшой отрядъ въ первомъ часу ночи постучался въ дверь квартиры Черноваловой.

На стукъ отозвался бывший въ квартирѣ домохозяинъ Петръ Рябченковъ, который, узнавъ, что стучатся полицейскіе, дверей не только не открылъ, но еще основательнѣе приперъ ихъ.

Во время обсужденія городовыми дальнѣйшаго плана дѣйствій, дверь внезапно раскрылась, и изъ квартиры Черноваловой выбѣжалъ какой то человѣкъ, открывшій по городовымъ стрѣльбу изъ браунинга.

Раненые Ассѣевъ и Гайдученко упали и вскорѣ скончались отъ ранъ тутъ же на мѣстѣ.

Уцѣлѣвшіе городовые побѣждали за убѣгавшимъ, но задержать его не смогли, такъ какъ онъ скрылся въ темнотѣ. Соучастники злодѣя были арестованы.

Вотъ все, что можно рассказать о смерти этихъ двухъ героевъ.

Они пришли исполнить свой служебный долгъ и ихъ убили...

Только...

Но, какъ красива ихъ смерть!

Какимъ примѣромъ доблести должны служить эти люди

для сотенъ тысячъ другихъ истинныхъ русскихъ людей, жизнь свою отдающихъ за Царя и Отечество.

Не только въ этой книгѣ помянутся ихъ имена. Ихъ смерть, смерть героевъ долга, извѣстна Тому, кто защищаетъ сирыхъ и убогихъ, утѣшаетъ плачущихъ и страждущихъ.

„Придите ко мнѣ вси обремененніи и азъ упокою вы“.
И они ушли къ нему.

Миръ праху ихъ.

Александръ Федоровичъ Ассѣевъ — крестьянинъ дер. Андреевки, Никольской волости, бѣлгородскаго уѣзда, курской губерніи.

Призванный на военную службу, онъ отбывалъ такую въ 36 запасномъ пѣхотномъ баталіонѣ неотдѣльнаго кадра и 28 марта 1884 г. былъ уволенъ въ запасъ арміи со званіемъ рядового. Въ томъ же году онъ поступилъ на службу въ бѣлгородскую полицію городовымъ. За безпорочную и отличную службу онъ былъ назначенъ старшимъ городовымъ и награжденъ малою, а затѣмъ и большою серебряными медалями.

Скончался А. Ф. Ассѣевъ 53 лѣтъ отъ роду.

Послѣ его смерти осталась жена съ 5 дѣтьми.

Минъ Лукьяновичъ Гайдученко происходитъ изъ крестьянъ дер. Васильевки, рывровской волости, винницкаго уѣзда. Въ 1883 году онъ былъ принятъ на военную службу, въ 31-ю артиллерійскую бригаду, а въ 1888 году уволенъ въ запасъ арміи со званіемъ бомбардира. 24-го апрѣля 1889 г. Гайдученко поступилъ городовымъ въ бѣлгородскую городскую полицейскую команду, гдѣ прослужилъ безпорочно въ званіи старшаго городского по день смерти, исполняя всевозможныя отвѣтственныя порученія. За примѣрную и усердную службу былъ награжденъ малою и большою серебряными медалями.

Скончался М. Л. Гайдученко 48 лѣтъ отъ роду, оставивъ жену и 5 человекъ дѣтей.

Фонъ Левисъ-офъ-Менаръ. Оскаръ Густавовичъ,

Подполковникъ Малоярославскаго пѣхотнаго полка, убитъ въ г. Ригѣ
15 октября 1905 г.

15-го октября 1905-го года, около 7 часовъ вечера, по Суворовской улицѣ гор. Риги шла довольно большая толпа забастовщиковъ. Она разбивала магазины, опрокидывала фонари, снимала извозчиковъ съ козелъ (желая заставить ихъ то же забастовать) и всячески глумилась, издѣвалась, не только надъ тѣми, кто пытался, хоть сколько нибудь образумить эту необузданную, полупьяную толпу, но даже и надъ мирными, случайными прохожими, дававшими первыми ей дорогу. На углу Суворовской и Б. Невской ул. 2-3 человека, изъ болѣе увлекающихся, позволили себѣ сбить съ ногъ и начать грабить случайно попавшуюся имъ на встрѣчу даму (личность этой

дамы къ сожалѣнію установить не пришлось); вотъ, въ этотъ то самый моментъ и встрѣтился съ толпой горячо любимый и всѣмъ уважаемый, какъ товарищами, такъ и подчиненными, подполковникъ Отто-Густавовичъ-фонъ-Левисъ-офъ Менаръ. Благородное сердце Отто-Густавовича, воспитанное въ духѣ строгой дисциплины и уваженія къ личности, не могло допустить и мысли, чтобы въ его присутствіи, безнаказанно, могло бы совершиться какое нибудь насиліе, тѣмъ болѣе еще надъ дамой.

Твердо памятуя, что онъ офицеръ честной русской арміи, что на немъ надѣтъ мундиръ его родного Малоярославскаго полка, того самаго полка, передъ полковымъ знаменемъ котораго, онъ ровно 31 годъ тому назадъ, будучи тогда еще безусымъ юношей, первый разъ въ жизни произнесъ торжественное и великое для всѣхъ слово «Клянусь», Отто Густавовичъ, недолго думая, заступился за даму и вполне сознательно вступилъ въ неравный бой, въ которомъ и погибъ отъ предательскаго выстрѣла сзади.

Прибывшіе вскорѣ на мѣсто происшествія командиръ полка, полковой адъютантъ и первая рота нашли Отто Густавовича, уже въ аптекъ на углу Суворовской и Б. Невской ул., безъ признаковъ жизни. При медицинскомъ осмотрѣ праха Отто Густавовича нашли въ головѣ его двѣ сквозныхъ пульныхъ раны,—одна отъ пули, прошедшей черезъ правый глазъ и вышедшей сзади, другая отъ пули попавшей въ шею и вышедшей въ ротъ, при чемъ были выбиты два верхнихъ переднихъ зуба и оторванъ кусокъ верхней губы,—и нѣсколько ножевыхъ ранъ въ головѣ и шеѣ.

Кромѣ того одной пулей былъ раненъ покойный въ лѣвую руку, видимо несшую шашку въ обхватъ за ножну, потому что на двухъ пальцахъ лѣвой руки послѣдніе два сустава держались только на кожѣ, эта же пуля, попавъ въ карманъ пальто, отбила деревянную часть на рукояткѣ револьвера и затѣмъ пробила мякоть лѣвой ноги выше колѣна.

Изуродованный прахъ покойнаго (подпольнымъ геро-

ямъ было мало убить нужно было еще и изуродовать), убитая горемъ вдова и сироты безвременно погибшаго любимаго товарища и начальника—сдѣлали свое дѣло: всѣ офицеры и нижніе чины лелѣяли въ себѣ надежду, что на ихъ долю выпадетъ счастье, хотя и съ рискомъ для собственной жизни, отомстить за многоуважаемаго Отто Густавовича, но, къ сожалѣнію, преступники обнаружены не были. По этому дѣлу хотя былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго запасной рядовой, и дѣло это разбиралось во временномъ военномъ судѣ въ городѣ Ригѣ, при закрытыхъ дверяхъ, въ 1906 году, но за недостаткомъ уликъ обвиняемый былъ оправданъ.

Трудно описать, то чувство горести и кровной обиды, которое испытывали малоярославцы, печально провожая въ дождливый осенній день, подъ звуки похороннаго марша, въ мѣсто вѣчнаго упокоенія прахъ горячо любимаго товарища и истиннаго отца-командира. Рады всѣ были только тому, что въ самую трудную, рѣшительную, а вмѣстѣ съ тѣмъ, къ несчастью, оказавшуюся и послѣднюю минуту жизни Отто Густавовича, Богъ помогъ ему смѣло и неустрашимо взглянуть въ глаза смерти, и что, встрѣтившись съ толпой забастовщиковъ, онъ, какъ и всегда это дѣлалъ, не повернулъ назадъ, а, отлично понимая все, что его ждетъ впереди, сознательно и бодро самъ пошелъ на встрѣчу ужасной смерти, рѣшивъ лучше честно умереть, чѣмъ позволить въ своемъ присутствіи производить насиліе и дать дорогу забастовщикамъ, и умеръ такимъ джентльменомъ, какимъ былъ 31 годъ.

Уже темнѣло когда, подъ традиціонные звуки залповъ, съ горечью опустили въ могилу прахъ многоуважаемаго Отто Густавовича, но при этомъ всѣ ясно сознавали, что похоронили только тѣло, имя же осталось и останется всегда жить съ ними.

Честной службой Батюшкѣ ЦАРЮ и Матушкѣ Россіи Отто Густавовичъ занесъ имя свое на страницу исторіи своего родного полка, хотя палъ жертвой не непріятельской пули въ честномъ бою, не тяжелаго недуга, а руки полупьянаго, безсознательнаго забастовщика.

Портретъ Отто Густавовича хранится въ полковомъ музеѣ, тамъ же хранятся въ особомъ шкафу и его барашковая шапка и шашка, сданныя въ музей полка 5-й ротой, которой командовалъ покойный.

Можно съ увѣренностью сказать, что у всѣхъ провожавшихъ было на умѣ:

Спи же, товарищъ нашъ безцѣнный,
Въ стѣнахъ обители Святой!
Придетъ для всѣхъ часъ незабвенный
И мы увидимся съ тобой!

Подполковникъ Фонъ-Левисъ-офъ-Менаръ началъ службу въ 116-мъ пѣхотномъ Малоярославскомъ полку унтеръ-офицеромъ въ 1874 году. Образование получилъ въ Виленскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ, которое окончилъ по 2-му разряду въ 1876 году и въ офицерской стрѣлковой школѣ. По окончаніи училища прибылъ въ полкъ портупей-юнкеромъ, а въ 1878 году былъ произведенъ въ прапорщики; въ 1879 году въ подпоручики; въ 1885 году въ поручики; въ 1890 году въ штабсъ-капитаны; въ 1897 году въ капитаны; въ 1900 году былъ командированъ въ офицерскую стрѣлковую школу, которую окончилъ въ 1900 году, сентября 9-го; въ 1905 году былъ произведенъ въ подполковники.

Подполковникъ Отто-Оскаръ-Густавовичъ фонъ-Левисъ-офъ-Менаръ, уроженецъ лифляндской губерніи, родился въ 1857 году 14-го августа и происходитъ изъ потомственныхъ дворянъ, вѣроисповѣданія лютеранскаго, былъ женатъ на дѣвицѣ Алисѣ-Аннѣ-Маріи-Софіи Шадеватцъ и имѣлъ дѣтей сына Евгенія-Карла-Вольдемара, родившагося въ 1899 году, сына Оскара-Густава-Эдгара, родившагося въ 1900 году и дочь Филицію, родившуюся въ 1902 году; всѣ дѣти находятся, въ настоящее время, при матери.

Отто-Федоровичъ убитъ въ городѣ Ригѣ, на углу Суворовской и Б. Невской ул., 15-го октября 1905 года, похороненъ 19-го октября 1905-го года въ городѣ Ригѣ, на лютеранскомъ кладбищѣ Св. Петра.

Будь тебѣ пухомъ могила...

Кришъ Юрьевичъ Муижарай.

Урядникъ гробико-газенпотскаго уѣзда, курляндской губ., убитъ
28 сентября 1905 г.

Кришъ Юрьевичъ родился въ 1864 г. и происходилъ изъ крестьянъ-латышей кацдангенской волости, того же газенпотскаго уѣзда. Образование получилъ въ народномъ училищѣ своей волости, военную службу отбылъ въ Ново-георгіевской крѣпостной артиллеріи. Выйдя въ запасъ старшимъ фейерверкеромъ, К. Ю. почти сейчасъ же получилъ то мѣсто урядника въ газенпотскомъ уѣздѣ, которое черезъ 17 лѣтъ вѣрной и честной службы освятилъ своей кровью.

Въ роковой для Муижарая вечеръ, 28 сентября 1905 г., онъ находился въ деревнѣ Паурупенъ, рупавской волости, гдѣ наблюдалъ за порядкомъ на бывшей здѣсь ярмаркѣ. Уже направляясь къ себѣ домой, Муижарай встрѣтилъ у околицы деревни, около мѣстнаго баптистскаго молитвеннаго дома, двухъ незнакомцевъ, которые показали ему подозрительными. Остановивъ ихъ, Муижарай началъ разспрашивать, кто они такіе и куда идутъ. Спутанные и

сбивчивые отвѣты незнакомцевъ еще болѣе усилили подозрѣніе исполнительнаго урядника (это было время господства въ курляндской губерніи «лѣсныхъ братьевъ» и другихъ революціонно-разбойничьихъ шаекъ), и Муйжарай предложилъ незнакомцамъ отправиться съ нимъ въ волостное управленіе. Злодѣи сдѣлали видъ, что готовы идти, но уже черезъ нѣсколько секундъ, неожиданно для Муйжарая, выхватили револьверы и выстрѣлили: одинъ въ спину урядника, а другой—въ грудь. Несчастный имѣлъ еще силу вынуть въ свою очередь револьверъ, но выстрѣлить уже не могъ и упалъ со стономъ на землю. Поднятый сбѣжавшими на выстрѣлы жителями деревни, Муйжарай въ безсознательномъ состояніи былъ перенесенъ ими въ мѣстную аптеку, гдѣ черезъ часъ и скончался. Передъ смертью онъ пришелъ въ себя и разсказалъ доктору и аптекарю подробности нападенія на него, описавъ примѣты неизвѣстныхъ ему убійцъ. Злоумышленники, однако, розысканы не были.

По отзывамъ начальства и товарищей Муйжарая, убитый К. Ю. отличался ревностнѣйшимъ исполненіемъ своего служебнаго долга, былъ горячо преданъ Царю и Отечеству и мужественно боролся, по мѣрѣ своихъ силъ, съ мѣстнымъ революціоннымъ движеніемъ; въ частной жизни—былъ добрый и справедливый человѣкъ.

Послѣ К. Ю. осталась осиротѣвшая семья изъ жены Анны, 30 л., двухъ дочерей: Евгеніи, 7 лѣтъ, и Эльзы, 5 лѣтъ. Семья эта получаетъ отъ казны небольшую пенсію.

Брониславъ Александровичъ Намовичъ.

Городовой г. Поневѣжа, убитъ 12 января 1906 г.

Брониславъ Александровичъ Намовичъ—одна изъ безчисленныхъ жертвъ еврейской революціонной организаціи „Бундъ“, залившей въ 1904—1906 г. западъ и югъ Россіи кровью вѣрныхъ сыновъ нашей родины.

Намовичъ служилъ младшимъ городовымъ въ г. Поневѣжѣ, ковенской губ. Поступилъ онъ на службу 1 октября 1904 г., а былъ убитъ 12 февраля 1906 г. Покойный отличался преданностью своему дѣлу и твердымъ исполненіемъ долга. Не смотря на то, что, въ это кошмарное время „дней свободъ“, всюду десятками гибли отъ революціонныхъ бомбъ и пуль сослуживцы Намовича, и въ самой ковенской губерніи уже насчитывались десятки убитыхъ его товарищей, честный служака не падалъ духомъ, помнилъ о присягѣ и, какъ свидѣтельствуешь офиціальный отзывъ его начальства, продолжалъ «энергично преслѣдовать въ г. Поневѣжѣ преступниковъ». Конечно, наступилъ поэтому скоро и его чередъ...

Въ роковой для Намовича день, 12 февраля 1906 г., онъ былъ командированъ въ распоряженіе податного инспектора. Розыскивая инспектора, уже отправившагося провѣрять торговые заведенія города, Намовичъ зашелъ въ лавку еврея Каца, разспросить куда именно пошелъ инспекторъ. Въ то время, какъ Намовичъ разговаривалъ съ хозяиномъ, внезапно сзади Намовича раздался выстрѣлъ и городской почувствовалъ, что раненъ въ плечо. Обернувшись лицомъ къ стрѣлявшему, Намовичъ увидѣлъ, что стрѣлялъ еврей Михель Рухъ. Прежде чѣмъ Намовичъ успѣлъ принять какія-либо мѣры самозащиты, убійца выстрѣлилъ въ него еще два раза и быстро выбѣжалъ изъ лавки. Тяжело раненый въ животъ Намовичъ, еще имѣлъ силы выйти изъ лавки, взять извозчика и отпра-

вѣлся самъ въ городскую больницу. Здѣсь ему сдѣлали операцію, но раны оказались смертельными, и въ тотъ же день, въ 7 ч. вечера, Намовичъ скончался.

Погребенъ онъ былъ на Поневѣжскомъ римско-католическомъ кладбищѣ.

Злодѣй Рухъ такъ и не былъ розысканъ.

Александръ Ивановичъ Войлошниковъ.

Начальникъ московской сыскной полиціи, убитъ 14 декабря 1905 г.
въ Москвѣ:

Въ 1905 году Москва пережила рядъ дней, одно воспоминаніе о которыхъ заставляетъ жутко сжиматься сердце и молить Провидѣніе о томъ, чтобы такіе дни никогда болѣе не повторялись.

Въ памяти тѣхъ, кто пережилъ весь ужасъ этого времени, какъ живые должны стоять образы доблестныхъ и вѣрныхъ Царскихъ слугъ, «казненныхъ» революціонерами по постановленіямъ «революціонныхъ комитетовъ» лишь только за то, что они не примкнули къ безпардонной толпѣ насильниковъ, руководимой исконными врагами русской государственности—евреями, армянами, финлядцами и поляками.

Никто не будетъ возражать, что въ возможность рес-

публики искренно вѣрили только подростки, наполнявшіе революціонную жидовскую армію. Слабые знаніемъ жизни и исторіи, эти войны революціи были ограждены своимъ энтузіазмомъ отъ сомнѣній въ торжествѣ самыхъ несбыточныхъ утопій, развиваемыхъ передъ ними «вождями» революціи: Носаремъ, Троцкимъ, Сталемъ, Ленинымъ, Мартовымъ, Махновцемъ, Слонимскимъ, Рейснеромъ, Вигдорчикомъ, Турудинеромъ, Столкиндоу, Гольдбергомъ, Персицъ, Перельманомъ и др.

Обратите вниманіе, сколько здѣсь русскихъ.—По фамиліи только одинъ—Ленинъ, но за русскою фамиліей тоже скрытъ еврей.

Другимъ, еще болѣе многочисленнымъ, контингентомъ революціонной арміи была фабрично-заводская молодежь, очень мало и очень немногому учившаяся и наскоро прошедшая курсъ политическихъ наукъ на митингахъ и на популярныхъ лекціяхъ товарищей—студентовъ.

Въ какомъ видѣ представлялась имъ демократическая республика, объ этомъ не трудно догадаться съ одной стороны по тѣмъ грошевымъ брошюрамъ, которые, какъ блины, специально фабриковались для нихъ, російскими Дантонами и Маратами, а съ другой по тѣмъ поступкамъ и образу дѣйствій, которые свидѣтельствовали, что эти рядовые революціонной арміи очень плохо разбирались не только въ политическихъ вопросахъ, для рѣшенія которыхъ они предназначались и служили пушечнымъ мясомъ, но и въ самыхъ простыхъ, несложныхъ житейскихъ отношеніяхъ, въ элементарныхъ понятіяхъ государственнаго и полицейскаго права.

Лучшимъ, но печальнѣйшимъ, доказательствомъ этому, является убійство 14 декабря 1905 года начальника московской сыскной полиціи, Александра Ивановича Войлошниковъ.

Во время самаго разгара, такъ называемаго, «вооруженнаго возстанія», во главѣ московской сыскной полиціи стоялъ только что утвержденный въ должности ея начальника коллежскій ассессоръ Александръ Ивановичъ Войлошниковъ.

Поступивъ на службу въ московскую полицію, послѣ отбытія воинской повинности прапорщикомъ запаса артиллеріи, покойный посвятилъ лучшіе годы жизни самоотверженной дѣятельности въ рядахъ доблестной московской полиціи, эпохи А. А. Власовскаго и Д. О. Трепова, и пользовался всегда общимъ уваженіемъ начальства и сослуживцевъ за свою высокую честность, беззапятную преданность долгу службы и выдающіяся способности.

Въ непрестанномъ соприкосновеніи съ преступнымъ міромъ, привыкнувъ презирать опасность, А. И. Войлошниковъ и въ тѣ дни, когда центръ города, а въ томъ числѣ и градоначальство, были отрѣзаны отъ окраинъ засѣвшими за баррикадами бунтовщиками, продолжалъ ежедневно являться на службу въ сыскную полицію, слѣдуя большею частью пѣшкомъ на Тверской бульваръ съ захваченной уже революціонерами Прѣсни, гдѣ въ Волковомъ переулкѣ, около Зоологическаго сада, находилась его квартира и проживала его супруга съ дѣтьми, не покидавшая своего мужа и въ эти дни смертельной опасности.

А какъ велика была эта опасность—каждому станетъ ясно, если вспомнить, что весь прѣсенскій районъ, съ расположенными здѣсь Прохоровской мануфактурой, фабрикой Шмидта и Зоологическимъ садомъ, 2 дня обстрѣливались артиллерійскимъ огнемъ и были взяты и очищены лишь съ боя доблестными Семеновцами.

Нѣкоторое время квартиру своего начальника охраняли два вооруженныхъ маузерами надзирателя, но люди были нужны на службѣ и, несмотря на ихъ просьбы, А. И. Войлошниковъ отпустилъ и послѣднюю свою охрану.

Вечеромъ, 14 декабря, около 6 часовъ, когда пробравшійся черезъ цѣпь разставленныхъ бунтовщиками постовъ и нѣсколько баррикадъ, Александръ Ивановичъ былъ у себя съ молодой супругой и малолѣтними дѣтьми, квартира его оказалась окруженной вооруженными маузерами и браунингами «дружинниками» изъ бунтовщиковъ прѣсенскаго района. Ровно въ 6 часовъ, въ квартирѣ по-

койнаго раздался звонокъ съ параднаго хода. Прислуга не отворяла.

Звонокъ повторился и затѣмъ звонки стали раздаваться одинъ за другимъ.

Наконецъ, черезъ двери стали кричать, угрожая выломать двери и ворваться силою.

Испуганная прислуга спросила, кто звонить, хотя дверей и на этотъ разъ не открывала.

Изъ за двери ей отвѣтили, что имъ нужно видѣть начальника сыскной полиціи.

На заявленіе прислуги, что г. Войлошникова нѣтъ дома, бунтовщики заявили, что это неправда, такъ какъ они сами только что видѣли его въ окнѣ, и что если двери не будутъ открыты, они начнутъ стрѣльбу. Служанка, увидѣвъ, что дѣло неладно, побѣжала къ дверямъ чернаго хода и хотѣла крикнуть дворника, но двери чернаго хода уже охранялись „дружинниками“.

Тогда, оберегая свою семью отъ разстрѣла въ квартирѣ и надѣясь на свое умѣнье обращаться съ презираемымъ имъ преступнымъ сбродомъ, доблестный А. И. Войлошниковъ самъ открылъ дверь ломившимся бунтовщикамъ, которые толпою ввалились въ квартиру.

Увидавъ лишь одного А. И. Войлошникова, бунтовщики въ первый моментъ опѣшили, пораженные отвагой начальника сыскной полиціи, безъ оружія рѣшившагося энергичнымъ словомъ убѣжденія подѣйствовать на обезумѣвшую подъ вліяніемъ агитаторовъ молодежь.

Родившійся въ Москвѣ и даже выросшій на этой самой Прѣснѣ, А. И. Войлошниковъ близко зналъ мѣстное населеніе, и въ особенности его рабочую среду и учащуюся молодежь, и не допускалъ, чтобы они могли сознательно идти на какое бы то ни было убійство, а тѣмъ болѣе на убійство человѣка, въ присутствіи его семьи.

Бунтовщики вступили въ переговоры, заявивъ А. И. Войлошникову, что они явились арестовать его по постановленію „революціоннаго комитета“.

Подстрекаемые появившимся во время переговоровъ агитаторомъ, они дали слово умолявшей ихъ на колѣняхъ

женѣ А. И. Войлошниковой, что послѣдній останется въ живыхъ, лишь отбудетъ арестъ, назначенный ему, застѣдавшимъ на Прохоровской фабрикѣ «комитетомъ» и предложили А. И. Войлошникову слѣдовать за ними на фабрику.

Благословивъ на глазахъ злодѣевъ плачущихъ дѣтей и попрощавшись съ женою—А. И. Войлошниковъ вышелъ съ бунтовщиками на улицу.

Черезъ нѣкоторое время въ квартирѣ снова раздался звонокъ, снова появились въ ней „дружинники“, которые, заявивъ женѣ А. И. Войлошниковой, что мужъ ея живъ, потребовали допустить ихъ до обыска квартиры. Молодая женщина покорно подчинилась насильникамъ.

Производившіе обыскъ, тщательно перерыли всю квартиру, забрали 4000 рублей наличныхъ денегъ, хранившихся въ письменномъ столѣ, отобрали разныя мелкія драгоценныя вещи и рѣшительно всѣ бумаги и документы. Медаль за коронованіе оставили г-жѣ Войлошниковой на память. Было забрано также оружіе А. И. и патроны, золотыя часы и кошелекъ съ мелкими деньгами.

Между тѣмъ, самъ А. И. Войлошниковъ былъ выведенъ въ Волковъ переулокъ, гдѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, злодѣи беспорядочными выстрѣлами въ спину изъ маузеровъ и браунинговъ, разстрѣляли безоружнаго, сознательно ушедшаго съ ними изъ своей квартиры, чтобы избавить жену и дѣтей своихъ отъ ужаснаго зрѣлища, неминуемаго убійства его на глазахъ семьи.

Тѣло покойнаго было подобрано на другой день, рано утромъ, прислугою. На тѣлѣ оказалось 25 огнестрѣльных ранъ.

А. И. Войлошниковъ похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, гдѣ сослуживцами покойнаго по московской сыскной полиціи, надъ могилой павшаго жертвой самоотверженнаго исполненія служебнаго долга, предположено соорудить достойный его подвига монументъ.

Миръ твоему праху честный человѣкъ. Да будетъ память о тебѣ вѣчною въ назиданіе всѣмъ, преданнымъ душою и Царю и Отечеству героямъ долга.

Злодѣи поймутъ всю жестокость коварства, жертвою котораго сталъ ты и твоя осиротѣвшая семья, и поймутъ это тогда, когда грозная дѣйствительность водворитъ ихъ къ ихъ разбитому корыту, отдастъ ихъ въ руки неугасимой совѣсти.

Петръ Кузьмичъ Даровскихъ.

Почтарь екатеринбургскаго уѣзднаго земства, убитъ 4-го октября 1907 года.

Безконечною вереницею проходятъ передъ мысленнымъ взоромъ именно безвременно погибшихъ отъ руки дерзкихъ и наглыхъ разбойниковъ-революціонеровъ! Никого и ничего не щадить ихъ преступная рука! Убиты святители, пастыри церквей, знатные и богатые, бѣдные и простые люди, молодые и старые, женщины и даже дѣти!

Словно демонъ какой-то несется надъ нашей родиной, уничтожая съ истинно-сатанинской злобой все достойное, прекрасное, доблестное и, собравъ людей безличныхъ и ничтожныхъ, малодушныхъ и преступныхъ, тщится основать свое царство зла! Но не будетъ этого! Не даромъ пролита и проливается кровь невинныхъ! Орошенная этою кровью русская земля, дастъ богатые всходы!

Свѣтять намъ во мракѣ темныхъ и лживыхъ ученій дѣла и подвиги тѣхъ, кто кровью своею запечатлѣлъ за-

вѣты дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ! Даже жизнь неизвѣстныхъ намъ маленькихъ людей нерѣдко можетъ служить примѣромъ мужественнаго исполненія служебнаго долга. Къ числу таковыхъ принадлежалъ и погибшій почтарь Петръ Кузьмичъ Даровскихъ. Свѣдѣній о немъ сохранилось очень мало. Извѣстно, что онъ 25 лѣтъ отъ роду, началъ служить почтаремъ съ 4-го января 1907 года въ екатеринбургской земской управѣ, а до службы жилъ у своихъ родителей. По отзывамъ его начальства, а также и сослуживцевъ, Даровскихъ былъ человѣкомъ хорошимъ, трезвымъ и къ своимъ обязанностямъ относился често и добросовѣстно.

Осенью, 4-го октября, того же года ему пришлось везти почту изъ села Коневского въ село Тюбукъ. Въ дорогѣ ночью напали на него трое злоумышленниковъ, которые, видя его сопротивленіе и нежеланіе подчиниться ихъ требованіямъ, стали бить его по головѣ палками.

Когда Даровскихъ упалъ, злодѣи сорвали съ него часы, взяли казенный револьверъ, вытащили изъ сумки небольшую сумму денегъ и скрылись.

Утромъ его нашли и отвезли въ больницу, находящуюся въ селѣ Никольскомъ; тамъ онъ, не приходя въ сознаніе, черезъ полторы сутокъ скончался. Отъ нанесенныхъ ударовъ палками у несчастнаго Даровскихъ оказался черепъ крестообразно расколотымъ, а лобъ проломленнымъ. Торжественныя похороны были устроены за счетъ земской управы. Тѣло его перевезли въ Екатеринбургъ и отпѣвали въ екатерининскомъ соборѣ. Службу совершало соборное духовенство при большомъ стеченіи народной толпы и въ присутствіи начальства. Погребли его на Михайловскомъ городскомъ кладбищѣ.

Миръ праху твоему, вѣрный слуга! Черезъ нѣкоторое время убійцъ поймали, судили военнымъ судомъ и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. А бѣдные престарѣлые родители лишились въ своемъ сынѣ утѣшенія и единственной опоры своей старости!

Антонъ Романовичъ Годзинь.

Земскій стражникъ люблинской уѣздной команды. Убитъ 6 ноября 1911 года.

Люблинская губернія, какъ и другія губерніи привислинскаго края, не смотря на всѣ оффиціальныя завіренія объ «успокоеніи», продолжаетъ пополнять списокъ жертвъ революціи все новыми и новыми именами. Каждый день въ газетахъ можно прочесть коротенькое, обыкновенно печатаемое мелкимъ шрифтомъ, извѣстіе: «при преслѣдованіи злоумышленника убитъ или смертельно раненъ жандармскій унтеръ-офицеръ, городской или стражникъ». Всѣ эти кровавыя происшествія носятъ вполне опредѣленный характеръ. Распропагандированное отребье, принимавшіе нѣкогда самое дѣятельное участіе въ забастовкахъ, террористическихъ актахъ и др. враждебныхъ выступленіяхъ противъ представителей Царской власти въ краѣ, теперь не въ состояніи пристроиться ни къ какой честной работѣ, а потомъ продолжаетъ заниматься разбоемъ, грабежемъ, браконьерствомъ и т. д.

Земскій стражникъ Антонъ Годзинъ палъ отъ руки именно такого отребья. Будучи посланъ вмѣстѣ съ другимъ стражникомъ, Григоріемъ Шпортіемъ, въ гмину Пяски, съ цѣлью преслѣдованія браконьеровъ, они 6-го ноября 1911 г. прибыли въ лѣсъ у дер. Сѣдлищъ. Тутъ имъ на встрѣчу попался лѣсникъ имѣнія Бржезище, ѣхавшій верхомъ на лошади. Узнавъ о цѣли ихъ пріѣзда, лѣсникъ предложилъ имъ свою лошадь, послѣ чего они всѣ трое, раздѣлившись, по одиночкѣ отправились опушкою лѣса. Не прошло и получаса, какъ лѣсникъ и Шпортій услышали два послѣдовательныхъ, ружейныхъ выстрѣла. Они побѣжали по тому направленію, гдѣ оставили Годзина, и вскорѣ увидѣли какого-то человѣка съ ружьемъ въ рукахъ, который, при ихъ приближеніи, спрятался за дерево. Шпортій потребовалъ, чтобы тотъ сейчасъ же от-

далъ ружье. Въ отвѣтъ послѣдовалъ выстрѣлъ, которымъ Шпортій былъ раненъ въ обѣ руки дробью. Несмотря на отчаянную боль храбрый стражникъ бросился къ разбойнику, схватилъ его за руки и сталъ звать на помощь. Подбѣжавшій лѣсникъ, видя, что у браконьера въ одной рукѣ револьверъ отнятый у Годзина, и что Шпортію грозитъ серьезная опасность, выстрѣлилъ въ разбойника изъ ружья и убилъ его наповаль. Впослѣдствіи въ убитомъ былъ опознанъ извѣстный бандитъ. Станиславъ Бѣлковскій, — участникъ цѣлаго ряда разбойныхъ нападеній на дома мѣстныхъ помѣщиковъ и убійца городского Стецюка въ горъ Люблинѣ.

Невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ произошла расправа съ разбойникомъ, былъ найденъ трупъ убитого имъ стражника, Антона Годзина.

Изъ краткихъ свѣдѣній, присланныхъ о покойномъ, видно, что вѣроисповѣданія онъ былъ православнаго, 30 лѣтъ отъ роду, въ земскую стражу поступилъ 1 апрѣля 1911 года. Послѣ убитого осталась жена.

Сергѣй Пантелеймоновичъ Дунаевъ.

Полицейскій урядникъ, новохоперскаго уѣзда, воронежской губ., убитъ
22 іюня 1911 г.

Новохоперскій и другіе сосѣдніе уѣзды воронежской губерніи, въ качествѣ, такъ сказать, наслѣдія «ограбнаго движенія», прокатившагося кровавою волною по нѣкоторымъ центральнымъ и приволжскимъ губерніямъ въ 1905—6 годахъ, получили „извѣстнаго“ Грачева, атамана разбойничьей шайки. Этотъ Грачевъ, подобно Савицкому, другому такому-же душегубу, воспѣтому іудейскими газетами, а нынѣ даже «самимъ» писателемъ революціонно-освободительнаго толка, Леонидомъ Андреевымъ, въ теченіе двухъ лѣтъ (съ 1907—по 1909 г.) совершалъ грабежи, разбои и убійства со своею шайкою въ вышеупомянутыхъ уѣздахъ, держа въ постоянномъ страхѣ все мирное населеніе, и... оставался неуловимымъ.

Пусть надъ разрѣшеніемъ послѣдней загадки потрудятся мѣстные, болѣе знакомые съ положеніемъ дѣлъ, люди,— для насъ, пишущихъ краткія воспоминанія о многихъ-многихъ безвѣстныхъ жертвахъ кровавой смуты, достаточно будетъ здѣсь отмѣтить, что въ розыскѣ и задержаніи разбойника Грачева, не послѣднюю роль сыгралъ скромный нижній полицейскій чинъ—урядникъ Дунаевъ. И, конечно, долженъ былъ за свой подвигъ, за свою добросовѣстную службу поплатиться жизнью...

Его убили, очевидно, бывшіе, непопавшіе въ руки полиціи, участники шайки Грачева, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 22 іюля 1911 г., около 12 часовъ ночи, Дунаевъ возвращался вмѣстѣ съ приставомъ I-го стана Новохоперскаго уѣзда, Карповичемъ, въ слоб. Красненькую, изъ сосѣдняго села, куда ѣздили по дѣламъ службы. Ночь была лунная, и еще издали они могли замѣтить весьма подозрительную компанію изъ 6 парней, которые съ какими-то узлами въ рукахъ шли имъ на встрѣчу. Когда они поровнялись съ этою компаніею, приставъ приказалъ Дунаеву разспросить парней, откуда и куда они идутъ. Урядникъ безпрекословно повиновался приказанію своего начальника, слѣзъ съ тарантаса и направился къ незнакомцамъ. Но не успѣлъ раскрыть рта, какъ моментально былъ ими окруженъ и буквально разстрѣлянъ изъ браунинговъ. При вскрытіи, въ тѣлѣ его были найдены двѣ пули и установлено, что несчастному, когда онъ былъ уже мертвъ, разсѣчена голова его-же пашкою...

Такъ трагически погибъ этотъ скромный, безвѣстный служитель долга,—и пусть его доблестный подвигъ служить примѣромъ многимъ-многимъ такимъ-же безвѣтнымъ слугамъ Царя и Родины, которымъ—благодареніе Богу—еще полна матушка-Русь!..

Станиславъ Іосифовичъ Дзянковскій.

Капитанъ 3-го Гренадерскаго Черновскаго полка. Убитъ революціонерами 20 сентября 1906 года въ Москвѣ.

Дѣло происходило въ первыхъ числахъ іюня 1906 г., т. е. менѣе чѣмъ годъ спустя послѣ безумной и кровавой оргіи въ Москвѣ, именуемой на іудейско-освободительномъ жаргонѣ «московскимъ вооруженнымъ возстаніемъ». Преступная и наглая, полная кошмарныхъ ужасовъ, инородческая вакханалія въ Москвѣ — «сердцѣ Россіи» — была, въ концѣ концовъ, подавлена военною силою. Но, къ сожалѣнію, главные коноводы этой безпримѣрной въ лѣтописяхъ Россіи вакханаліи, успѣли своевременно бѣжать изъ Москвы за-границу или въ свои подпольныя гнѣзда, такъ называемая ликвидація московскаго «вооруженнаго возстанія», шла очень медленно, распропагандированные іудейско-кадетскими листками, брошюрами и публичными рѣчами, «сознательные товарищи» продолжали мутить рабочую среду, словомъ, послѣ-революціонная муть давала себя чувствовать всюду, на каждомъ шагу...

Особеннымъ успѣхомъ пользовалась преступная агитация, конечно, въ московскихъ тюрьмахъ, одиночныя и неодиочныя камеры которыхъ, были все еще переполнены всякимъ революціоннымъ сбродомъ. Въ частности. Бутырская пересыльная тюрьма, какъ наибольшая изъ московскихъ тюремъ, представляла собою самый опасный пунктъ, требовала со стороны властей неустаннаго надзора и примѣненія крутыхъ мѣръ: бунты арестантовъ здѣсь возникали систематически, каждую минуту грозя перейти въ массовое, поголовное возмущеніе...

Именно къ этому времени относится случай, который и послужилъ затѣмъ причиною мученической смерти С. І. Дзянковскаго. Онъ тогда командовалъ одною изъ ротъ Гренадерскаго Черновскаго полка, стоявшаго лагеремъ на Ходынскомъ полѣ. Какъ-то позднею ночью, вне-

запно, были вызваны изъ лагеря роты Перновскаго полка «для усмиренія арестантовъ Бутырской тюрьмы». Изъ отрывистыхъ приказаній можно было только понять, что безпорядки въ тюрьмѣ ожидаются къ такому-то часу, назначенному самими арестантами, въ качествѣ, такъ сказать, предѣльнаго срока для исполненія администраціею тюрьмы цѣлаго ряда предъявленныхъ ими «экономическихъ» требованій...

Военные сборы, какъ водится въ этихъ случаяхъ, отличались быстротою. Черезъ нѣсколько минутъ роты форсированнымъ маршемъ двинулись въ Бутырки. Прибывъ въ тюрьму, командиры ротъ получили болѣе опредѣленные инструкціи. Приказано было, въ случаѣ возникновенія безпорядковъ, дѣйствовать рѣшительно. Роты были размѣщены согласно указаніямъ тюремнаго начальства, причемъ капитану Дзянковскому, съ его ротою, поручено было наблюдение за самымъ опаснымъ пунктомъ тюрьмы—именно за зданіемъ, гдѣ помѣщаются одиночныя камеры. Зданіе это въ нѣсколько этажей, и въ каждомъ этажѣ—длинный корридоръ съ цѣлою вереницею выходящихъ въ корридоръ дверей одиночныхъ камеръ.

Распропагандированные арестанты выполнили въ точности свою угрозу. Когда настала опредѣленная ими часть, и „экономическія требованія“ ихъ остались неудовлетворенными, сразу, точно по командѣ, по всей тюрьмѣ пронесся гулъ отъ разбиваемыхъ дверей, оконъ, посуды и проч. Въ одиночныхъ камерахъ всѣ арестанты одновременно стали бить скамьями въ двери и не прошло пяти минутъ, какъ двери, подъ этими бѣшенными ударами, начали трещать и поддаваться. Моментъ былъ критическій: еще минута-двѣ, и взбунтовавшіеся, разъяренные арестанты, выломавъ двери, очутятся въ корридорѣ, произойдетъ кровавое побоище... Съ поразительнымъ самообладаніемъ, въ эту опасную минуту, капитанъ Дзянковскій рѣшилъ испытать послѣднее средство, въ надеждѣ, что оно образумитъ взбунтовавшихся «одиночниковъ». Онъ быстро вырвалъ изъ рукъ ближайшаго солдата ружье, всунулъ дуло въ окошечко первой камеры и закричалъ;

— Перестань. А то буду стрѣлять.

Что отвѣтилъ арестантъ, не выяснено съ точностью. По рассказамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, арестантъ, будто бы, бросилъ чайникомъ въ кап. Дзянковского. Фактъ, во всякомъ случаѣ, безспоренъ, что угроза кап. Дзянковского не подѣйствовала, и онъ вынужденъ былъ привести ее въ исполненіе. Кап. Дзянковский выстрѣлилъ изъ ружья, и, какъ оказалось впоследствии, этимъ выстрѣломъ былъ убитъ арестантъ. Только послѣ первыхъ выстрѣловъ солдатъ бунтъ прекратился. И, конечно, имя капитана Дзянковского—главнаго усмирителя арестантскаго бунта—«ководы» въ свое время узнали и хорошо запомнили...

Уже съ первыхъ чиселъ сентября того же года кап. Дзянковский началъ получать письма со штемпелемъ „партіи социалистовъ-революціонеровъ“, которые доводили до его свѣдѣнія, что онъ будетъ убитъ, и что смертный приговоръ вынесенъ ему за «энергичныя дѣйствія при подавленіи арестантскаго бунта въ Бутырской тюрьмѣ». Наканунѣ своей мученической кончины С. І. показывалъ эти письма полковымъ товарищамъ, но никакихъ особенныхъ мѣръ предосторожности, несмотря на совѣты близкихъ, не принималъ. «Достаточно и револьвера, который я теперь ношу въ карманѣ»...—говорилъ онъ.—«Я исполнилъ свой долгъ, долгъ присяги, и совѣсть моя спокойна. Двумъ смертямъ не бывать»...

А злодѣи въ это время уже охотились на него, какъ на звѣря,—слѣдили за нимъ по пятамъ, выжидая только удобнаго момента для совершенія своего гнуснаго дѣла. Такой моментъ наступилъ утромъ 20-го сентября 1906 года. С. І. выходилъ изъ своей квартиры въ домѣ Самуйловича, на Новинскомъ бульварѣ. Подлый убійца, который такъ и остался неразысканнымъ, очевидно, воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что домъ, въ которомъ проживалъ покойный, имѣлъ проходной дворъ. Онъ гдѣ-нибудь во дворѣ поджидалъ выхода изъ квартиры кап. Дзянковского, незамѣтно подкрался къ нему сзади и нѣсколькими выстрѣлами въ спину убилъ его, а затѣмъ проходнымъ дворомъ выбѣжалъ на другую улицу и скрылся. Первымъ

замѣтилъ лежавшаго у воротъ дома кап. Дзянковского, денщикъ, поручика того-же полка—Забѣлло, возвращавшійся со Смоленскаго рынка. Онъ тотчасъ же доложилъ объ этомъ, и поруч. Забѣлло побѣжалъ къ мѣсту злодѣянія, но было уже поздно: кап. Дзянковский былъ мертвъ. Онъ увеличилъ собою длинный и невыразимо-скорбный списокъ жертвъ, павшихъ по приговору гнуснаго революціоннаго подполья...

Товарищи по полку и всѣ знавшіе покойнаго характеризуютъ его, какъ человѣка добраго, отзывчиваго, беззаветно преданнаго долгу своей службы. Последнее качество онъ имѣлъ возможность проявить необыкновенно ярко во время русско-японской войны, командуя ротой 219 пѣхотнаго Юхновскаго полка и участвуя въ нѣсколькихъ кровавыхъ бояхъ.

Послѣ покойнаго осталась вдова.

Семень Михайловичъ Вишневскій.

Околодочный надзиратель г. Мариуполя, екатеринославск. губ., скончался отъ увѣчья 15 іюля 1906 г.

С. М. Вишневскій родился 11 мая 1850 г., происходилъ изъ дворянъ минской губерніи. По окончаніи пяти классовъ гимназій, по семейнымъ, матеріальнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ поступить на службу полицейскимъ урядникомъ въ минской губерніи.

Дальнѣйшая служба его протекла въ екатеринославской губерніи.

О тяжелыхъ условіяхъ службы здѣсь говорить, между прочимъ, фактъ весьма ловкой и опасной поимки одного изъ убійцъ семьи Букреевыхъ въ Донской области.

Съ 1904 года покойный служилъ въ мариупольской портовой полиціи. 15 октября 1905 года было его дежурство въ городскомъ пол. управленіи. Это было послѣднее прощанье его съ женой и дѣтьми, особенно грустное и горячее, съ темными предчувствіями.

На дежурствѣ около гостиницы «Континенталь», отрядъ полиціи, гдѣ былъ и С. М., начали обстрѣливать революціонеры.

Въ погонѣ за революціонерами пришлось бѣжать по крышѣ и спрыгнуть внизъ.

Этотъ прыжокъ оказался неудачнымъ. Семень Михайловичъ отбилъ себѣ печень и впалъ въ безпамятство.

15 іюля 1906 года послѣ долгихъ, невѣроятно тяжелыхъ мученій Семень Михайловичъ умеръ въ больницѣ Краснаго Креста въ Ростовѣ на-Дону, прослужа 30 лѣтъ вѣрой и правдой Царю и Родинѣ. Семень Михайловичъ былъ выдающійся семьянинъ и патриотъ, послѣднимъ его желаніемъ было видѣть дѣтей военными, также, какъ и онъ, вѣрными слугами Царю.

Вдова и 6 человѣкъ дѣтей остались совсѣмъ безъ средствъ.

Дмитрій Пантелѣвичъ Денисовъ.

Полицейскій сторожъ. Убитъ 12 декабря 1903 г.

Во время обыска, производимаго на Лосиномъ островѣ, вблизи Москвы, чинами московскаго охраннаго отдѣленія 12 дек. 1903 г., убитъ мѣстный старшій полицейскій сторожъ Дмитрій Пантелѣвичъ Денисовъ, 33 лѣтъ. Убийство его произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Ротмистръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ Озеровскій прибывъ въ мѣстность Лосиноостровскую, 2 стана московскаго уѣзда, приступилъ при участіи мѣстнаго урядника и Денисова къ обыску на дачѣ Власова въ квартирѣ мастерового Сидоркина, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, скрывался одинъ изъ экспроприаторовъ, какъ выяснилось впоследствии, сынъ бывшаго фельдшера Хлудовской фабрики анархистъ Ремизовъ. Когда производившіе обыскъ, вѣдомые Сидоркинымъ, согласившимся указать своего жильца, подымались по лѣстницѣ въ его квартиру, наверху послышался голосъ, спрашивавшій «кто идетъ?» на что Сидоркинъ отвѣтилъ: «это господинъ урядникъ». Спрашивавшій вошелъ въ квартиру, а вслѣдъ за нимъ и Сидоркинъ, подойдя къ дверямъ, стремительно бросился въ комнаты и залѣзъ тамъ подъ кровать, неизвѣстный же укрылся въ кухнѣ за большой русской печкой. На предложеніе выйти изъ-за печки, злоумышленникъ отвѣчалъ рядомъ выстрѣловъ, однимъ изъ которыхъ стоявшій посреди комнаты Денисовъ былъ раненъ смертельно въ животъ. Остальные чины полиціи, осыпаемые выстрѣлами, должны были укрыться въ сосѣдней комнатѣ. Разбойникъ перешелъ въ чуланъ и оттуда обстрѣливалъ выходъ изъ дома. Въ это время по шоссе проѣзжалъ возвращавшійся послѣ обыска корнетъ Макри съ нѣсколькими

стражниками. Узнавъ о происшедшемъ, онъ направился къ дачѣ Власова. Злоумышленникъ къ этому времени перебрался на чердакъ и непрерывными выстрѣлами держалъ въ осадѣ чиновъ полиціи, имѣвшихъ основаніе предполагать по количеству выстрѣловъ, присутствіе на чердакѣ еще другихъ разбойниковъ. Изъ Москвы прибылъ начальникъ охраннаго отдѣленія подполковникъ (нынѣ полковникъ) фонъ-Коттенъ, его помощникъ Паструлинъ и агенты охраны. Корнетъ Макри хотѣлъ взойти на чердакъ, но былъ тяжело раненъ въ голову. Полковникъ фонъ-Коттенъ приказалъ прорубить потолокъ изъ перваго этажа во второй, и черезъ образовавшійся такимъ образомъ люкъ были спущены раненый корнетъ Макри и чины охраны. Сторожъ Денисовъ умеръ черезъ часъ въ мученіяхъ. Когда корнета Макри увозили на вокзалъ, разбойникъ стрѣлялъ вслѣдъ, но къ счастью никого не ранилъ. Когда чины охраны собрались въ нижнемъ этажѣ, преступникъ сталъ стрѣлять по нимъ и ранилъ въ плечо полк. фонъ-Коттена, его помощника полк. Паструлина и другихъ. Всѣ раненые были отправлены въ Москву. Наконецъ, къ утру дача была окружена отрядами полиціи, и послѣ долгой перестрѣлки злоумышленникъ былъ найденъ мертвымъ.

Убитый полицейскій сторожъ Денисовъ отличался за все время своей службы чрезвычайной исполнительностью и аккуратностью и пользовался расположеніемъ какъ начальства, такъ и обывателей. Похороны его были устроены съ особой торжественностью, и кромѣ чиновъ полиціи на нихъ присутствовалъ московскій вице-губернаторъ Оедоровъ.

Послѣ Денисова остались жена, старики отецъ и мать и сестра. Московскимъ генераль-губернаторомъ имъ было выдано пособіе въ 200 рублей.

За что же погибъ этотъ простой, маленькій, благородный, но полный сознаниемъ своего долга, человѣкъ? За что гибнуть много такихъ же, какъ онъ, повинныхъ только въ томъ, что защищали жизнь и имущество мирныхъ жителей. Подлая руки революціонныхъ разбойни-

ковъ, которые, какъ лютые звѣри, пьютъ кровь родного народа, не чувствуютъ, на кого они поднимаются. И находятся еще люди, какъ Леонидъ Андреевъ, которые пытаются идеализировать этотъ подлый, презрѣнный типъ революціонныхъ разбойниковъ. Проклятіе, вѣчное проклятіе и этимъ злодѣямъ, и людямъ, которые ихъ прославляютъ.

Кононъ Евдокимовичъ Янчишинъ.

Стражникъ елисаветградскаго уѣзда, убитъ 1 іюля 1909 г.

Кононъ Евдокимовичъ Янчишинъ убитъ во время ограбленія почты! Чины елисаветградской полиціи потеряли въ его лицѣ одного изъ лучшихъ своихъ сослуживцевъ.

Зачисленный въ полицію изъ 20 драгунскаго Ольвиопольскаго полка, гдѣ онъ былъ унтеръ-офицеромъ, Кононъ Евдокимовичъ Янчишинъ сразу обратилъ на себя вниманіе начальства своей исполнительностью, честностью и твердымъ сознаніемъ долга. Въ это время ему было только 25 лѣтъ, но онъ уже выдѣлялся среди прочихъ своихъ товарищей на трудной и опасной службѣ. Когда Янчишинъ годъ съ небольшимъ спустя былъ назначенъ старшимъ стражникомъ въ г. Бобринецъ, елисаветградскаго уѣзда, то и въ этой отвѣтственной должности онъ

отличался прежнимъ своимъ усерднымъ отношеніемъ къ службѣ.

За два съ половиной года своей службы онъ не только ни разу не подвергался взысканіямъ, но, наоборотъ, начальство всегда ставило его въ примѣръ другимъ его товарищамъ.

Убійство его произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Наканунѣ своей смерти Янчишинъ просилъ пристава дать ему отпускъ на сутки, для поѣздки по дѣламъ въ Елисаветградъ. Отпускъ былъ данъ, и приставъ предложилъ ему ѣхать въ Елисаветградъ вмѣстѣ, но Янчишинъ изъявилъ желаніе сопровождать въ качествѣ конвойнаго, для сокращенія разѣздовъ людей изъ отряда, почту, которая отправлялась 1-го іюля изъ Бобринца въ Елисаветградъ и должна была конвоироваться однимъ городovýmъ и однимъ стражникомъ. Приставъ согласился, и Янчишинъ выѣхалъ въ Елисаветградъ вмѣстѣ съ почтой въ 10 ч. утра. Когда приставъ выѣхалъ, въ свою очередь, часа двумя позднѣе, то, не доѣзжая версты 8 до Елисаветграда, онъ нашелъ дорогу загроможденной трупами людей и лошадей; среди убитыхъ былъ и Янчишинъ.

Янчишинъ, происходившій изъ крестьянъ села Великая-Ромновка, заславскаго уѣзда, кievской губ., оставилъ послѣ себя жену и малолѣтнюю дочь, безъ всякихъ средствъ къ жизни.

На собранныя среди чиновъ полиціи по подпискѣ деньги на могилѣ Янчишина 1 іюня 1910 г., въ годовщину его смерти, поставленъ мраморный памятникъ и желѣзная рѣшетка, а въ присутственной комнатѣ уѣзднаго полицейскаго управленія, повѣшенъ увеличенный портретъ его съ надписью на мѣдной доскѣ: „Старшій стражникъ 12 отряда Кононъ Евдокимовичъ Янчишинъ, убитъ 1 іюля 1909 г.“.

Такова простая, но грустная исторія смерти этого честнаго и храбраго человѣка. А сколько еще такихъ же драмъ разыгралось въ разныхъ уголкахъ нашей Россіи въ смутный 1905 и слѣдующіе годы. Сколько еще погибло

такихъ же смѣлыхъ и честныхъ людей на незамѣтной, но тяжелой и отвѣтственной службѣ въ рядахъ полиціи.

Сколько благородныхъ дѣтей народа пали на своемъ посту отъ руки революціонныхъ хулигановъ, враговъ Царя, и родины, и всякаго порядка. И все еще льется кровь, и все еще не видно конца грабежамъ и разбоямъ и всякимъ звѣрствамъ—всему тому, что оставила послѣ себя разбитая народомъ революція.

Да и какъ прекратиться этому, когда кадры убійцъ и грабителей ежегодно пополняются всякими недоумками, недоучками и революціонными хулиганами, которыхъ, какъ въ лабораторіи, готовятъ въ зараженныхъ революціонной чумой университетахъ разные «прогрессивные» профессора.

Народъ долженъ знать, что еще не раздавлена окончательно революція; народъ долженъ знать цѣну словамъ и приманкамъ жидовско-революціонныхъ агитаторовъ и кровавой мстью отплатить имъ за смерть своихъ лучшихъ сыновъ.

Петръ Андреевичъ Бондарь.

Урядникъ пирятинскаго уѣзда, полтавской губ. Убитъ 31 мая 1908 года.

Революціонная буря 1905 и 1906 года оставила глубокіе слѣды въ жизни нашей родины. Долго еще послѣ нея администраціи и доблестнымъ чинамъ русской полиціи приходилось ликвидировать ея наслѣдіе—грабежи, убійства и, такъ называемыя, „выступленія“ анархистовъ. Все это вдохнуло въ полицейскую службу новое содержаніе и торжественно, передъ лицомъ всей страны, обнаружило такую самоотверженную преданность долгу, такое геройство духа въ рядахъ нашей полиціи, какія врядъ ли кто нибудь ожидалъ тамъ найти. Лишь только возгорѣлась внутренняя война въ Россіи, вскормленная и поднятая инородцами, врагами нашего великаго отечества, какъ тотчасъ же обнаружилось какихъ героевъ до послѣдней капли крови, «героевъ до смерти» заключаетъ въ своей средѣ корпорація русской полиціи.

Однимъ изъ такихъ героевъ «до послѣдней капли крови» былъ и убитый 31 мая 1908 года урядникъ пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи Петръ Андреевичъ Бондарь.

Покойный служилъ въ м. Городищѣ, пирятинскаго уѣзда, лежащемъ близъ скрещенія двухъ желѣзныхъ дорогъ на ст. Гребенка. Мѣстечко это еще съ 1905 года славилось, какъ гнѣздо противоправительственной пропаганды, выпустившее изъ числа своихъ обитателей многихъ опасныхъ дѣятелей революціи, распропагандированныхъ мѣстными и набѣжавшими евреями.

Полицейская служба была здѣсь крайне тяжелою и опасною, тѣмъ не менѣе покойный сумѣлъ заслужить любовь и уваженіе большинства населенія мѣстечка своею толковостью, честностью и обходительностью.

Его исполнительность и преданность долгу и присягѣ однако были не по нутру преступнымъ элементамъ, съ которыми онъ боролся всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи законными средствами.

31 мая 1908 года, получивъ свѣдѣнія, что въ мѣстечко тайно вернулся давно розыскиваемый мѣстный крестьянинъ Маркъ Стеценко, обвиняемый въ участіи въ преступномъ противоправительственномъ сообществѣ, полицейскій приставъ 4 стана, пирятинскаго уѣзда, рѣшилъ арестовать преступника и, взявъ съ собою урядника Бондаря и одного стражника, пошелъ въ домъ отца розыскиваемого съ намѣреніемъ его арестовать.

Во дворѣ старика была большая куча народа.

Когда полицейскіе подошли къ стоявшимъ, изъ толпы раздался выстрѣлъ и урядникъ Петръ Андреевичъ Бондарь упалъ на землю, успѣвъ, по словамъ очевидца, пристава 4 стана, произнести слова: «Маркъ Стеценко меня убилъ».

Стражникъ, растерявшійся отъ ужаса убійства, не выдержалъ и побѣжалъ, толпа же напала на пристава.

Произведя нѣсколько безрезультатныхъ выстрѣловъ, толпа, однако, разступилась подъ выстрѣлами пристава и, послѣднему удалось укрыться отъ разсвирѣпѣвшихъ злодѣевъ въ домъ мѣстнаго священника. Объ убійствѣ и о нападеніи на пристава было немедленно сообщено уѣздному исправнику, который въ ту же ночь прибылъ въ мѣстечко съ отрядомъ конныхъ стражниковъ и арестовалъ большую часть крестьянъ, бывшихъ во дворѣ Стеценко.

Главные виновники убійства братья Маркъ и Михаилъ Стеценко, несмотря на тщательный и немедленный розыскъ успѣли скрыться и до сихъ поръ не розысканы. Прахъ убитаго Петра Андреевича Бондаря былъ съ подобающими почестями похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ.

Въ годовщину убійства мѣстными жителями, оцѣнившими выдающуюся дѣятельность покойнаго, былъ поставленъ на могилѣ П. А. Бондаря памятникъ.

Послѣ смерти П. А. Бондаря остались жена и двое малолѣтнихъ дѣтей.

По ходатайству уѣзднаго исправника, полтавскимъ губернаторомъ семьѣ убитаго было немедленно выдано 200 руб. единовременнаго пособія, а министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначена пенсія въ 180 рублей въ годъ.

Покойный скончался еще молодымъ человѣкомъ 31 года, оплакиваемый лучшими элементами мѣстнаго населенія, какъ тактичный и полезный для общаго спокойствія человѣкъ, населенія, которое долго еще ходило къ мѣсту убійства покойнаго и, толкуя о случившемся, со слезами на глазахъ говорило.

— «За что еще и эта кровь».

— За что?

Анатолий Петрович Михайловъ.

Начальникъ бакинскаго торговаго порта. Убитъ 3 февраля 1907 г.

Анатолий Петровичъ Михайловъ, уроженецъ гор. Кронштадта, происходилъ изъ офицерской семьи. Родился онъ 6 апрѣля 1861 года. Воспитаніе получилъ въ С.-Петербургской 3-ей классической гимназій. Еще въ гимназій онъ чувствовалъ влеченіе къ морю, и по окончаніи гимназій не поступилъ въ университетъ, какъ большинство его товарищей, а поступилъ юнкеромъ флота въ 4-й флотскій экипажъ и черезъ два съ половиной года, т. е. 26 ноября 1883 г. былъ произведенъ въ мичманы. 19 февраля 1888 года былъ переведенъ въ Ревельскій флотскій полуэкипажъ и участвовалъ въ морскихъ кампаніяхъ въ Балтійскомъ морѣ. За свою ревностную службу въ Балтійскомъ морѣ Анатолий Петровичъ получилъ нѣ-

сколько наградъ. 5 февраля 1901 года А. П. былъ назначенъ командиромъ портового судна „Лопманъ“ и участвовалъ въ морскихъ кампаніяхъ въ Каспійскомъ морѣ.

1 іюля 1902 года Анатолій Петровичъ былъ назначенъ начальникомъ Бакинскаго торговаго порта, а 28 марта 1904 года произведенъ въ капитаны 2 ранга. Анатолій Петровичъ былъ женатъ на дѣвицѣ Маріи Андреевнѣ Гласфельдъ, но дѣтей у нихъ не было.

Служба въ Бакинскомъ порту въ то смутное время была крайне тяжела,—съ одной стороны ненависть ко всему русскому со стороны мѣстныхъ инородцевъ, а съ другой стороны революціонное настроеніе русскихъ рабочихъ и матросовъ. Неся честно и славно свою государственную службу, Анатолій Петровичъ, во имя государственности, рѣшилъ не допустить предстоящую большую забастовку морскихъ командъ. Агитаторы объ этомъ ясно знали и рѣшили устранить со своего пути главное препятствіе и 3 февраля 1907 года въ 10 час. утра убили Анатолія Петровича. Не стало виднаго человѣка, честнаго борца за право и порядокъ, и забастовка въ Бакинскомъ портѣ началась сейчасъ же послѣ его смерти и продолжалась 1 мѣсяцъ 17 дней.

Вотъ нѣкоторыя черты изъ дѣятельности покойнаго и его характера.

Анатолій Петровичъ Михайловъ былъ человѣкъ прямого, рѣзкаго характера, умный и безусловно честный, но гордый и самолюбивый. Стремясь быть возможно справедливымъ и безпристрастнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ по службѣ, онъ въ то же время былъ энергичнымъ исполнителемъ, дѣйствуя всегда самостоятельно, исключительно согласно своему убѣжденію. Поэтому такой человѣкъ не могъ рассчитывать, какъ на симпатіи широкаго общества, такъ и другихъ его группъ, тѣмъ болѣе, что ни передъ одной изъ послѣднихъ онъ не заискивалъ и ко всѣмъ относился строго, корректно, и даже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, на что, какъ онъ говорилъ, имѣлъ достаточно основанія, зная хорошо условія Бакинской жизни и бакинцевъ.

Въ дѣлахъ съ судовой командой Анатолій Петровичъ былъ доступенъ и простъ, стремясь всегда оказать свое содѣйствіе въ удовлетвореніи ихъ просьбъ, если находилъ таковыя основательными и справедливыми, стараясь вообще помогать улучшенію ихъ экономическаго положенія. Безусловно сочувствующій идеѣ обновленія всего государственнаго строя, такъ какъ сознавалъ вполне массу недостатковъ, несуразностей, несправедливости и произвола, тѣмъ не менѣе Анатолій Петровичъ не считалъ разумнымъ и справедливымъ передавать государственную власть массѣ, ибо одинъ средній умный человѣкъ сдѣлаетъ гораздо больше и лучше, чѣмъ масса. Пословица же: „Умъ хорошо, а два лучше“—примѣнима только къ людямъ одинаковаго образованія и умственнаго развитія. Поэтому онъ скептически относился къ дѣйствіямъ Государственной Думы и вообще былъ въ жизни больше критикъ, чѣмъ пессимистъ. Понимая вполне естественность экономической борьбы рабочихъ съ капиталомъ и даже сочувствуя до нѣкоторой степени рабочимъ и желая имъ помочь, онъ былъ, однако, врагомъ переноса этой борьбы на улицу и, какъ человѣкъ строгой законности и порядка, всегда оказывалъ зависящее отъ него противодѣйствіе нарушителямъ этого порядка. Поэтому, конечно, къ покойному Анатолію Петровичу особенно враждебно относилась та часть судовыхъ командъ, которая была настроена болѣе или менѣе революціонно, отъ которой, видимо, и исходилъ рядъ угрожающихъ его жизни писемъ и предупрежденій.

Хотя объ этихъ письмахъ были освѣдомлены какъ мѣстныя власти—градоначальникъ и полицеймейстеръ, такъ и непосредственное начальство въ Петербургѣ—отдѣлъ торговыхъ портовъ,—тѣмъ не менѣе никакихъ предупредительныхъ мѣръ по огражденію жизни бѣднаго Анатолія Петровича ни кѣмъ предпринято не было. Самъ же Анатолій Петровичъ былъ настолько гордъ и храбръ, что объ этомъ никого не просилъ и никакихъ лично мѣръ не предпринималъ. До конца 1906 года все шло благополучно. Но къ концу 1906 года появляется слухъ о го-

товащейся всеобщей забастовкѣ моряковъ Каспійскаго торговаго флота. Одновременно съ этими слухами, стало извѣстно (по свѣдѣніямъ охраннаго отдѣленія), что въ Баку приѣхало нѣсколько террористовъ, только что высланныхъ административнымъ порядкомъ изъ Одессы. Анатолій Петровичъ получилъ снова угрожающее письмо, которое, видимо, взволновало его на этотъ разъ... Но онъ только сообщилъ это письмо для свѣдѣнія градоначальнику—не прося ни охраны, ни перевода, ни даже временнаго отпуска. Полиція въ это время въ Баку была вообще безобразная, и на помощь ея никто не могъ рассчитывать. Но все же слѣдовало бы градоначальнику позаботиться объ охранѣ начальника порта и поставить не только тайную охрану, но и постъ какъ у квартиры, такъ и портоваго управленія. Но ничего этого не было сдѣлано и Анатолій Петровичъ невозмутимо и аккуратно исполнялъ свою службу. Объ отпускѣ и слышать не хотѣлъ: „Да развѣ я могу, или имѣю нравственное право уѣхать теперь. Да на кого же я оставлю управленіе порта и какъ же безъ меня обойдется градоначальникъ, если случится забастовка или вообще какое либо осложненіе среди моряковъ“. И онъ безропотно исполнялъ свои обязанности, никого не тревожа заботой о себѣ...

2-го февраля 1907 года онъ устраивалъ балъ въ Бакинскомъ общественномъ собраніи въ пользу общества спасенія на водахъ, которое возродилось вновь въ Баку по инициативѣ и энергіи покойнаго Анатолія Петровича, ставшаго во главѣ общества въ качествѣ предсѣдателя правленія. Много хлопоталъ онъ, чтобы балъ былъ какъ можно удачнѣе какъ въ смыслѣ матеріальномъ, такъ и вообще какъ развлеченіе для публики. Это удалось ему вполне. На балу было не особеннолюдно, но зато была лучшая часть бакинской публики, былъ образцовый порядокъ, что рѣзко выдѣляло этотъ вечеръ отъ всѣхъ остальныхъ вечеровъ въ Баку въ то время: когда разнузданная, невоспитанная и грубая молодежь, какъ и средній обыватель, въ театрахъ и на вечерахъ ходили чуть не по головамъ другъ друга, превра-

щая прекрасныя помѣщенія собранія въ какой то простой трактиръ или толкучій рынокъ... Для устраненія на этотъ разъ этого безобразіе было потрачено не мало энергій. А. П. обошелся безъ полиціи, поставивъ вездѣ у входовъ въ собраніе и для охраны порядка своихъ портовыхъ, свободныхъ отъ службы, матросовъ.

Но послѣднее обстоятельство явилось, быть можетъ, роковымъ для покойнаго. По окончаніи вечера, почти въ 4 часа утра, уходя домой вмѣстѣ съ супругой, покойный Анатолій Петровичъ, снисходя къ усталости матросовъ, разрѣшилъ имъ вступить на другой день на свои посты нѣсколько позже обыкновеннаго. Прощаясь съ покойнымъ, никто не обратилъ вниманія на его распоряженіе, видя въ немъ лишь доброту и снисхожденіе. Больше же не пришлось видѣть Анатолія Петровича, такъ какъ на другой день онъ былъ смертельно раненъ и находился въ предсмертной агоніи...

Дѣло было такъ. Выѣхавъ по обыкновенію въ 9 час. утра съ Байлова, гдѣ онъ жилъ, на портовомъ барказѣ въ Баку, гдѣ помѣщается канцелярія управленія порта, Анатолій Петровичъ не былъ встрѣченъ на пристани постовымъ матросомъ, который обыкновенно провожалъ его до самой канцеляріи, находящейся вблизи пристани. Вмѣсто постового матроса на этотъ разъ Анатолія Петровича встрѣтилъ убійца, который подстерегъ удобный моментъ и, идя позади покойнаго, произвелъ въ голову смертельный выстрѣлъ.

Покойный упалъ на мѣстѣ въ двухъ шагахъ отъ входной двери въ управленіе порта, а убійца убѣжалъ черезъ открытыя ворота, находящагося напротивъ двора пароходства О-ва Кавказъ и Меркурій и неизвѣстно куда скрылся въ толпѣ. Его видѣли многіе... но никто не ловилъ, никто даже не пытался это сдѣлать... А полиція отсутствовала... Смертельно раненаго Анатолія Петровича перенесли на рукахъ, сбѣжавшіеся на крикъ прохожихъ, портовые матросы и служащіе канцеляріи. Покойный былъ безъ сознанія. Пуля вошла въ затылокъ и пробивъ черепъ вышла надъ глазомъ.

Вскорѣ раненаго перенесли на носилкахъ въ Бакинскій военный лазаретъ, находящійся на Баиловѣ, гдѣ, не приходя въ сознаніе, покойный скончался въ тотъ же день въ 11 часовъ вечера.

Такъ трагически кончилась жизнь честнаго и энергичнаго труженика и преданнаго своему долгу и службѣ человека.

Умеръ онъ въ чуждомъ и непонявшемъ его обществѣ, умеръ слишкомъ рано... А вѣдь можно бы было устранить отъ него эту чашу... и спасти человека... Но объ этомъ, кто долженъ и могъ бы не подумалъ серьезно и во время. Послѣ жалѣло начальство и здѣсь и въ Петербургѣ, но поздно...

«Живымъ не дорожимъ,—а по мертвымъ плачемъ». Кѣмъ и за что именно убить покойный, такъ и не выяснилось, ибо убійца не найденъ, и судебное слѣдствіе прекращено за нерозыскомъ виновнаго. Видѣвшіе убѣгавшаго убійцу въ моментъ преступленія говорили, что это былъ русскій, простой молодой еще парень.

Интересно, что по городу послѣ носился слухъ, что убійство покойнаго предполагалось произвести на самомъ вечерѣ, и что покойный зналъ объ этомъ, потому и поставилъ такую усиленную и надежную охрану. Конечно, насколько справедливъ этотъ слухъ въ первой своей части судить нельзя, но относительно второй можно сомнѣваться, ибо портовые матросы были поставлены у входа и помогали на вечерѣ исключительно для поддержанія строгаго порядка на вечерѣ и чтобы не пускать на вечеръ безбилетную публику. Врядъ ли покойный могъ бы находиться на балу, да еще съ супругой, зная, что на балу готовится покушеніе на его жизнь и не заставивъ, наконецъ, обратить должное вниманіе на это градоначальника и полицеймейстера, которые на этомъ вечерѣ, какъ и другія чины полиціи, отсутствовали. Правда, покойный былъ нѣсколько раздражителенъ и грустенъ весь вечеръ... Ему что-то нездоровилось и было не по себѣ. Было ли это предчувствіе имъ смерти, тревога или простая случайность, какъ результатъ усталости отъ хлопотъ по устройству

вечера,.. сказать трудно. Во всякомъ случаѣ погибъ невинный, какъ жертва долга или чьей либо мести.

Спи же спокойно, слуга Царя и отечества, знай, что Россія пережила уже лихолѣтье, и такая же сильная теперь, какъ и раньше.

Степанъ Ивановичъ Телепко.

Младшій земскій стражникъ владавскаго уѣзда, сѣдлецкой губ., раненъ 28 декабря 1906 г., умеръ 31 декабря того-же года.

Тяжелое чувство наполняетъ душу всякаго человѣка, когда начинаешь припоминать, какое громадное количество ни въ чемъ неповинныхъ людей сошло съ жизненной арены во время постигшей Россію въ 1905—1906 годахъ тяжелой години! И сошло только потому, что они вѣрой и правдой служили своему отечеству, какъ служили и ихъ отцы и, не мудрствуя лукаво, зарабатывали хлѣбъ для своего пропитанія и своихъ дѣтей. Вся вина ихъ состояла въ томъ, что во время, такъ называемаго, «освободительнаго движенія» они не пожелали примкнуть къ тѣмъ безумнымъ, которые, лживо прикрывшись знаменемъ служенія народу, старались поднять этотъ самый народъ на открытое братоубійство и грабежъ и подчинить его, вмѣсто издревле надъ ними поставленной власти, власти инородцевъ—іудеевъ и ихъ близорукихъ приспѣшниковъ.

Поистинѣ, это было освободительное движеніе.

Страсть и низменные инстинкты были какъ-бы освобождены, на это время, отъ всѣхъ оковъ, которыя положила на нашъ темный народъ многовѣковая культура и цивилизація.

Почувявъ свободу, человѣкъ-звѣрь проснулся въ массѣ и, какъ бы забывъ всѣ лучшіе завѣты, завѣщанные отъ праотцевъ, ринулся на убійство своихъ-же собратьевъ, на радость тѣмъ, кто, ради личной выгоды, заварилъ это междоусобіе, въ надеждѣ поживиться добычей оставшейся на полѣ брани.

Много погибло за это смутное время и глупцовъ, бросавшихся, сломя голову, за лживыми руководителями,—и вѣрныхъ слугъ отечества, подставлявшихъ свою чест-

ную грудь подъ удары не вѣщнаго врага, а своихъ-же опоенныхъ дурманомъ братьевъ!

Одинъ изъ такихъ вѣрныхъ сыновъ отечества и былъ Степанъ Телепко, служившій земскимъ стражникомъ въ влодавскомъ уѣздѣ, сѣдлецкой губерніи.

Будучи родомъ изъ села Ружанки, той-же губерніи, Телепко отбылъ воинскую повинность на Кавказѣ въ пѣхотномъ полку. Кончивъ службу, онъ поступилъ въ земскіе стражники въ влодавскій уѣздъ, сѣдлецкой губерніи, гдѣ и прослужилъ около 10 лѣтъ на этомъ посту, пока не былъ сраженъ на немъ во время Рождественскихъ праздниковъ въ 1906 году.

28 декабря, кончивъ обходъ, Телепко вернулся домой, гдѣ его ждала беременная жена и 5 человекъ дѣтей. Въ этотъ вечеръ устраивалъ угощеніе для своихъ подчиненныхъ и ихъ женъ, «начальникъ» Телепко, старшій стражникъ, на которое были званы и Телепко съ женой. Послѣдняя, долженствовавшая родить черезъ двѣ недѣли, ссылаясь на свое нездоровье и на необходимость ухаживать за больными дѣтьми, предпочла остаться дома. «Ну, и я не пойду, если ты остаешься» — сказала покойный и сталъ зажигать фонарь, чтобы пойти нарубить себѣ дровъ. Въ это время къ нему вбѣгаетъ служащій мѣстнаго почтоваго отдѣленія и, весь дрожа, въ испугѣ рассказываетъ, что только что большая толпа злоумышленниковъ разгромила помѣщеніе почты, ограбила денежный ящикъ, уничтожила телеграфный аппаратъ и изрубила на мелкія части портретъ Государя.

Какъ боевой конь услышавшій трубный призывъ, въ одинъ мигъ одѣлся Телепко и, не взирая на мольбы жены и слезы дѣтей, бросился къ квартирѣ старшаго стражника, чтобы предупредить о безпорядкахъ въ селѣ.

Когда онъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ цѣли, его стала нагонять огромная толпа, изъ которой онъ слышалъ восклицанія на польскомъ языкѣ:

— «Господинъ полковникъ! Тутъ бѣжитъ одинъ стражникъ!»

Въ отвѣтъ на него послышалось:

— «Бейте его!»

И вслѣдъ затѣмъ въ Телепко посыпались выстрѣлы. Однимъ изъ нихъ онъ былъ раненъ въ животъ, упалъ, но, собравъ всѣ свои силы, на четверенькахъ успѣлъ еще дотащиться до квартиры старшаго стражника и началъ стучать, причемъ въ него, ползущаго, продолжали все еще стрѣлять. На всѣ его крики и стукъ никто изъ его пировавшихъ товарищей не вышелъ. И лишь черезъ нѣкоторое время случайно вышелъ его сосѣдъ Петько, который поднялъ несчастнаго и внесъ къ себѣ домой, а самъ побѣждалъ стучаться къ старшему стражнику, но послѣдній, выслушавъ разсказъ Петько, сказалъ ему: „Тебя я совсѣмъ не знаю, уходи отсюда по добру и здорovu». Между тѣмъ толпа бросилась дальше грабить винную лавку, а тѣмъ временемъ старшій стражникъ переодѣлся въ штатское платье и вышелъ изъ дому.

Когда, извѣщенная о раненіи мужа, прибѣжала его несчастная жена, около больного былъ уже докторъ, делавшій перевязку и сказавшій ей, что если она успѣетъ доставить до утра Телепко въ Варшаву для операціи, то онъ можетъ еще выжить. Несчастливая женщина бросилась искать лошадей, чтобы довести мужа до вокзала, отстоявшаго отъ деревни на 30 верстъ, но никто изъ крестьянъ не соглашался его вести изъ за боязни быть убитымъ. Обратиться было не къ кому. Телеграфъ не работалъ, т. к. аппаратъ былъ испорченъ. Она бросилась въ винную лавку, гдѣ стражники вмѣстѣ со старшимъ подсчитывали убытки, причиненные грабежомъ. Добѣжавъ туда, она успѣла лишь крикнуть: „спасите-же моего мужа, назначьте подводу!“ и замертво упала, потерявъ сознание.

Придя въ себя, она узнала, что нанявшій подводу акцизный контролеръ соглашается вести раненаго въ Бѣлу на поѣздъ. И вотъ, 30 цѣлыхъ верстъ по ужаснымъ дорогамъ, положивъ голову Телепко себѣ на колѣни, бѣдная баба везла своего умирающаго страдальца мужа, давая ему по дорогѣ капли и ледъ. Всю дорогу несчастный страдалъ, умоляя ее не плакать, т. к. ему ея слезы слишкомъ тяжелы, и упрекая ее, зачѣмъ она по-

кинула больныхъ дѣтей. Страданія его отъ тряски были настолько невыносимы, что онъ просилъ снять повязки, и лишь послѣ того, какъ она перерѣзала повязку, ему стало немного легче. Только черезъ сутки привезли его въ Варшаву, въ уяздовскій госпиталь, гдѣ докторъ и приступилъ къ операціи.

Пулю, однако, извлечь не удалось, такъ какъ она застряла въ позвоночникѣ. Послѣ этого женѣ было объявлено, что положеніе мужа очень опасное, такъ какъ отъ тряски у него все сильно распухло. Когда ее привели къ мужу, онъ былъ уже въ полномъ сознаніи и сталъ ее упрасивать, чтобы она не медля ѣхала къ дѣтямъ.

— «Я все равно не оправлюсь уже. Не плачь, на-дѣйся на добрыхъ людей и обратись къ начальству; оно дѣтей не оставитъ. Поѣзжай домой и подай на обѣдню!»— сказалъ онъ ей.

Видя, что ея помощь бесполезна, жена исполнила послѣднее желаніе Телепко и уѣхала домой. Онъ не дожилъ даже до вечера. Извѣстіе о его кончинѣ жена получила въ церкви за обѣдней, которую служили согласно его желанію, во время пѣсни „Иже Херувимы“

Послѣ покойнаго осталась вдова и 5 человѣкъ дѣтей. Двое сыновей были приняты въ пріютъ Св. Вѣры, гдѣ добрымъ и сердечнымъ отношеніемъ стараются хоть немного ослабить остроту понесенной ими утраты.

Какое преступленіе совершилъ этотъ человѣкъ, что понадобилось причинить ему столько мученій? Отвѣтъ если не въ этой жизни, то во всякомъ случаѣ предъ Страшнымъ Судомъ пусть дадутъ тѣ, кто, якобы во имя братской любви, но на самомъ дѣлѣ ради своихъ узкихъ эгоистическихъ пѣлей, принесли въ жертву столько невинныхъ человѣческихъ жизней, въ эти тяжелые для нашей родины годы!

Ефимъ Яковлевичъ Морозъ.

Городовой бобруйской полицейской команды, убитъ 21 апрѣля 1908 года.

Ефимъ Яковлевичъ былъ убитъ во время исполненія своихъ служебныхъ обязанностей при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

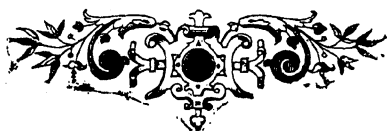
20 апрѣля 1908 года къ мѣстному купцу Симону Пеймеру явились три негодяя, съ явно семитскими фizioноміями и, отрекомендовавшись анархистами-индивидуалистами и угрожая револьверами, потребовали деньги. А такъ какъ Пеймеръ заявилъ, что у него денегъ въ настоящее время нѣтъ, то негодяи, обыскавъ квартиру и захвативъ найденные ими всего 4 коп., ушли, предупредивъ Пеймера, чтобы онъ приготовилъ на слѣдующій день къ 9 ч. вечера 500 рублей.

Городовой 2-ой части Ефимъ Морозъ, случайно узнавъ объ этомъ случаѣ, немедленно доложилъ обо всемъ приставу. Приставъ вмѣстѣ со своимъ помощникомъ и городовымъ Морозомъ отправились къ дому Пеймера и, про-

карауливъ безрезультатно около часу, вошли къ нему въ квартиру—городовой остался на кухнѣ.

Комната, въ которой приставъ производилъ допросъ расположена далеко отъ кухни. Черезъ нѣсколько минутъ находившіеся въ комнатѣ слышали глухой, короткий стукъ, вслѣдъ за которымъ въ комнату вбѣжали прислуги съ крикомъ, что въ кухнѣ стрѣляютъ, городской убить...

Приставъ съ помощникомъ бросились на улицу, но злодѣи, перебѣжавъ улицу и пользуясь проходными дворами, безслѣдно скрылись. Врачъ констатировалъ смерть Мороза отъ кровоизліянія въ области сердца. Покойный оставилъ послѣ себя вдову и четырехъ малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ. Злодѣи не розысканы, и смерть этого сѣраго героя долга не отомщена до сихъ поръ.

Федоръ Абрамовичъ Сидѣловъ.

Городовой г. Владивостока, убитъ 23 октября 1907 г.

Потрясающа по обстановкѣ смерть городского Федора Абрамовича Сидѣлова, убитаго революціонеромъ—матросомъ Василиемъ Щербаковымъ. Обстоятельства дѣла таковы.

Федоръ Сидѣловъ, по свидѣтельству его ближайшаго начальства, считался однимъ изъ самыхъ расторопныхъ, смысленныхъ и развитыхъ городскихъ Владивостока, почему ему было поручено нести агентурную службу по негласному наблюденію за разными темными личностями, которыми кишмя-кишитъ Владивостокъ.

17-го октября 1907 года во Владивостокѣ были безпорядки: миноносецъ «Бравый» обстрѣливалъ городъ. Си-

дѣловъ былъ во время безпорядковъ командированъ, въ переодѣтомъ видѣ, по разнымъ значнымъ мѣстамъ г. Владивостока. Узнавъ, что рабочій-матросъ Василій Щербаковъ намѣренъ возбудить къ возстанію и бунту 11-ый стрѣлковый полкъ, онъ донесъ объ этомъ по начальству.

23-го октября Сидѣловъ, будучи командированъ въ пивной залъ „Ураль“ для того, чтобы собрать дополнителныя свѣдѣнія о Щербаковѣ, вдругъ тамъ случайно столкнулся съ нимъ самимъ. Щербаковъ, узнавъ Сидѣлова, вмѣстѣ со своими товарищами набросился на него, отнялъ револьверъ и, изрѣштивъ пулями все тѣло, вшхнулъ въ мѣшокъ и вывезъ на извозчикѣ за городъ.

Федоръ Сидѣловъ происходилъ изъ крестьянъ курской губерніи, волости и села „Сегелевки“, во время отбыванія воинской повинности принималъ участіе въ усмиреніи 1899 г. боксерскаго возстанія, принималъ участіе въ русско-японской войнѣ и за боевыя заслуги былъ награжденъ знакомъ военнаго ордена 3 и 4 степени.

Савелій Григорьевич Лепетченко.

Полицейскій урядникъ александровскаго уѣзда, екатеринославской губ., убитъ 28-го іюля 1908 г.

Савелій Григорьевичъ Лепетченко былъ убитъ при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей, а именно, при поимкѣ преступниковъ, обвиненныхъ въ храненіи, съ преступной цѣлью, оружія и взрывчатыхъ веществъ.

Приставъ Долженко обратился къ старшему уряднику села Гуляй-поле — Савелію Григорьеву Лепетченко съ просьбой помочь въ розыскѣ личнымъ участіемъ, на что тотъ безпрекословно согласился.

Въ 12 час. ночи, съ 27-го на 28-е іюля, на мѣстность, гдѣ проживалъ подозрѣваемый Иванъ Шевченко, была сдѣлана засада. Приставъ, урядникъ и стражники, въ со-

ставъ десяти человѣкъ, окружили домъ. Изъ нихъ—три конныхъ, на случай бѣгства тѣмъ же путемъ преступника. Вмѣстѣ съ Шевченко, разыскивался и нѣкто Семенюта, о которомъ имѣлись въ полиціи весьма для него неблагопріятныя свѣдѣнія. Онъ обвинялся въ убійствѣ почтальона и стражника въ селѣ Гуляй-поле, въ ограбленіи станціи Гуляй-поле и убійствѣ агента жандармской полиціи Кушнира въ Гуляй-полѣ.

Эти люди-звѣри, отторгнутые обществомъ честныхъ труженниковъ, какъ хищные звѣри, ютились въ логовищахъ, скрываясь отъ своего брата-человѣка, какъ отъ горшаго врага. И когда розыски до трехъ часовъ ночи не привели ни къ чему, то рѣшили идти къ дому, гдѣ жила жена нѣкоего Леводняго, скрывавшагося послѣ цѣлаго ряда преступленій и не бывшаго пойманнымъ, не смотря на самыя тщательныя мѣры, принятыя къ его розыску.

Въ домѣ Леводняго оказалась спрятанной цѣлая шайка, которая, видя, что внезапно очутилась въ засадѣ, принялась стрѣлять. Въ виду сильнаго огня, направленного на отрядъ полиціи, послѣдняя, не имѣя въ запасѣ достаточнаго количества патроновъ, поневолѣ должна была отступить, направляя послѣдніе выстрѣлы въ разбойниковъ. Не видя ни откуда помощи себѣ, приставъ Долженко съ двумя помощниками побѣжалъ на станovou квартиру, чтобы захватить лошадей и свободныхъ стражниковъ. Лепетченко стоялъ, прислонясь къ углу сарайчика и отстрѣливался послѣдними зарядами. Онъ былъ уже раненъ въ животъ, но держался на ногахъ и былъ твердъ, насколько могъ.

Онъ не считалъ себя вправѣ покинуть свой постъ.

Когда мимо него пробѣгалъ, чтобы скрыться въ воротахъ, Семенюта, онъ напрягъ послѣднія усилія и послалъ ему въ догонку пулю, послѣ чего Семенюта упалъ и больше не подымался. Вслѣдъ за этимъ, пущенная изъ другого угла пуля попала Савелію Григорьевичу въ голову, и онъ, бездыханный, свалился на землю.

Когда вернулся Долженко съ помощниками, они на-

или убитымъ Лепетченко, Семенюту и раненымъ въ лѣвую ногу помощника пристава Захарова. Разбойники скрылись, не смотря на то, что приставъ съ отрядомъ преслѣдовалъ ихъ по горячимъ слѣдамъ. Среди скрывшихся былъ братъ убитаго Прокофія Семенюты—дезертиръ, бѣжавшій изъ полка, Александръ Семенюта.

Тѣло героя Савелія Григорьевича Лепетченко было предано землѣ, какъ подобаетъ человѣку, положившему свой животъ, исполняя службу и долгъ присяги. Его гробъ былъ усыпанъ цвѣтами; многіе плакали, провожая безвременно погибшаго къ мѣсту его послѣдняго успокоенія. О семьѣ, возрастѣ покойнаго и др. подробностяхъ его жизни, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣется. Спи же съ миромъ, свершившій долгъ свой, сынъ Родины и вѣрный слуга Царя! Миръ праху твоему!

Гуго Робертович Детловскій.

Помощник гольдинченскаго уѣзднаго начальника, курляндск. губерніи. Убитъ 5-го декабря 1905 года, 28 лѣтъ.

Тяжелую предсмертную драму, до наступленія мученической смерти отъ руки разбойничьей шайки, перенесъ въ разцвѣтѣ жизни и надеждъ, полный силъ и здоровья Гуго Робертовичъ Детловскій!

Служебная карьера его наладилась; семейная жизнь тоже манила къ себѣ молодого человѣка и близокъ былъ день свадьбы съ любимой дѣвушкой, но... судьба распорядилась иначе.

Утромъ, 4 декабря (это былъ разгаръ революціонныхъ дней), когда весь городъ былъ въ рукахъ крамольниковъ, учредившихъ въ Гольдингенѣ свой революціонный коми-

теть, къ дому, въ которомъ жилъ Детловскій, хлынула озвѣрѣлая толпа. Во главѣ ея стоялъ нѣкто Безвардисъ (Безымяинко). Послѣдній предъявилъ къ Детловскому обвиненіе въ томъ, что тотъ убилъ въ Митавѣ одного изъ членовъ преступнаго сообщества во время пребыванія тамъ на службѣ, въ качествѣ полицейскаго пристава.

Детловскій заявилъ, что онъ сдѣлалъ это, на основаніи долга и, защищаясь отъ нападенія, но его объясненія только озлобили и ожесточили еще болѣе разъяренную толпу анархистовъ. Детловскаго едва не растерзали, но, по распоряженію того же Безвардиса, несчастный былъ связанъ и ему объявлено было о томъ, что завтра его казнятъ „по приговору народнаго суда“. Связанный и обезоруженный, Детловскій былъ брошенъ на полъ и къ нему приставленъ караулъ. Всю ночь надъ нимъ издѣвались и мучили его, истязая, какъ хотѣлось каждому изъ палачей. Отъ нихъ не отставала прибывшая къ аресту Гуго Робертовича молодая особа, которую „товарищи“ звали Вильмой. Она, съ цинизмомъ, наглостью и безсердечіемъ, несвойственными даже худшимъ изъ женщинъ, то цѣлилась въ несчастнаго изъ револьвера, то хохотала и плевала ему въ лицо, тыча каблукомъ своей обуви и рисуя картины ожидающей арестованнаго пытки, а за ней—казни.

Ночь безконечно-мучительно тянулась. Узникъ изнемогалъ отъ физическихъ и нравственныхъ страданій и на глазахъ у него появились кровавыя слезы.

— Я не боюсь смерти,—говорилъ онъ своимъ палачамъ,—но я хочу, чтобы мои родные узнали, какъ я умру.

— Какъ собака!—хохотала Вильма, удобно расположившись въ креслѣ у стола, уставленнаго закусками и винами. Стража пьянѣла, но не настолько, чтобы можно было спастись. При малѣйшемъ движеніи Детловскаго шевельнуться, ему такъ сильно сжали мокрыми веревками руки и ноги, что кожа лопнула на тѣлѣ и мѣстами показалась кровь, видъ которой еще болѣе разжегъ мучителей на новыя звѣрства. Настало утро и Детловскаго.

увезли въ Либаву. Никто изъ близкихъ и родныхъ не зналъ о его судьбѣ. Сердца стариковъ родителей пережили муки, не имѣя возможности узнать что-либо о пропавшемъ сынѣ. Молоденькая невѣста не осушала глазъ, мечась въ ужасѣ и тоскѣ.

На другой день полетѣли телеграммы по всюду о томъ, что на окраинѣ Либавы найдено тѣло разстрѣляннаго Гуго Робертовича Детловскаго.

Можно представить себѣ горе родителей, невѣсты, братьевъ и сестры! Вся семья облеклась въ трауръ. Глубокая, безысходная печаль воцарилась въ семьѣ Детловскаго и свила въ ней прочное гнѣздо.

Началось немедленное преслѣдованіе шайки. Въ Гольдингенѣ, для подавленія мятежа, были посланы войска. Въ стачкѣ съ разбойниками и по приговору суда, почти всѣ преступники были разстрѣяны и повѣшены. Члены распорядительнаго комитета и лица, караулившія Детловскаго въ Гольдингенѣ,—всѣ переловлены, но сами руководители мятежа и убійства скрылись.

Покойный Детловскій родился 1-го апрѣля 1877 года; служилъ вольноопредѣляющимся 2-го разряда и вышелъ въ запасъ арміи изъ 98-го пѣхотн. Юрьевского полка въ званіи унтеръ-офицера. Затѣмъ служилъ канцелярскимъ служителемъ губернскаго правленія и занималъ должности: околоточнаго надзирателя въ гор. Либавѣ; полицейскаго надзирателя въ Якобштадтѣ; пристава 3-го участка гор. Митавы и, наконецъ, въ 1905 году,—младшаго помощника гольдингенскаго уѣзднаго начальника по 1-му уч. въ Гольдингенѣ. Формуляръ покойнаго былъ чистъ и служебное положеніе его—прочно и солидно. Всѣ, знавшіе его, относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, кромѣ революціонеровъ, которыхъ онъ такъ энергично преслѣдовалъ и которые неоднократно угрожали ему смертью. Но Гуго Робертовичъ съ презрѣніемъ относился къ этимъ угрозамъ и, надѣясь на свою звѣзду, шелъ твердо и неуклонно къ намѣченной цѣли.

По семейному своему положенію, онъ принадлежалъ къ интеллигентной семьѣ чиновниковъ. Старикъ отецъ

вышелъ въ отставку незадолго до смерти сына. Два брата на службѣ, сестра — замужемъ.

Огромная потеря, понесенная родными и близкими, въ лицѣ замученнаго революціонерами сына, брата и жениха, неопишима. Старикъ-отецъ посѣдѣлъ, какъ лунь, и, молча, просиживаетъ часами на дорогой могилѣ. Мать едва не лишилась разсудка и впала въ состояніе безвыходной апатіи. Невѣста горячо чтитъ свѣтлую память почившаго мученика и сердце ея закрылось для всѣхъ земныхъ радостей. Ея горячее желаніе — разыскать убійцъ дорогаго покойника и узнать, что они понесли заслуженную кару. Она религіозна и всегда чтитъ заповѣдь Божію о всепрощеніи, но теперь сердце ея ожесточилось и въ глазахъ затаилась неутомимая мысль. Такъ гибнетъ цвѣтущая юность, не находя себѣ покоя, и на зарѣ жизни сердце закрылось для радостей ея. Но она вѣритъ. Она твердо вѣритъ, что Милосердый соединитъ ее на небесахъ съ ея женихомъ и ждетъ этого конца. А могила юнаго героя, съ достоинствомъ взглянувшего въ глаза смерти, покрыта всегда цвѣтами, которые возобновляются постоянно любящими руками.

Спи съ миромъ, мученикъ, погибшій за Царя и святую Русь! Пусть земля тебѣ будетъ легка надъ твоимъ истерзаннымъ пытками тѣломъ и да помянетъ тебя Господь во Царствіи Своемъ!

Іосифъ Морціоновичъ Юревичъ.

Околотоchnый надзиратель г. Митавы. Убитъ 13-го февраля 1908 года.

Іосифъ Морціоновичъ Юревичъ былъ холостъ; происходилъ изъ крестьянъ жагорской волости, шавельскаго уѣзда, ковенской губерніи. Служа въ тревожное, тяжелое время 1905—1908 г. г., Юревичъ усердно несъ свои многосложныя обязанности и былъ неутомимъ. Извѣстный, какъ хорошій, опытный сыщикъ, онъ неоднократно слышалъ угрозы со стороны анархистовъ, прикрывавшихся краснымъ знаменемъ, но угрозы его не пугали, и онъ продолжалъ свое дѣло, для блага дорогаго отечества. Товарищи и всѣ, знавшіе его, любили за его откровенную, чистосердечную натуру и честное отношеніе къ дѣлу и людямъ.

12-го февраля 1908 года, проходя по Константиновской улицѣ, Юревичъ вздумалъ зайти въ пивную лавку для какихъ то справокъ. Случайно въ задней комнатѣ, онъ наткнулся на давно разыскиваемыхъ имъ двухъ профессиональных воровъ и грабителей: Вольдемара Купена и Юрія Адольфа Бимона, которые, замѣтивъ Іосифа Морціоновича, мгновенно выбѣжали изъ лавки, оттолкнувъ его. Юревичъ погнался за ними и догналъ ихъ у воротъ полкового двора 180 пѣхотнаго Виндавскаго полка, у которыхъ стоялъ часовой съ ружьемъ.

— „Остановитесь“!—закричалъ Юревичъ, рассчитывая на помощь часового, но тотъ смутился,—и этимъ воспользовался Купенъ, повернулся и со словами: „стой и ты! вотъ тебѣ“! почти въ упоръ выстрѣлилъ въ Іосифа Морціоновича изъ револьвера системы Ногана. Тотъ упалъ задѣтый пулей за сердце и скончался на мѣстѣ, а Купенъ и Бимонъ бросились бѣжать. Все это видѣлъ выбѣжавшій изъ сосѣднихъ воротъ унтеръ-офицеръ 113 пѣхотн. Старорусскаго полка Николай Яковлевъ Логойно. Онъ выхватилъ изъ рукъ часового ружье и уложилъ Купена, Биманъ же успѣлъ скрыться, перескочивъ черезъ преграждавшій ему дорогу заборъ. Всѣ розыски его и по настоящее время остались безуспѣшными.

Купенъ, тяжело раненый въ голову, на другой день, не приходя въ сознаніе, умеръ въ тюремной больницѣ.

Когда хоронили Іосифа Морціоновича, было много пролито слезъ его друзьями и знакомыми, потерявшими въ его лицѣ такого нужнаго и симпатичнаго человѣка. Умеръ онъ, какъ подобаетъ герою! Миръ его праху и вѣчная память!

Николай Алексѣвичъ Носковъ.

Стражникъ Устюгской полицейской стражи, вологодской губ. убитъ
27-го апрѣля 1911 года.

Николай Алексѣвичъ Носковъ родился въ дер. Лопатниковой, нестеферовской волости, устюгскаго уѣзда. Все его дѣтство прошло на пристаняхъ родной деревни, а потомъ—Устюга, гдѣ онъ работалъ до 21 года, послѣ чего былъ взятъ на военную службу. Служилъ въ Свеаборгской крѣпостной артиллеріи, откуда вышелъ старшимъ унтеръ-офицеромъ въ 1909 году. Въ началѣ 1910 года Носковъ женился на дѣвушкѣ изъ своей деревни, 17 лѣтней Маріи, которая осталась, послѣ его смерти, беременной. Не думала, бѣдная, выходя замужъ въ такіе юные годы за молодого, красиваго «унтера», что такъ скоро станетъ вдовой!

Живя въ деревнѣ съ молодою женой и занимаясь хозяйствомъ, энергичный Николай стосковался по службѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда посѣвы были закончены, домъ и огородъ приведены въ порядокъ, Николай отправился въ Устюгъ и поступилъ на службу въ устюгскую полицейскую команду, а въ сентябрѣ того-же года опредѣленъ стражникомъ.

Разлука съ женой была не много тяжела, потому что крѣпко любилъ Николай свою хорошенькую, кроткую жену, помощницу и друга, но Марія не разъ навѣщала мужа и даже на зиму собиралась къ нему, чтобы посе-

литься вмѣстѣ, но судьба рѣшила иначе: имъ суждено было разстаться навсегда.

Въ апрѣлѣ 1911 года Николай, вмѣстѣ съ другими товарищами, былъ командированъ въ отрадную волость устюгскаго уѣзда, для оказанія содѣйствія лѣсной стражѣ, при сплавѣ и секвестрѣ казеннаго лѣса, по просьбѣ лѣснаго ревизора, завѣдующаго Югскимъ лѣсничествомъ устюгскаго уѣда. Здѣсь онъ, изъ злобы, былъ убитъ крестьяниномъ дер. Климово, стродной волости, Прокопіемъ Яковлевымъ Сосновскимъ.

Умеръ Николай Носковъ въ разцвѣтѣ жизни, на 27-мъ году, 27-го апрѣля 1911 года. Бѣдняжка Марія осталась одна. Пораженная тяжкимъ горемъ, она едва не лишилась разсудка, не скоро она оправится! Юное сердце разбито и только одна яркая полоска свѣтлѣетъ ей въ будущемъ: у нея будетъ ребенокъ отъ любимаго мужа и ему она посвятитъ всю жизнь.

— А если... если и его убьютъ злодѣи? обливаетъ кровью бѣдное сердце страшная мысль.

— Божья воля! Все Его святая власть! рѣшаетъ она и обливаетъ горячими слезами дорогую могилу, въ которой крѣпко спитъ и не проснется юный Николай, не думавшій, что въ цвѣтущемъ, полномъ радости и соловьиныхъ пѣсень, лѣсу онъ найдетъ свой конецъ?

Сергѣй Прокофьевичъ Максимовъ.

Старшій судовой механикъ крейсера «Память Азова», подполковникъ корпуса инженеръ-механиковъ, убитъ въ ночь съ 18-го на 19-ое іюля 1906 года.

Сергѣй Прокофьевичъ родился въ 1864 году. Сынъ почетнаго потомственнаго гражданина, механика-практика.

Воспитаніе Сергѣй Прокофьевичъ получилъ въ родной семьѣ, строго и свято блюдущей святыя завѣты чести и добра, учился въ Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ, а по окончаніи его въ Морскомъ инженерномъ училищѣ, по

окончаніи котораго въ 1877 году, былъ выпущенъ инженеръ-механикомъ флота.

Съ самаго начала своего пребыванія въ морскомъ инженерномъ училищѣ, онъ увлекся электротехникой (предметъ, между прочимъ, не его специальности) и отдавалъ много времени и любви, этому дѣлу. Широкая, жаждущая знаній, натура Сергѣя Прокофьевича стремилась все къ новымъ и новымъ знаніямъ, и онъ изучалъ мастерство: токарное, слесарное и другія. Но, изучая, главнымъ образомъ, электротехнику, онъ не ограничивался одними книгами и журналами, какъ дѣлаетъ это большинство любителей, но все изучалъ на опытѣ. Напр., у себя на квартирѣ, самъ лично, провелъ электрическое освѣщеніе, телефонъ, причемъ аккумуляторы, амметры, вольтъ-метры и др. приборы сдѣланы его собственными руками.

Онъ дѣлалъ небольшія динамо-машины, изготовилъ приборъ для полученія рентгеновскихъ лучей, и настолько удачно, что собственноручно сдѣлалъ снимокъ скелета своей руки. За часъ до смерти, закончилъ онъ изящно отдѣланные аппараты для телефонирования безъ проводовъ; былъ прекраснымъ фотографомъ, имѣлъ приборы для фототипіи и получалъ прекрасные оттиски.

Въ плаваніи на корабляхъ, или, служа на берегу, въ Кронштадтѣ, Сергѣй Прокофьевичъ, все свободное отъ службы время употреблялъ на свои занятія. Безъ дѣла онъ не могъ оставаться ни одной минуты,—черта, унаследованная отъ труженика—отца. Несмотря на то, что здоровье его было не крѣпко, онъ не обращалъ на него вниманія и постоянно былъ у дѣла.

Поступивъ въ 1904 году на крейсеръ «Память Азова» старшимъ судовымъ механикомъ, Сергѣй Прокофьевичъ много труда положилъ на приведеніе въ должный порядокъ машинъ. Будучи самъ крайне трудолюбивымъ, онъ того-же требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ и внушалъ имъ, что этого требуетъ не онъ, а само машинное дѣло. Съ младшими былъ строгъ, но справедливъ, и горой стоялъ за свою машинную команду, не давая ее въ обиду.

Плаваая близъ Ревеля на этомъ крейсера въ 1906 году, Сергѣй Прокофьевичъ, томимый какимъ то злымъ предчувствіемъ, сообщилъ о немъ своимъ близкимъ, но не думалъ уходить, по долгу службы, считая это нечестнымъ. Команда стала отлынивать отъ исполненія своихъ обязанностей; иногда матросы собирались группами и о чемъ то перешептывались и ни наказанія, ни дисциплинарныя взысканія не помогали. Временами Сергѣй Прокофьевичъ ловилъ на себѣ злобные взгляды и сурово смотрѣлъ на забывшагося.

Въ ночь, съ 18 на 19 іюля, онъ обходилъ машинныя и котельныя отдѣленія, затѣмъ поднялся въ свою каюту, чтобы на ночь освѣжиться умываньемъ. Настроеніе его было тяжелое, удручающее. Мысли обволокло туманомъ... И вдругъ до слуха его донеслись выстрѣлы. Сергѣй Прокофьевичъ вздрогнулъ, перекрестился и бросился мгновенно въ завѣдываемую имъ часть. Долго ли пробылъ онъ тамъ, неизвѣстно, но въ разгарѣ бунта шумъ заставилъ его выйти, и тутъ, въ корридорѣ, мятежники пронзили его пулей, пущенной въ упоръ. Истекая кровью, дошелъ до своей каюты и безъ силъ опустился въ кресло.

Толпа озвѣрѣлыхъ людей бросилась за нимъ, истязая его и коля его лицо и губы большимъ трехграннымъ напильникомъ, который потомъ вонзили ему въ сердце, и злобствовала, пока онъ не испустилъ духъ, взглянувъ на своего убійцу съ упрекомъ и слезами въ потухающихъ глазахъ, потому что убійца былъ никто иной, какъ машинистъ, облагодѣтельствованный жертвой своего изувѣрства.

Полъ въ каютѣ былъ обильно залитъ кровью жертвы дикихъ, озвѣрѣлыхъ безумцевъ. На пути крейсера изъ Попенъ-Вика въ Ревель, негодяи вытащили трупъ С. П. на батарейную палубу; къ шеѣ привязали веревку, къ концу которой прикрѣпили огромный камень, и погибшій герой былъ брошенъ въ море черезъ казематъ № 8 (по лѣвому борту).

Волны подхватили свою жертву и навсегда скрыли

ее отъ глазъ людскихъ, но Господь видитъ могилу раба своего и вѣроятно, по милосердію своему, проститъ ему его прегрѣшенія. Долго искали тѣло. Въ Ревелѣ были обѣщаны огромныя деньги за находку. Родные и вдова все свое состояніе отдавали на это, но тщетно: море угрюмо хранить свою тайну и баюкаетъ пѣсней покоя и міра измученное тѣло, отданное ему!

Убійцу судили въ Ревелѣ и затѣмъ —разстрѣляли. Черезъ три дня послѣ убійства, роднымъ удалось попасть на крейсеръ и осмотрѣть мѣсто пытки и конца несчастнаго Сергѣя Прокофьевича. Каюта была прибрана, кровь смыта, такъ что трудно было повѣрить, что здѣсь совершено злодѣйское убійство. Но, при внимательномъ осмотрѣ каюты, увидѣли, что стѣна (досчатая переборка) пронизана пулями, подушка прострѣлена, а на столѣ лежить орудіе пытки и убійства—огромный напильникъ! Когда отъ стѣны отодвинули шкафъ, то подъ нимъ оказалась огромная лужа незамытой крови, очевидно, не замѣченной матросомъ, убравшимъ каюту. Вотъ все, что осталось вещественнаго отъ честнаго, благороднаго труженника! Какъ то страшно и жутко стало всѣмъ при взглядѣ на эту, какъ бы призывающую къ отмщенію, кровь! И невольно слезы брызнули изъ глазъ, а тяжелое горе близкихъ стало такъ понятно, такъ родственно каждому!

Подобно Юлію Цезарю, Сергѣй Прокофьевичъ могъ сказать: «И ты, Брутъ»?!—когда на него бросился его любимецъ, благодѣтельствованный имъ, не слышавшій отъ него ни одного рѣзкаго окрика, ни одного грубаго слова.

Молодая вдова покойнаго производила удручающее впечатлѣніе! Прижимая къ груди пятимѣсячнаго крошку-сына, она безмолвно смотрѣла на море, и на ея лицѣ застыла печать такого безграничнаго отчаянія!

— Все потерять, все! Всю жизнь, весь смыслъ ея унесъ съ собой Сережа!

Въ отчаяніи, она готова была броситься въ бурныя волны... Малютка испуганно заплакалъ, и молодая мать встрепенулась. Прижавъ дитя къ груди, она шептала:

— Мы будемъ жить! Мы будемъ достойны его!

А слезы лились по лицу, неудержимыя, тяжелыя, горькія!..

Приводимъ краткій послужной списокъ покойнаго.

Родился въ 1864 г. Произведенъ въ инженеръ-механики флота въ 1887 г. Плавалъ во внутреннемъ и заграничномъ плаваніи на судахъ Добровольнаго флота. Совершилъ кругосвѣтное плаваніе въ 1890—1892 г. г. на клипперѣ «Джигитъ». Заграничное плаваніе съ 1893—1898 г. г. на броненосцѣ «Николай I-й». Во внутреннемъ и заграничномъ плаваніяхъ былъ съ 1898—1901 г. г. на Императорской яхтѣ «Штандартъ». Съ 1901—1904 г. г. былъ завѣдующимъ мастерской на Кронштадтскомъ пароводномъ заводѣ, а въ 1904 г. покинулъ заводъ и поступилъ на крейсеръ «Память Азова», гдѣ закончилъ и свою карьеру, и свою жизнь, въ разцвѣтѣ силъ и таланта.

Миръ праху твоему, честный труженикъ и прекрасный человѣкъ!

Павель Петровичъ Петровъ.

Полицейскій стражникъ лужскаго уѣзда. Убитъ 29 апрѣля 1907 года, 34 лѣтъ отъ роду.

Гибнуть, какъ отъ эпидеміи, охватившей Россію, сильные, честные, полезные люди! Гибнуть, по волѣ суровой судьбы, внезапно, пораженные, изъ-за угла, подлой рукой убійцы, часто не вѣдающихъ сами, что творять!

Такъ убитъ предательски пущенной пулей 29 апрѣля 1907 года Павель Петровичъ Петровъ, скромный труженикъ, при исполненіи своего служебнаго долга.

Состоя стражникомъ при 10-мъ пѣш. отрядѣ лужскаго уѣзда, Петровъ былъ командированъ начальствомъ на ярмарку на ст. Новоселье, С. З. Ж. Д.

Честный служака, желая быть достойнымъ своей командировки и того довѣрія, которымъ облекло его начальство, горячо принялся за свои обязанности. Онъ, замѣтивъ безпорядокъ въ толпѣ подвыпившей молодежи, мягко и ласково увѣщевалъ гулякъ, но—«пьяному море по колѣно»! Внезапно, быть можетъ, даже не сознавая, что онъ дѣлаетъ, изъ толпы выдѣлился на мгновенье человекъ съ поднятымъ браунингомъ. Раздался выстрѣлъ. Были сумерки, и лицо злодѣя оставалось во мракѣ, но, несмотря на наступавшую темноту и на то, что онъ былъ пьянъ, ему удалось однимъ выстрѣломъ уложить Петрова, который тутъ же скончался.

Толпа скрыла убійцу, и онъ остался неразысканнымъ, какъ это часто бываетъ въ послѣднее время. Покойный былъ честнымъ, ревностнымъ слугою Царя и Отечества и погибъ, какъ герой, на служебномъ посту.

По смерти его, осталась вдова Ксенія Сергѣева 36 лѣтъ и трое малолѣтнихъ дѣтей. При нихъ—мать Петрова—драхлая 70 лѣтняя старуха. Петровъ и его семья—право-

славные. Вся его служба,—сначала въ Печерскомъ пѣхотномъ полку, потомъ, по истеченіи 4 лѣтъ,—выходъ въ запасъ рядовымъ, затѣмъ, послѣ трехъ лѣтъ,—снова военная служба съ 1904 по 1906 годъ, затѣмъ поступленіе на службу при полиціи, была чиста и незапятнана. Ни въ чемъ дурномъ и предосудительномъ никто не могъ упрекнуть честнаго безкорыстнаго Петрова.

Любя свою семью и желая ей спокойнаго существованія, Петровъ работалъ, не жалѣя силъ, и маленькаго его жалованья хватало на необходимыя нужды. Семья жила въ собственной небольшой избенкѣ, имѣла корову, домашнюю птицу. Жена и мать поддерживали порядокъ и чистоту въ домѣ, и Петровъ отдыхалъ душою, думая о нихъ. Но... надвинулась туча, грозно и злобѣще осѣнила бѣдную избенку и—не стало кормильца семьи, ея единственной опоры! Въ разцвѣтѣ силъ, погибъ слуга Царя и Отечества, вѣрный присягѣ,—на своемъ служебномъ посту.

Спи, мученикъ долга, въ могилѣ сырой,
Дошелъ до могилы ты честно!
Исполнилъ долгъ русскаго свѣтлый, святой,
О немъ станетъ всюду извѣстно.
Пусть Ангелъ Господень лилейнымъ крыломъ
Могилу твою осѣняетъ.
Спи, мученикъ долга, ты радостнымъ сномъ,
Твой прахъ Самъ Господь охраняетъ!
И малыя дѣти, и мать, и жена
Придутъ на могилу героя,
Которому рано такъ смерть суждена.
Спи сномъ гробового покоя!

Андрей Степанович Берняковъ.

Городовой хутора Тихорецкаго. Убитъ 26 февраля 1908 года.

Измѣннически, изъ-за угла, по привычкѣ, усвоенной г.г. «красными», убить городской хутора Тихорѣцкаго, Андрей Степановичъ Берняковъ. За что убить? рождается вопросъ и отвѣтъ на него—яснѣе дня: за то, что былъ слишкомъ ревностнымъ служакой, за то, что слишкомъ много успѣлъ открыть и узнать за свою, сравнительно, недолгую службу!

Убить Берняковъ 38 лѣтъ отъ роду! Сколько полезной и плодотворной работы успѣлъ бы онъ еще сдѣлать!

Берняковъ, когда шелъ съ обходомъ мимо дома 113 желѣзно-дорожнаго зданія, изъ-за ограды сада, былъ осыпанъ пулями. Изъ прострѣленного насквозь живота вы-

вашились внутренности. Очевидно, снарядъ, которымъ стрѣляли, имѣлъ разрывную силу или пуля была съ шипообразнымъ концомъ, который дѣлаетъ широкіе надрывы и ранитъ всегда смертельно. Слѣдующія пули попали въ лѣвую руку, ниже локтя, и въ шею; по прибытіи въ лазаретъ, несчастный страдалецъ, не приходя въ сознаніе, умеръ. Раненый, одновременно съ Берняковымъ, младшій стражникъ, бывшій тоже въ обходѣ, Дмитрій Гребенюковъ выздоровѣлъ.

Убійцы скрылись во мракѣ ночи, оставивъ свою жертву только тогда, когда они, очевидно, убѣдились, что достигли цѣли, и розысканы до сихъ поръ не были.

По предположенію товарища, Берняковъ погибъ потому, что зналъ слишкомъ много. Ему были извѣстны частные притоны анархистовъ, прятавшихся за *красныя ширмы* и безнаказанно совершавшихъ преступленіе за преступленіемъ, онъ открывалъ все новыя и новыя организаціи и не разъ слышалъ угрозы: „не сносить тебѣ головы, проклятая полицейская ищейка“!

Но, вѣрный долгу присяги, Берняковъ продолжалъ свою дѣятельность, въ рукахъ его уже были почти всѣ нити для раскрытія преступленія, совершеннаго за годъ назадъ, когда былъ смертельно раненъ начальникъ Тихорецкихъ мастерскихъ г. Тарашкевичъ. Убійцы, очевидно, предполагали, что Бернякову извѣстны лица заговора. И на нивѣ своего труда погибъ честный работникъ и талантливый мастеръ для распутыванія сложныхъ преступленій.

Послѣ покойнаго осталась жена съ двумя малолѣтними сиротами и мать. Они не обезпечены и жили только заработками и жалованьемъ отца семьи.

И еще на великомъ кладбищѣ Скорбей Народныхъ выросъ могильный холмъ надъ погибшимъ, какъ подобаетъ честному слугѣ Цареву, Андреемъ Берняковымъ.

Помолимся-же за упокой его души и пусть благодать Господня осѣнитъ его могилу!

Михаиль Сергѣевичъ Матюшенко.

Городовой станицы Армавира, убитъ 11 ноября 1911 года.

Михаиль Сергѣевичъ Матюшенко, крестьянинъ пензенской губ., инсурскаго уѣзда, шадыморискинской волости, села Камакужи, родился 20-го октября 1878 года. Въ 1900-мъ году взятъ на военную службу. Служилъ въ 8-мъ Закаспійскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, откуда былъ уволенъ въ запасъ 22-го октября 1904 года. Два года жилъ въ селѣ Камакужи, но въ октябрѣ 1906 года поступилъ на службу въ армавирскую полицію, гдѣ служилъ до смерти, послѣдовавшей отъ рукъ злодѣевъ 11-го ноября 1906 года.

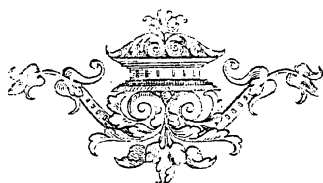
Управляющій отдѣленіемъ товарищества „Владиміръ Алексѣевъ“, г. Владиміръ Прохоровъ заявилъ полицеймейстеру ст. Армавира, что анархисты-коммунисты предъявили ему требованіе уплаты 5-ти тысячъ. Полицеймейстеръ установилъ наблюденіе за домомъ Прохорова, поставивъ Матюшенко и еще нѣсколько человекъ въ разныхъ пунктахъ.

Анархисты, въ количествѣ 4-хъ человекъ, явились 11-го ноября къ дому Прохорова, но, замѣтивъ Матюшенко, поспѣшили скрыться, а тотъ бросился за ними въ погоню. Добѣжавъ до завода Бабаевыхъ, Матюшенко по телефону далъ знать на 2-ю полицейскую будку. Старшій городской Прокофій Ананьевъ взялъ съ собою двухъ городскихъ, по пути захвативъ и Матюшенко. Когда анархисты были настигнуты, они открыли огонь по полицейскимъ изъ маузеровъ. Завязалась горячая перестрѣлка. Матюшенко, обливаясь кровью, упалъ на землю. Цѣлили, главнымъ образомъ, въ него.

Воспользовавшись минутнымъ смятеніемъ, анархисты бросились бѣжать снова, и сначала двое, отдѣлившись отъ товарищей, скрылись въ проулкѣ, остальные двое — за чертою села у вокзала. Они не переставали стрѣлять изъ отличныхъ маузеровъ, а плохіе револьверы городо-

выхъ давали осѣчки. Матюшенко, тяжело раненый, умиралъ. Въ обоихъ плечахъ пулевые отверстія, одно въ паху, одно въ ягодицѣ и одно ниже поясицы. Сначала врачъ обнадежилъ, что хотя раны опасны, но не смертельны, однако раненый скоро сталъ метаться, потерялъ сознаніе и скончался. Онъ умеръ, какъ честный служака, храбро защищая своей грудью довѣренныхъ ему людей и умеръ, какъ герой.

Осѣнимъ же себя крестнымъ знаменемъ за упокой души раба Божія Михаила, и да упокоитъ его душу Господь въ селеніяхъ праведныхъ!

Александръ Семеновичъ Чабай.

Урядникъ туккумской полицейской стражи, убитъ 7-го іюля 1906 г

Александръ Семеновъ Чабай родился въ 1878 году, происходилъ изъ крестьянъ забрезской волости, ошмянскаго уѣзда, виленской губерніи. Родители его были очень бѣдны, мальчикъ-же росъ смышленнымъ, энергичнымъ, вѣчно стараясь о грамотѣ, упорно хотѣлъ читать и писать.

Видя такое рвеніе къ наукѣ, родители отдали его, наконецъ, въ сельскую школу. Здѣсь онъ уже быстро преуспѣвалъ въ наукѣ и окончилъ лучше всѣхъ. Дома это былъ лучший работникъ и поддерживалъ самъ своихъ стариковъ. Приближалось время отбытія воинской повинности. Чабай росъ крѣпкимъ, здоровымъ парнемъ, искренно любилъ свое Отечество и Государя и все мечталъ послужить Батюшкѣ—Царю. Въ 1899 году наступилъ срокъ повинности, и Чабай, какъ здоровый, рослый, смышленный человѣкъ, былъ назначенъ въ лейбъ гвардіи Кексгольмскій полкъ для отбытія ея. Службу свою онъ несъ ревностно и поэтому уволенъ былъ въ запасъ съ

унтеръ-офицерскими нашивками, въ видѣ заслуги,—въ 1903 году.

Отдохнувъ одинъ годъ среди родныхъ, на привольи родного села, заскучаль Чабай снова о военной службѣ и сталъ хлопотать о мѣстѣ въ полиціи, въ Туккумъ, зная, что нигдѣ такъ не послужить Батюшкѣ-Царю, какъ тамъ. И вотъ, въ 1904 году онъ уже былъ принятъ 1-го декабря городовымъ туккумской городской полицейской команды. Человѣкъ онъ былъ трезвый, дѣло свое велъ старательно, на посту былъ вѣжливъ, внимателенъ. Начальство обратило на него вниманіе, и черезъ семь мѣсяцевъ онъ уже былъ повышенъ.

1-го іюля 1905 года Чабай былъ переведенъ на должность урядника туккумской уѣздной полицейской стражи.

Но ясно, что, исполняя ревностно службу и быстро повышаясь, не упуская ничего изъ вида,—онъ имѣлъ уже враговъ. Не проходило ни одного бунта, погрома, которому бы Чабай не противодействовалъ. Отъ его зоркаго глаза не укрылся ни одинъ крамольникъ, зачинщикъ погрома, и онъ былъ обреченъ на смерть подлыми смутителями человѣческаго покоя и долга 7-го іюля 1906 года, то-есть всего только черезъ годъ послѣ своего назначенія урядникомъ.

7-го іюля подлая шайка погромщиковъ послала ложное донесеніе туккумскому уѣздному начальнику второго участка о томъ, что, якобы, наудитенское волостное правленіе, митаво-баузскаго уѣзда, разгромлено шестьюдесятью вооруженными злоумышленниками, и громилы направляются дальше въ сосѣдній туккумскій уѣздъ грабить другое волостное правленіе и винную казенную лавку. Младшій помощникъ уѣзднаго начальника, получивъ приказаніе отъ уѣзднаго начальника, командировалъ 7-го же іюля 1906 года въ ближайшее отъ этого мѣста онненгофское волостное правленіе, туккумскаго уѣзда, четырехъ чиновъ стражи, въ томъ числѣ и Чабая—для охраны, совмѣстно съ имѣвшимъ прибыть туда же отрядомъ войска, волостного правленія и казенной винной лавки отъ нападенія.

Подлымъ злоумышленникамъ только этого и нужно было. Ночь была темная, зги не видно. Негодяи выбрали укромное мѣсто подъ мостомъ у бикстенской корчмы «Верзень». Вѣроломно притаились они у въѣзда на мостъ. Охранники тихо приближались, не чувствуя засады, но врагъ силенъ! Пользуясь темнотой, они хорошо намѣтили своихъ жертвъ. Едва стража приблизилась, какъ громилы начали стрѣлять изъ темноты, сами скрытые мостомъ. Первой жертвой палъ намѣченный Чабай, въ котораго подло, измѣннически, стрѣляли въ упоръ «благодѣтели человѣчества».

За одно ужь, почему не исковеркать и другихъ невинныхъ жертвъ ночного разгула и злобы на весь міръ! Вѣдь это-же все вѣрные слуги Отечества и охранники нашего Государя! Бей и ихъ за компанію! Никого не жаль! Чѣмъ больше ихъ истребить, тѣмъ свободнѣе будетъ гулять по бѣлому свѣту и грабить, грабить безъ конца всѣхъ имѣющихъ трудовой кусокъ хлѣба, проливать неповинную кровь.

Поэтому, убивъ А. С. Чабая, злоумышленники еще пострѣляли, ради потѣхи, въ растерявшихся стражниковъ. Вѣдь они мѣтили навѣрняка! Имъ изъ засады было видно, они были болѣе защищены, чѣмъ тѣ, бѣдняки, врасплохъ попавшіе въ засаду. Ранили еще урядника Павла Дегге—въ колѣно и Максима Мерзлякова—въ руку. Последний скоро умеръ. Вдова его получила 100 р. пенсіи по Высочайшему указу, а Дегге—240 р. пенсіи.

Совершивъ свое предательское, грязное дѣло—злоумышленники, пользуясь темнотой, скрылись. Охрана же, въ лицѣ двухъ раненыхъ, одного убитаго и одного уцѣлѣвшаго урядника осталась на мосту. Кое-какъ добрались они до дома, чтобы схоронить останки своего товарища. О томъ, чтобы искать злоумышленниковъ въ темнотѣ не могло быть и рѣчи, и они скрылись, но не надолго.

Око Всевышняго не оставляетъ преступленія скрытыми, и бѣжавшіе злоумышленники всѣ были переловлены въ скоромъ-же времени и понесли тяжкое наказаніе за свое предательство. Только одинъ А. С. Чабай, павшій

жертвой служебнаго долга, мирно спитъ въ сырой землѣ, вспоминаемый сослуживцами, какъ рѣдкій по энергiи, исполнительности и преданности своему служебному дѣлу. Убитъ онъ молодымъ, еще не успѣвшимъ создать семью, порадоваться жизни, на двадцать восьмомъ году. Миръ душѣ твоей безвременно погибшій! Ты исполнилъ вѣрно свой долгъ и молитвы братьевъ твоихъ во Христѣ будутъ вѣчно съ тобою!

Василій Кузьмичъ Суббота.

Полицейскій стражникъ александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Убитъ 4 октября 1904 года.

Еще однимъ честнымъ, ревностнымъ исполнителемъ воли Царской стало меньше. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, доколѣ все это будетъ? Какъ мухъ назойливыхъ, уничтожаемыхъ беспощадно, выбиваютъ у насъ царскихъ слугъ. И не странно еще, если эти безчеловѣчные убійцы—инородцы. Не можетъ у нихъ быть любви къ русскимъ, которыхъ они считаютъ искони врагами!

Но вотъ убійство, совершенное своимъ же крестьяниномъ!

Подлый воръ, грабитель, сталъ убійцей, не считаясь съ тѣмъ, что у В. С. Субботы остались жена и 7 чело-

вѣкъ дѣтей, почти въ нищетѣ. Что ему до того! Вѣдь онъ не разсуждалъ, что это такой-же человѣкъ, какъ и самъ онъ. Что ему нужно нести свою службу, чтобы кормиться и кормить семью. Суббота мѣшалъ ему заниматься подлымъ, низкимъ дѣломъ, и вотъ этотъ звѣрь, уже въ 29 лѣтъ извѣстный преступникъ, Федотъ Терентьевъ Садыло, подбиваетъ своего товарища еще помоложе, но тоже извѣстнаго въ своемъ грязномъ дѣлѣ Ананія Григорьева Шульгу,—27 лѣтъ,—на убійство.

3-го октября 1909 года, когда Суббота вышелъ на ярмарку для розысковъ этихъ же негодяевъ, совершившихъ цѣлый рядъ кражъ, они совершаютъ свое «доблестное намѣреніе»—убиваютъ его. Убиваютъ изъ мести! Имъ удалось недавно такое хорошее дѣло, какъ кража товаровъ изъ магазина Гордона. Грабители успѣли уже часть сбыть, часть заложить, остались не сбытыми векселя магазина. И вдругъ они узнаютъ, что «недремлющее око» В. К. Субботы, полицейскаго стражника, подмѣтило ихъ слѣды. «Убьемъ его, и съ плечъ долой!»—похвалялись накануне грабители. Рѣшено было заманить его съ ярмарки на площадь, подальше отъ базара. Несчастный ревнитель Царскихъ законовъ, вѣрный служака, забывая о себѣ, о семьѣ, устремился за преступниками и попалъ въ западню.

Вечеромъ, въ восемь часовъ, 3-го октября слышали вдали выстрѣлы, довольно глухіе. Это подлые убійцы, въ упоръ разстрѣливали стражника В. К. Субботу, очевидно погнавшагося за ними. Покончивъ свое гнусное дѣло, Садыло и Шульга скрылись, оставивъ несчастнаго, преданнаго своему дѣлу, слугу Царскаго на растерзаніе собакъ, да еще клочки изорванныхъ векселей, не пригодившихся имъ.

На утро 4-го октября В. С. Суббота былъ найденъ въ истерзанномъ видѣ, въ ста саженьяхъ отъ жилыхъ построекъ и шести саженьяхъ отъ вѣтряной мельницы на площади села Григорьевки (Кривой рогъ). Лицо и шея покойнаго были до неузнаваемости обѣдены собаками. Мундиръ изорванъ. Въ области сердца и въ груди четыре

огнестрѣльные раны, правое бедро было тоже прострѣлено.

Кто совершилъ убійство еще не вполне выяснено, но вѣскія улики указываютъ на Садыло. На его одеждѣ найдены свѣжія капли человѣческой крови, о происхожденіи которыхъ Садыло не могъ дать никакихъ объясненій. Участіе же Шульги доказывается найденными въ печи его квартиры остатками клочковъ векселя, оброненнаго около трупъ убитаго стражника. Тамъ-же найдены пустые гильзы изъ браунинга, которымъ негодяи разстрѣливали В. К. Субботу. Преступники упорно отрицаютъ свое злодѣяніе.

За что уничтоженъ вѣрный, исполнительный слуга, защитникъ своей Родины? Уничтоженъ подлыми ночными татами, душегубами! Ни одинъ изъ нихъ и не думаетъ какую ужасную отвѣтственность понесутъ они передъ Престоломъ Всевышняго, отнявъ ту жизнь, которой не давали, которая такъ нужна нашей многострадальной Родинѣ! Они не знаютъ, что кровь бѣднаго исполнителя своего долга и вопли разоренной семьи падутъ на ихъ же головы.

Семь человѣкъ, т. е. жена покойнаго, сорока двухъ лѣтъ, сыновья:—одинъ пятнадцати лѣтъ, второй—четырнадцати, третій—двѣнадцати и четвертый—шести лѣтъ, да дочери—семи, пяти и двухъ лѣтъ остались въ плохой хатенкѣ, съ одной коровой и надѣльной землей на двѣ души.

Какъ много времени нужно еще, чтобы эти дѣти могли поддержать своими трудами бѣдную вдову убитаго! А кровь невинныхъ слугъ Царскихъ льется и льется безъ конца, лишь за то, что они безстрашно и неуклонно служатъ Царю и Родинѣ. Земля стонетъ отъ этой невинной крови.

Да будетъ она тебѣ пухомъ несчастный страдалецъ за свою Родину!

Григорій Павлович Аристовъ.

Полицейскій стражникъ ленкоранскаго уѣзда, бакинской губ; убитъ
25 ноября 1905 года.

О г. Аристовѣ въ распоряженіи редакціи имѣются
крайне скудныя свѣдѣнія.

Изъ официальнаго сообщенія уѣзднаго начальника
г. Ленкорана видно, что Григорій Павловичъ Аристовъ,
бывшій полицейскій стражникъ, происходилъ изъ кре-
стьянъ села Секвореннаго, ниже-лемовскаго уѣзда, пен-
зенской губ., служилъ на дѣйствительной военной службѣ,
въ 6-мъ пѣхотномъ либавскомъ принца Фридриха Лео-
польда прусскомъ полку.

Выйдя въ запасъ арміи, онъ былъ зачисленъ 10-го
августа 1899 г. старшимъ полицейскимъ стражникомъ въ
ленкоранскій уѣздъ, бакинской губерніи. На 6-мъ году
последней службы, т. е. 25 ноября 1905 г., Аристовъ,
при исполненіи служебныхъ обязанностей, былъ убитъ
персидскими разбойниками на персидской границѣ.

Покойный оставилъ послѣ своей смерти жену Татьяну, съ тремя маленькими дѣтьми, безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Миръ праху твоему, честный, вѣрный служака Царю и Отечеству.

Сергій Ивановичъ Медвѣдевъ.

**Сергій Ивановичъ Медвѣдевъ и Федоръ Митрофановичъ
Шеповаловъ.**

Младшіе урядники 2-го Урупскаго полка, оба смертельно ранены
18 января 1908 г.

18 января 1908 года, въ г. Екатеринодарѣ, во время поимки разбойника, были смертельно ранены два младшихъ урядника 2 Урупскаго полка Сергій Ивановичъ Медвѣдевъ и Федоръ Митрофановичъ Шеповаловъ, скончавшіеся 19 того же января. Обоимъ погибшимъ были устроены торжественныя похороны, на которыхъ присутствовали товарищи убитыхъ и много другихъ лицъ пришедшихъ отдать послѣдній долгъ жертвамъ, отдавшимъ свою жизнь при исполненіи служебныхъ обязанностей. Три вѣнка были возложены на гробахъ отъ Урупскаго полка, а также вѣнки отъ товарищей.

Для увѣковѣченія памяти объ ихъ геройской смерти 2 Урупскимъ казачьего войска полкомъ была прислана мраморная доска съ слѣдующими словами: «Помолитесь за доблестныхъ слугъ Царя и Родины урядниковъ 2 Урупскаго полка, Сергѣя Медвѣдева и Федора Шеповалова, павшихъ смертію храбрыхъ 18—19 января 1908 года въ перестрѣлкѣ съ разбойникомъ - революціонеромъ. Миръ

праху ихъ». Вѣнки и доска хранятся при мѣстномъ храмѣ станицы Дондуковской.

✽ Сообщаемъ краткія, біографическія свѣдѣнія объ этихъ безвѣстныхъ жертвахъ долга.

Федоръ Митрофановичъ Шеповаловъ.

Федоръ Митрофановичъ Шеповаловъ, по происхожденію казакъ кубанской обл., майкопск. отд., станицы Дондуковской,—родился 4 февр. 1881 года, женатъ, грамотенъ, занимался хлѣбопашествомъ; приказомъ по майкопскому отдѣлу зачисленъ въ служилый приказъ 1 января 1900 года, перечисленъ къ 3 очереди коннаго состава приказомъ 1 января 1903 года. Призванъ на дѣйствительную службу во 2 Урупскій полкъ въ 5 сотню 5 марта 1905 года. За отвагу при перестрѣлкѣ съ разбойникомъ-революціонеромъ, когда былъ раненъ въ животъ 18 янв. 1908 г.,—былъ произведенъ въ младшіе урядники приказомъ Наказнаго Атамана казачьяго войска 19 января 1908 года, какового числа и скончался.

Сергѣй Ивановичъ Медвѣдевъ — происходилъ изъ казакъ кубанской обл., майкопск. отд., стан. Дондуков-

ской, родился 17 октября 1879 года. Вѣроисповѣданія православнаго, грамотенъ, женатъ и занимался хлѣбопашествомъ. Зачисленъ въ служилый составъ приказомъ за № 40 по майкопск. отд. 1898 г. 1 января; перечисленъ въ строевой разрядъ прик. 1 янв. 1901 года. Принятъ на дѣйствительную службу во 2 Урупскій полкъ въ 5 сотню 1904 года 24 ноября; произведенъ въ младшіе урядники 1907 года 25 октября. Убитъ 1908 года въ перестрѣлкѣ съ разбойникомъ.

Миръ вашему праху, вѣрные сыны Отечества, положившіе животъ свой въ борьбѣ съ врагомъ-разбойникомъ; Вы отдали свою жизнь, исполняя свой долгъ предъ Царемъ, Родиной и Присягой!

Степанъ Васильевичъ Чикрызовъ.

Приставъ 1 ч. г. Троицка, убитъ 1 декабря, 1910 г.

**Михаиль Авксентьевичъ Сычевъ, Александръ Ивановичъ Даниловъ
и Спиридь Спиридоновичъ Конаевъ.**

Городовые г. Троицка, убиты 7 ноября 1910 г.

1 декабря 1910 года, въ г. Челябинскѣ, оренбургской губерніи, отъ руки злодѣевъ погибъ приставъ 1 ч. г. Троицка, той-же губерніи, Степанъ Васильевичъ Чикрызовъ, погибъ отъ кровавой руки тѣхъ, чье имущество онъ еще недавно, въ силу своей обязанности, охранялъ отъ уничтоженія и разгрома, возмущенной убійствомъ трехъ городскихъ, тысячной толпы. Словно какой-то злой рокъ выпалъ на долю покойнаго Чикрызова.

Кроткій, гуманный и интеллигентный, въ лучшемъ

смыслъ этого слова, онъ за короткое время службы въ Троицкѣ снискалъ всеобщія симпатіи населенія.

Въ наши дни, когда сплошь и рядомъ на полицейской службѣ можно встрѣтить узурпаторовъ власти, такіе люди, какъ покойный Чикрызовъ,—украшеніе и гордость полиціи.

И тѣмъ становится сильнѣе чувство возмущенія противъ злодѣевъ, вырвавшихъ у общества одного изъ благородныхъ служителей закона.

Дѣло происходило такъ.

Незадолго предъ этимъ въ г. Троицкѣ появилась довольно значительная шайка грабителей—Даутовыхъ, Ситникова, Чихитова и другихъ. Полиція приняла самыя энергичныя, доступныя провинціальнымъ силамъ, мѣры въ поимкѣ этихъ грабителей. И вотъ, 7 ноября 1910 года, наконецъ, удалось выслѣдить и накрыть ихъ. Были мобилизованы всѣ скромныя силы уѣздной полиціи. Но грабители, представляя собою довольно значительную шайку отчаянныхъ головорѣзовъ, которымъ уже нечего терять, вступили въ ожесточенный бой съ полиціей, при чемъ были убиты двое старшихъ городскихъ Михаилъ Сычевъ и Спиридонъ Канаевъ и одинъ младшій Александръ Даниловъ.

Такое массовое убійство невольно привело полицію въ замѣшательство, а разбойники этимъ воспользовались и скрылись.

Но приставъ 1 ч. г. Троицка С. В. Чикрызовъ этимъ не ограничился, упорно продолжая работать въ розысканіи грабителей и убійцъ.

Узнавъ, что таковые, скрываясь, перебрались въ г. Челябинскъ, пріѣхалъ туда, и 1 декабря, въ 7 часовъ утра, прямо съ дороги явился къ полицейскому надзирателю 1-ой части Мордвинцову съ просьбой оказать ему содѣйствіе. Съ приставымъ былъ городской Сушковъ и бывший работникъ Даутова, который брался указать квартиру Даутовыхъ. Мордвинцевъ также захватилъ съ собой городскихъ, и всѣ пошли по указанію работника. На Мастерской улицѣ проводникъ указалъ постоянный

дворъ жидъ Гервекъ и даже объяснилъ—въ какой комнатѣ находятся убійцы.

Войдя въ домъ, Чикрызовъ, одинъ, быстро бросился въ указанную комнату, за нимъ Мордвинцевъ, а городовые остались во дворѣ.

Въ комнатѣ было трое: русскій, высокаго роста, татаринъ и молодая татарка. На минуту они растерялись, но затѣмъ, прійдя въ себя, бросились къ корзинѣ, гдѣ у нихъ, очевидно, было оружіе. Завязалась борьба. Русскій набросился на Мордвинцева, свалилъ его на кровать и сталъ душить, перехвативъ горло, а татаринъ схватился съ Чикрызовымъ. Мордвинцевъ съ большими усилиями досталъ свой револьверъ и выстрѣлилъ на воздухъ. Чикрызовъ же вырвался и выбѣжалъ въ корридоръ за помощью. Тогда русскій выбѣжалъ во дворъ, а татаринъ выбилъ въ окнѣ обѣ рамы и выскочилъ на улицу. Въ это время на дворѣ раздались два выстрѣла: при появленіи русскаго одинъ изъ городскихъ выстрѣлилъ въ него, но промахнулся; тотъ отвѣтилъ выстрѣломъ въ Чикрызова, смертельно ранивъ его въ голову, а самъ выбѣжалъ на улицу и скрылся. Татаринъ также убѣжалъ. Задержать удалось только татарку, оказавшуюся поселянкой симбирской губерніи Фатимой Хаировой. Въ вещахъ скрывшихся найденъ револьверъ и кинжалъ.

Раненый Чикрызовъ отправленъ былъ въ больницу, гдѣ черезъ часъ, не приходя въ сознаніе, умеръ. Тѣло Чикрызова было перевезено въ Троицкъ 3 декабря.

Степанъ Васильевичъ Чикрызовъ, 38 лѣтъ, происходилъ изъ казаковъ оренбургскаго казачьяго войска, Ветлинскаго поселка, Богуславской станицы, оренбургскаго уѣзда и губерніи. Образование получилъ въ сельской казачьей школѣ. Въ полиціи онъ прослужилъ всего 5—6 лѣтъ. Отличался исполнительностью и усердіемъ къ службѣ, выдѣляясь своей дѣятельностью и безукоризненною честностью.

Поступилъ онъ писцомъ въ оренбургское полицейское управленіе, потомъ назначенъ околоточнымъ надзирателемъ и, наконецъ, помощникомъ пристава. Въ Троицкѣ

на должность пристава онъ назначенъ года полтора назадъ, но и за этотъ краткій срокъ сумѣлъ заслужить уваженіе, какъ со стороны населенія, такъ и со стороны своихъ подчиненныхъ.

Послѣ покойнаго осталось шесть человѣкъ дѣтей и беременная жена. Двѣ старшія дѣвочки и мальчикъ учатся въ мѣстныхъ гимназіяхъ, еще двое готовятся туда же. Семья осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію и безъ надеждъ на пенсію.

Общество не можетъ и не должно равнодушно относиться къ этому злодѣйскому убійству.

Во имя общественныхъ интересовъ и исполненія своего долга предъ Царемъ и Отечествомъ, погибъ покойный Чикрызовъ, и общество должно взять на попеченіе его осиротѣвшую семью.

Если городъ умѣетъ цѣнить честныхъ и самоотверженныхъ хранителей общественного порядка, то онъ сумѣетъ и подать братскую руку помощи семействамъ умирающихъ во имя долга службы лицъ.

Нѣтъ сомнѣній, что городъ придетъ на помощь и дастъ средства на продолженіе образованія сиротъ покойнаго.

А пока скажемъ:

«Да будетъ легка тебѣ, честный, гуманный и самоотверженный труженикъ, родная земля!»

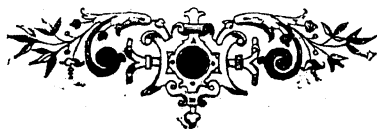
7-го ноября 1910 года въ г. Троицкѣ при задержаніи шайки воровъ убиты трое городскихъ:

1) Старшій городской Михаилъ Авксентьевичъ Сычевъ, 32 лѣтъ. Старшій унтеръ-офицеръ 140 пѣхотнаго Зарайскаго полка, изъ мѣщанъ гор. Троицка. Состоялъ на должности городского съ 1-го іюня 1906 г., отличался честностью, аккуратностью и пользовался любовью товарищей и начальства. За полицейскую службу имѣлъ медаль „за усердіе“ и кромѣ того за японскую войну имѣлъ два знака отличія военного ордена 3 и 4-ой степени и свѣтло-бронзовую медаль. Образованія домашняго.

2) Старшій городской Спиридонъ Спиридоновичъ Канавъ, казакъ Остроленскаго поселка, верхнеуральской станицы. Служилъ городovýmъ съ 11-го августа 1906 г., былъ хорошаго поведенія и усердный служака; образованія домашняго.

3) Младшій городской Александръ Ивановичъ Даниловъ, казакъ Тартутинскаго поселка, михайловской станицы, троицкаго уѣзда, оренбургской губерніи. Служилъ городovýmъ съ 22-го августа 1909 года, поведенія былъ хорошаго и усерденъ къ службѣ; образованія домашняго.

Это тѣ городовые, убійцъ которыхъ разыскивалъ г. Чикризовъ, за что и самъ поплатился жизнью.

Иосифъ Ивановичъ Бекманъ.

Почтово-телеграфный чиновникъ 1 разряда, убитъ 10 декабря 1905 года.

Иосифъ Ивановичъ Бекманъ родился 21 августа 1855 года, вѣроисповѣданія лютеранскаго, кавалеръ ордена св. Станислава 3-ей степени, имѣлъ сѣребряную медаль на Александровской лентѣ въ память императора Александра III-го, происходилъ изъ крестьянъ Лифляндской губерніи, оставилъ послѣ себя жену и 9 дѣтей, получающихъ нынѣ пенсію въ 1200 руб. въ годъ. Воспитывался І. И. въ дерптскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ окончилъ полный курсъ ученія. Въ службу поступилъ телеграфистомъ III разряда, по найму, съ 1-го ноября 1876 г. Всемиловѣйше пожалованъ орденъ св. Станислава 3-й степени 6 декабря 1895 г. Серебряную медаль въ память царя Миротворца Александра III-го для ношенія

на груди на лентѣ ордена св. Александра Невскаго получилъ 26-го февраля 1896 г. Въ чинѣ надворнаго совѣтника состоялъ съ 1-го ноября 1900 г., а на послѣднюю должность—почтово-телеграфнаго чиновника 1-го разряда былъ назначенъ 1-го іюня 1904 г. Убитъ 10-го декабря 1905 г. въ 10 час. 15 м. вечера въ гор. Либавѣ, на Оминовской улицѣ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ почти 25-ти дневной забастовки, служащіе либавской мѣстной почтово-телеграфной конторы, видя всю ея бесполезность и непоколебимость высшей власти, стали собираться приступать къ работѣ. Узнавъ объ этомъ, вожакъ всѣхъ революціонныхъ шаекъ, существовавшихъ въ это время въ Либавѣ, нѣкій еврей, подъ кличкой «Викторъ», экстренно созвалъ ихъ на митингъ, на которомъ присутствовало также много рабочихъ, евреевъ и проч., и въ длинной мятежной рѣчи сталъ уговаривать первыхъ ни въ коемъ случаѣ не прекращать забастовки. Уговоры Виктора начали оказывать вліяніе, и чины стали колебаться. Видя это, покойный Бекманъ обратился къ сослуживцамъ со словами: «товарищи, довольно мы сходили съ ума, пора опомниться и приступить къ работѣ»!

Сейчасъ же послѣ этихъ словъ Викторъ предложилъ Бекману дать подписку въ томъ, что онъ согласенъ продолжать бастовать, но Бекманъ отъ дачи таковой подписки отказался, и его примѣру послѣдовали прочіе чины, присутствовавшіе на митингѣ. Слова Бекмана оказали столь значительное вліяніе потому, что онъ, какъ чиновникъ 1-го разряда, завѣдывалъ всѣмъ телеграфнымъ отдѣломъ почтово-телеграфной конторы, представляя изъ себя непосредственнаго начальника этого отдѣла.

Послѣ митинга, Бекманъ отправился прямо въ телеграфный отдѣлъ почтово-телеграфной конторы, гдѣ проработалъ до 10 час. вечера. Въ этомъ часу онъ вышелъ изъ конторы и направился къ своей квартирѣ, но шаговъ за 20 до послѣдней онъ двумя пулями въ грудь на вылетѣ былъ тяжело раненъ поджидавшими его злоумышленниками. Не смотря, однако, на смертельныя раны, Бекманъ

все таки не потерялъ сознанія, и самъ собственными силами добрался до дома, заявилъ прислугѣ, что его ранили два молодыхъ человѣка, раздѣлся, легъ въ постель, гдѣ и скончался, спустя 20 минутъ,—еще до прихода доктора.

Такимъ образомъ гибли всѣ, кто только имѣлъ смѣлость и мужество не соглашаться съ нелѣпыми, возмутительными и противозаконными требованіями революціонеровъ-анархистовъ и ихъ вожаковъ—евреевъ. Стоило только кому либо указать на гнусность поведенія этихъ вожаковъ, какъ онъ сейчасъ же устранялся, какъ опасный элементъ, И сколько гибло и гибнетъ такихъ честныхъ, смѣлыхъ и незамѣтныхъ героевъ. Можно только радоваться, что они еще есть, что—«не изсякъ порохъ въ нашихъ пороховницахъ»! А это уже доказываетъ, что еще жива Русь и придетъ время стряхнетъ она съ себя всѣхъ этихъ гнойныхъ паразитовъ, и засіяетъ въ прежней славѣ своей, въ ореолѣ Православія и Самодержавія!

Великая честь и слава такимъ незамѣтнымъ героямъ!

Андрей Викуть.

Унтеръ-офицеръ почтальонной команды, убитъ 26-го іюля 1906 г.

Андрей Викуть, унтеръ-офицеръ почтальонной команды, 48 лѣтъ, лютеранинъ, происходилъ изъ крестьянъ курляндской губерніи и состоялъ на службѣ въ либавской почтово-телеграфной конторѣ съ 25-го августа 1886 г. по 28-ое іюля 1906 г., когда былъ злодѣйски убитъ, при защитѣ ввѣренныхъ ему казенныхъ суммъ. Послѣ Викута осталась вдова и одинъ сынъ, получающіе нынѣ маленькую пенсію.

Изъ тѣхъ крайне скудныхъ свѣдѣній, которыя намъ доставлены, видно, что убійство Викута произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

26-го іюля 1906 г., около 12 час. дня, чиновникъ либавской почтово-телеграфной конторы Бривуль и сопровождавшій его унтеръ-офицеръ Викуть, несшіи въ сумкѣ

свыше двадцати восьми тысячъ рублей казенныхъ денегъ, для сдачи ихъ въ казначейство, вышли изъ либавской почтовой конторы съ намѣреніемъ сѣсть на одного изъ стоявшихъ вблизи извозчиковъ. Но не успѣли они пройти 8—10 шаговъ, какъ ихъ окружила шайка, состоявшая изъ 5-ти или 6-ти молодыхъ прилично одѣтыхъ людей, отдѣлившаяся отъ стоявшей около конторы группами толпа, разъединила Викута съ чиновникомъ Бривулемъ и оттѣснила перваго къ воротамъ сосѣдняго дома. Викиутъ, желая спасти ввѣренныя его охранѣ деньги, вбѣжалъ во дворъ этого дома, надѣясь укрыться отъ злодѣевъ, но послѣдніе догнали его и, вслѣдствіе того, что онъ сумки съ деньгами добровольно не отдавалъ, уложили его тремя выстрѣлами изъ револьверовъ на мѣстѣ, вырвавъ деньги уже изъ рукъ мертваго. Послѣ этого, на глазахъ многочисленной толпы, они скрылись, и всѣ розыски ихъ остались безъ результатовъ.

Василій Аркадіевичъ Тронинъ.

Преподаватель иркутской церковно-учительской семинаріи, убитъ
20 апрѣля 1906 г.

Въ лихое безвременье, въ тяжелый историческій моментъ жизни русскаго государства и церкви, русское православное общество теряетъ въ Иркутскѣ рѣдкую по своимъ нравственнымъ качествамъ личности, глубоко-вѣрующаго преданнаго и просвѣщеннаго сына православной церкви, могучаго работника христіанскаго просвѣщенія, идейнаго поборника мира и порядка.

Это былъ скромный труженикъ, отзывчивый къ нуждамъ всякаго челоуѣка, цѣнимый даже своими идейными противниками за сердечность, искренность, правдивость, необычайную доброту души, и, не смотря на это, мученически безвременно погибшій, звѣрски замученный только за то, что былъ просвѣщеннымъ сильнымъ поборникомъ истины, открыто и смѣло вставшимъ на защиту основныхъ началъ русской государственности: Православія, Самодержавія и Русской народности.

Василій Аркадіевичъ Тронинъ—сынъ діакона вятской

губерніи, родился 29 іюля 1872 года. Образованіе получилъ въ вятской духовной семинаріи и закончилъ въ московской духовной академіи, куда былъ посланъ на казенный счетъ, какъ лучший ученикъ семинаріи. По окончаніи курса академіи, въ 1897 г., по предложенію бывшаго архіепископа вятскаго Алексія, поступилъ въ миссіонеры вятской епархіи. Въ 1901 году перешелъ на службу на Амуръ, въ Благовѣщенскъ, на таковую же должность. Въ 1903 году одновременно занялъ должность преподавателя по исторіи и обличенію раскола въ благовѣщенской духовной семинаріи.

Въ виду указа Святѣйшаго Синода о необходимости миссіонеру быть священникомъ, Василій Аркадіевичъ въ 1904 году оставилъ службу и направился въ Россію. На пути въ Иркутскъ посѣтилъ церковно-учительскую семинарію имени В. А. Литвинцева, гдѣ архимандритомъ, настоятелемъ монастыря и завѣдующимъ семинаріей, состоялъ о. Іоаннъ, бывший инспекторъ вятской семинаріи, наставникъ и другъ Василя Аркадіевича, Федоръ Ивановичъ Смирновъ. О. Іоаннъ пригласилъ В. А. занять должность преподавателя вѣроученія и словесности и воспитателя въ семинаріи, гдѣ послѣдній, какъ и на предыдущихъ должностяхъ, проявилъ свою талантливую кипучую дѣятельность. Бойкая церковная и общественная жизнь гор. Иркутска-столицы Сибири—захватила его въ своей круговоротъ.

Подходили печальной памяти, 1905—1906 годы, когда выползшая изъ-поднолья крамола проявила полную разнузданность своей интеллигентщины и пролетаріата. В. А. Тропининъ, какъ истинный патріотъ, не могъ равнодушно созерцать ту инородческо-еврейскую вакханалію вопіющей лжи и насилія во имя «свободы». Когда одни боялись, другіе стыдились исповѣдывать громко и открыто святорусскіе принципы, онъ вступаетъ въ члены Братства Св. Иннокентія и открыто встаетъ на защиту Церкви и Отечества, на защиту основныхъ началъ русской государственности, проявивъ недюжинный талантъ и обширныя научныя познанія въ публичныхъ рѣчахъ и рефератахъ.

Итакъ, это былъ выдающійся миссіонеръ, любимый учениками талантливый преподаватель, общественный дѣятель, истинный христіанинъ и необыкновенный добрый человѣкъ.

По логикѣ еврейско-инородческой революціи, за это всѣхъ выдающихся русскихъ людей слѣдовало убивать — звѣрски замучили злодѣи и В. А.

Оцѣнка миссіонерской дѣятельности В. А. была сдѣлана по первому мѣсту служенія, вятскимъ духовенствомъ на епархіальномъ съѣздѣ 1905 года, гдѣ было единогласно постановлено: пригласить В. А. на свободную вакансію вятскаго противо-раскольническаго епархіальнаго миссіонера, съ увеличеніемъ даже оклада содержанія, какъ образцоваго, преданнаго дѣлу миссіи высокообразованнаго миссіонера.

Въ одномъ изъ предсмертныхъ писемъ Василій Аркадіевичъ отмѣчалъ это приглашеніе, какъ весьма отрадное его сердцу явленіе среди, въ общемъ, скорбной его жизни.

Отличительными признаками его миссіонерства были: глубокая любовь къ миссіи, глубокія научныя познанія и истинно-евангельскій характеръ отношеній къ людямъ. Дѣло миссіи было для него высокимъ, святымъ и отвѣственнымъ дѣломъ спасенія душъ. Заблуждающихся раскольниковъ и сектантовъ онъ любилъ всей душой и жалѣлъ за ихъ заблужденія. Къ нимъ онъ относился свободно, любовно. Онъ выслушивалъ всѣ ихъ сомнѣнія, недоумѣнія и неправильныя мнѣнія, давая имъ вполне высказаться. Такое отношеніе къ дѣлу чувствовалось, — и собесѣдники искренно открывали свою душу В. А., въ полной увѣренности, что ихъ ученый и добрый миссіонеръ отнесется съ полнымъ вниманіемъ къ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ.

Замѣчательное явленіе: заблуждающіеся на бесѣдахъ В. А. всегда были кротки. Съ жизнью раскольниковъ и сектантовъ онъ знакомился не по книгамъ только, но, главнымъ образомъ, по непосредственнымъ наблюденіямъ: онъ посѣщалъ ихъ молитвенныя собранія, а также весьма часто и частные дома.

Благодаря знакомству В. А. съ жизнью сектантовъ, рѣчи его, говоренныя имъ на публичныхъ бесѣдахъ съ сектантами, были очень жизненны и слушались съ захватывающимъ интересомъ. Говорилъ онъ обыкновенно безъ тетрадки. Въ дѣло миссіи В. А. внесъ всю любовь и энергію юношескаго пыла. Къ каждому пререкаемому вопросу относился по-академически: всякій вопросъ былъ для него предметомъ глубокихъ научныхъ изслѣдованій. Онъ недовольствовался полемической литературой по расколу и сектанству, старался освѣтить вопросъ со всѣхъ сторонъ, читалъ по всѣмъ вопросамъ всю литературу богословскую, философскую, историческую, беллетристическую.

Ради уясненія истинъ вѣры, онъ выписывалъ спеціально богословскія диссертациі. По нѣкоторымъ вопросамъ пользовался сочиненіями на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Отъ В. А. осталось громадная и очень цѣнная богословская и общеобразовательная бібліотека. Для уясненія разныхъ вопросовъ В. А. пользовался не только книгами, но, еще болѣе, непосредственными наблюденіями. Такъ В. А. предпринимаетъ въ 1903 г. поѣздку въ Японію.

Послѣдніе дни предъ смертію В. А. жилъ мечтами съѣздить въ Россію, на родину, и посѣтить выдающіеся культурные и церковные центры: ему хотѣлось побывать на Афонѣ, Старомъ Іерусалимѣ и др. святыхъ мѣстахъ. Для этой цѣли В. А. вызвалъ изъ Благовѣщенска своего брата, который и отправился съ первымъ пароходомъ въ Иркутскъ, но прибылъ на свѣжую могилу своего старшаго брата. А въ Благовѣщенскѣ, по полученіи телеграфнаго извѣщенія о трагической смерти В. А., не только православные, но и сектанты высказывали сожалѣніе, а многія и плакали.

Благодаря глубокому научному и жизненному уясненію разныхъ вопросовъ, бесѣды В. А. съ инакомыслящими отличались замѣчательной простотой, понятностью, психологичностью и дѣйствительностью. Пріемы опроверженія сектантовъ и раскольниковъ старобрядцевъ были у него кратки, быстры и сильны.

Доведши сознание заблуждающагося до признанія двухъ или трехъ основныхъ положеній, В. А. ясно показывалъ истину православія и ложь сектантства, или, лучше сказать, послѣ бесѣдъ В. А., православіе возвышалось само собою, какъ истина, а заблужденіе—меркло. Еще въ началѣ своего миссіонерства В. А. такъ характеризовалъ истинный и ложный методы миссіи: «православная церковь, какъ невѣста Христова, обладаетъ несказанной духовной красотой; на обязанности миссіонера лежитъ показать ее во всей ея красотѣ».

Тронинъ былъ глубокимъ знатокомъ свято-отеческихъ твореній и Библии. Священное писаніе, съ семинаріи еще, было его спеціальностью, и на бесѣдахъ онъ поражалъ очень начитанныхъ въ Библии начетчиковъ сектантства своимъ знаніемъ ея.

Онъ былъ честный совѣтователь, не зарылъ талантовъ, данныхъ ему отъ Бога, а улучшалъ и совершенствовалъ ихъ.

Какъ преподаватель и воспитатель Тронинъ оставилъ послѣ себя въ сердцахъ своихъ питомцевъ неизгладимое впечатлѣніе. На урокахъ исторіи русской литературы, которую онъ преподавалъ въ семинаріи, его напряженно всѣ слушали, а послѣ урока долго обсуждали предметъ его бесѣды и дѣлились впечатлѣніями.

Этотъ человекъ большого ума и широко образованный, возбуждалъ интересъ къ своей личности, также благодаря своей простотѣ и сердечности. Трудно себѣ представить человека болѣе простого, отзывчиваго и сердечно расположеннаго къ каждому. Доброта и простодушіе завоевали ему всеобщую симпатію.

Убѣжденіями своими онъ, конечно, многимъ былъ не по нутру; вѣдь это было наканунѣ 1905 года, и среди воспитанниковъ семинаріи было не мало захваченныхъ, такъ называемымъ, «освободительствомъ». Какъ извѣстно, порнографическая іудейская лѣвая литература не мало поработала надъ извращеніемъ здраваго смысла русскаго человека и искаженіемъ истины, преподносившейся теми силами неокрѣпшимъ умамъ нашей молодежи.

Тѣмъ не менѣе, В. А. вызывалъ къ себѣ уваженіе и со стороны воспитанниковъ, захваченныхъ лѣвымъ движеніемъ. Одинъ изъ либеральнѣйшихъ питомцевъ семинаріи, по окончаніи курса, такъ отзывался о А. В. Тронинѣ: «если о комъ изъ преподавателей и воспитателей осталось у меня хорошее впечатлѣніе, такъ это о Тронинѣ: это былъ воспитатель, котораго можно было полюбить за искреннюю, правдивую и добрую душу». А нужно замѣтить, что среди преподавателей и воспитателей были и «освобожденцы», ратующіе о всякихъ «свободахъ» и «правахъ», но не объ обязанностяхъ, и, не смотря на всю свою, такъ сказать, приспособленность къ данному моменту, заслужить уваженіе воспитанниковъ они не могли.

Тронинъ часто бесѣдовалъ съ учениками въ свободное время, и всѣ съ удовольствіемъ слушали его, тащили къ нему статьи изъ журналовъ и газетъ, желая узнать его мнѣніе по тому или другому вопросу. Многіе приходили къ нему, чтобы спросить его о чемъ нибудь, попросить совѣта, книгу, и отказа никогда никому не было.

Въ немъ души не чаяли его ученики и приходили въ неописанный восторгъ, когда онъ принимался играть съ ними въ «городки».

И вотъ, не дрогнули звѣриныя сердца революціонеровъ-террористовъ, когда предавали мучительной смерти этого «друга человѣчества», младенчески чистаго душой человѣка! И еще лѣвые смѣютъ говорить, что они стоятъ за народъ!

Когда крамольники стали заливать Русь Святую православной кровью, при свѣтѣ заревъ пожаровъ, любуясь, какъ горитъ русскій хлѣбъ и народныя богатства,—тогда со всѣхъ концовъ матушки Россіи встали на защиту-ея чудо-богатыри, и отстояли ее чѣмъ кто могъ, не бояся смерти злой. Посреди всеобщаго ужаса, они одни забывали, что смерть грозитъ имъ изъ-за угла неслыханными муками, и шли куда посылали долгъ службы и совѣсти.

В. А. Тронинъ, какъ сильная, выдающаяся личность, принялъ на себя въ это время большой подвигъ: выступилъ со своими талантливыми, научными лекціями

передъ озвѣрѣлой, одурманенной толпой пушечнаго мяса революціи, предъ, такъ называемыми, «сознательными», доказывая ихъ «бессознательность». Онъ кликнулъ кличъ: «за Вѣру, Царя и Отечество»—и радостно откликнулись русскія сердца, вѣрные сыны Родины, стали выходить изъ оцѣпенѣнія и приниматься за русское дѣло.

Первая лекція Вас. Аркад. «О современныхъ движеніяхъ» была прочитана имъ въ Преображенской церковно-приходской школѣ на торжественномъ собраніи Братства 27-го ноября 1905 года. Эта лекція со стороны согласныхъ со мнѣніями В. А. была встрѣчена восторженными аплодисментами; со стороны же несогласныхъ вызвали бурю негодованія, крики, свистки и даже пощелкиваніе взводимыхъ револьверныхъ курковъ. Но эта длинная лекція была спокойно дочитана В. А. подъ дулами револьверовъ. Эта лекція сдѣлала Тренина извѣстнымъ, обсуждалась на страницахъ газетъ.

Онъ сталъ получать письма съ угрозами смертью. Вторая его лекція была прочитана въ февралѣ 1906 года на тему: „О Левѣ Толстомъ“. Въ мартѣ того же года была прочитана въ клубѣ Общества приказчиковъ, третья лекція В. А. „Религія и социализмъ“. Лекціи эти отличались общедоступностью и вызвали большой обмѣнъ мнѣній.

Изъ этихъ лекцій при жизни его напечатана была только первая. „О современныхъ движеніяхъ“. Кромѣ того былъ напечатанъ имъ переводъ рѣчи Жоржа Понсо главнаго секретаря „Союза демократовъ“ въ департаментѣ верхней Сены, противъ кандидатовъ еврейской партіи.

Въ лекціяхъ своихъ В. А. указывалъ на роль евреевъ въ потрясеніяхъ государствъ и въ нашей революціи, которая носила антирусскій и антихристіанскій характеръ. Онъ доказывалъ, что она задумана врагами Руси и, кромѣ вреда, Русскому Народу ничего не принесла.

На лекціяхъ присутствовали делегаты отъ революціонеровъ и члены ихъ боевой дружины.

Бывшій ученикъ іеросхимонаха Стефана, вятскаго подвижника-аскета, основателя Филейскаго монастыря, В.

А., увлекавшійся аскетизмомъ и подвижничествомъ, положилъ душу свою, спасая многихъ отъ преступленія, мукъ преступной совѣсти и послѣдствій злыхъ дѣлъ крамолы. Разумѣется, за любовь его къ ближнему, по мнѣнію іудеевъ, масоновъ и революціонеровъ, слѣдовало В. А., безоружнаго, никому ни на волосъ не сдѣлавшаго зла, убить, предварительно предавъ его мученіямъ.

Кромѣ лекцій на современные темы, В. А. прочиталъ въ февралѣ 1905 г., по случаю празднованія 100 лѣтія со дня открытія мощей С. Иннокентія Иркутскаго, въ 1-омъ Общественномъ Собраніи, рефератъ на тему: „Нравственный обликъ Святителя“, въ которомъ далъ полную и яркую характеристику святителя.

За свои лекціи В. А. былъ объявленъ вождемъ „черной сотни“ и приговоренъ революціонерами къ смертной казни. Отдѣлъ Русскаго Собранія въ Иркутскѣ, однимъ изъ учредителей котораго былъ В. А., выставилъ его кандидатомъ въ члены Государственной Думы.

Къ юбилею Достоевскаго В. А. готовилъ лекцію на тему: „Революціонеры въ Бѣсахъ“ Достоевскаго; но прочитать ее ему не пришлось, такъ какъ въ этотъ день бездыханный прахъ его былъ уже въ анатомическомъ покоѣ! Злодѣи выполнили свои угрозы!

20-го апрѣля, вечеромъ, В. А. ушелъ изъ своей квартиры прогуляться и... болѣе не возвратился. 25-го апрѣля, утромъ, тѣло его найдено, послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ поисковъ, съ разбитой головой и веревкой на шеѣ. Изуродованный трупъ его лежалъ на горѣ, неподалеку отъ усадьбы церковно-учительской семинаріи. При какихъ обстоятельствахъ былъ замученъ В. А. неизвѣстно. Въ свое время дѣлались предложенія, что онъ могъ быть заманенъ въ одинъ изъ ближайшихъ къ семинаріи домовъ съ цѣлью, напр., какъ это часто бывало, написать письмо, или какую нибудь дѣловую бумагу (такъ какъ В. А. никому въ подобныхъ просьбахъ не отказывалъ, по своей добротѣ и доступности) и тамъ былъ замученъ. Такъ расправились злодѣи-революціонеры съ этимъ не гордившимся своимъ высшимъ образованіемъ горячо,

больше жизни своей, любившимъ Бога, правду и простой народъ и служившимъ имъ до смерти. Высказывалось и другое предположеніе о его кончинѣ: что онъ былъ подкарауленъ злоумышленниками, когда, по обыкновенію, сидѣлъ на горкѣ за семинаріей, откуда любилъ смотрѣть на Забайкальскія горы; здѣсь могъ сидѣть покойный и обдумывать одну изъ своихъ темъ, и такъ былъ застигнутъ злоумышленниками. Веревка на шеѣ говоритъ за то, что убійцы, подкравшись къ своей жертвѣ, набросили ей на шею арканъ, затѣмъ потащили по горѣ. На тѣлѣ было много кровоподтековъ и синяковъ, голова, какъ сказано выше, разбита. Вскрытіе показало, что В. А. передъ смертью долго голодалъ.

Что это дѣло рукъ революціонеровъ, въ особенности евреевъ,—никто не сомнѣвался. Послѣ чтенія первой своей лекціи онъ получалъ письма, въ которыхъ старались запугать его смертью, говоря, что все равно ему нигдѣ не спастись.

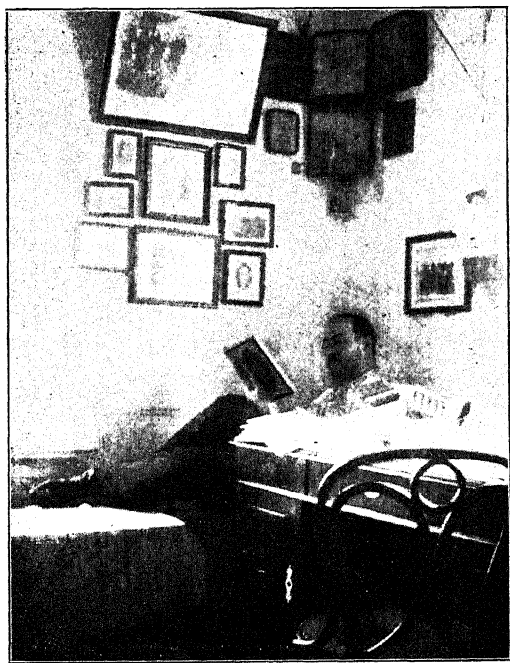
Знаменательно, что за нѣсколько времени до смерти, В. А. видѣлъ сонъ, о которомъ рассказывалъ своимъ друзьямъ, слѣдующаго содержанія: шли на встрѣчу одна другой громадныя толпы народа; во главѣ первой шелъ онъ, В. А., во главѣ второй—большого роста старый безобразный еврей. Отъ второй толпы отдѣлился ея предводитель, еврей, подошелъ вплотную къ В. А. и обезглавилъ его.

Какъ громомъ поразило всѣхъ злодѣйское убійство этого добраго человѣка. Припомнили, что онъ очень дорожилъ, если кто вынималъ частицу за его здоровье, подавая на проскомидію. Всѣ служили по немъ панихиды, молились и горевали объ утратѣ такого выдающагося дѣятеля.

Хоронили весьма торжественно. Заупокойную литургію совершалъ архіепископъ иркутскій Тихонъ, архіепископъ Іоаннъ и 11 священниковъ.

Храмъ Князе-Владимірскаго монастыря былъ переполненъ молящимся народомъ, среди котораго былъ такъ популяренъ покойный Тронинъ. У гроба покойнаго было

произнесено семь рѣчей, посвященныхъ его памяти: говорили—духовныя лица, преподаватели, его ученикъ и одинъ рабочій. Въ этихъ рѣчахъ отмѣчались его высокія нравственныя качества, религіозность, любовь къ родинѣ и простому народу, его скромная, простая жизнь, его огромныя научныя познанія, передаваемыя имъ въ увлека-

тельной формѣ. Простой народъ любилъ его за доброту необычайную и умныя, правдивыя рѣчи, въ которыхъ онъ осмысливалъ не понятныя ему на первый взглядъ современныя событія.

Дѣятельность В. А. нашла откликъ: 23-го апрѣля 1906 г., когда трупъ В. А. еще былъ неразысканъ, состоялось торжественное открытіе Иркутскаго Отдѣла Русскаго Собранія, въ числѣ учредителей котораго состоялъ и В. А. Тронинъ. Отдѣлъ почтилъ его память слѣдую-

щимъ: заказаль его портретъ, который находится въ залѣ Собранія; устроена подписка на постановку памятника на могилѣ В. А.; рѣшено издать его сочиненія и, наконецъ, образованъ „Тронинскій Кружокъ“, имени Василія Аркадіевича, члены коего вносятъ ежемѣсячно 50 коп., и на эти деньги приобрѣтаются книги и брошюры для бесплатной раздачи народу.

Родина, въ лицѣ Василія Аркадьевича, потеряла своего истиннаго сына, выдающагося талантливаго труженика и подвижника, пострадавшаго, подобно Сусанину, за Вѣру, Царя и Отечество.

Діонисій Ивановичъ Гайдай.

Конный стражникъ 3-го стана, лохвицкаго у., полтавской губ. Умеръ отъ ранъ 6-го февраля 1912 года.

Діонисій Ивановичъ Гайдай, служившій со 2-го октября 1904 г. пѣшимъ стражникомъ 36-го уч, лохвицкаго у., съ 12-го ноября 1905 года былъ назначенъ коннымъ стражникомъ команды пристава 3-го стана лохвицкаго уѣзда. Православный, истинно-вѣрующій Гайдай былъ человѣкомъ хорошимъ, нравственнымъ, тихимъ, кромѣ того еще и добрымъ семьяниномъ. Во все время своей службы, по отзыву его начальства, отличался аккуратностью и точнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей и исполнялъ ихъ съ усердіемъ и строгимъ соблюденіемъ данной присяги. Въ смутные и ужасные дни революціи 1905 г., записанные кровавыми буквами на страницахъ русской исторіи, Гайдай проявилъ неутомимую энергію и дѣятельность въ борьбѣ съ различнаго рода мятежниками, смутьянами и разбойниками.

Въ 1905 г. въ лохвицкомъ уѣздѣ, благодаря революціонной пропагандѣ, образовалась «партія террористовъ», а на нашемъ русскомъ языкѣ по просту сказать—шайка грабителей, поджигателей и разбойниковъ. Вотъ съ этимъ-то темнымъ, разбойнымъ людомъ и пришлось ему бороться! Немало положилъ трудовъ и провелъ безсонныхъ ночей неутомимый служака на поимку этихъ душегубовъ—разбойниковъ! За то онъ для нихъ и былъ, что называется,—«хуже ножа остраго»!

Революціонеры постарались убрать его, и при этомъ самымъ подлымъ, предательскимъ образомъ, что обыкновенно составляетъ характерную черту cadaго революціонера.

1-го февраля 1906 года приставъ 3-го стана лохвицкаго у. получилъ свѣдѣніе, что подлежащій аресту и скрывающійся крестьянинъ с. Загребелья, вороньковской вол.,

того же уѣзда Иванъ Матвѣевъ Быбикъ, одинъ изъ выдающихся пропагандистовъ, находится на своей родинѣ, въ селѣ Загребельѣ.

Такъ какъ Д. И. Гайдай раньше служилъ пѣшимъ стражникомъ 36-го уч., въ районъ котораго входило и с. Загребелье, приставъ призвалъ его къ себѣ съ цѣлью узнать фамилии тѣхъ жителей названнаго села, которые могли-бы указать, гдѣ въ настоящее время скрывается Иванъ Быбикъ.

Гайдай сталъ просить, чтобы его самого послали въ командировку для поимки столь опаснаго революціонера, ссылаясь на то, что ему легче будетъ, чѣмъ кому другому, розыскать и арестовать этого злодѣя. Приставъ согласился и послалъ вмѣстѣ съ нимъ участковаго урядника Пріймака. Оба они выѣхали въ одно время изъ м. Чернухъ, т. е. 1-го февраля, въ 2 ч. дня, и въ попутномъ селѣ Воронькахъ остались ночевать.

Утромъ урядникъ отправился въ мѣстное волостное правленіе, чтобы по телефону доложить приставу о суточныхъ происшествіяхъ, и, уходя, сказалъ Гайдаю, что по возвращеніи своемъ выдастъ ему револьверъ для самозащиты въ случаѣ нападенія на него революціонеровъ.

Но Гайдай, недождавшись урядника, поѣхалъ въ с. Загребелье одинъ. Тамъ онъ зашелъ въ избу одного изъ родственниковъ розыскиваемаго агитатора (или иначе говоря смутьяна) Макарія Пантелеймонова Быбика. Въ его дворѣ Гайдая уже поджидалъ братъ розыскиваемаго революціонера—Георгій Быбикъ 20 л., переодѣтый въ женское платье, чтобы не привлечь вниманія Гайдая.

Когда Гайдай, осматривая дворъ, остановился, злодѣй незамѣтно подкрался сзади къ нему и какимъ-то тяжелымъ и тупымъ орудіемъ нанесъ тяжкія раны и поврежденія головы и лица. Гайдай, обливаясь кровью, упалъ безъ чувствъ, и «сознательные товарищи» его полуживого вытащили на улицу и бросили, какъ падаль.

Черезъ нѣсколько времени Д. И. Гайдай былъ найденъ, но помочь ему уже нельзя было, и онъ, не приходя въ сознаніе, тяжело мучался отъ нанесенныхъ ему ранъ и

увѣцій, тихо скончался 6-го февраля 1906 года, 42 лѣтъ отъ роду. Погребенъ былъ Д. И. Гайдай въ селѣ Мелихахъ, лохвицкаго у., при очень скромной обстановкѣ съ участіемъ чиновъ полиціи 3-го стана во главѣ съ мѣстнымъ становымъ приставомъ.

Конечно, дѣло не въ пышныхъ похоронахъ, а въ благодарной памяти будущихъ поколѣній русскаго народа, которыя должны съ благоговѣніемъ вспоминать подвиги людей, жизни своей не щадившихъ при исполненіи служебнаго долга!

Послѣ смерти Д. И. Гайдая осталась вдова съ четырьмя малолѣтними дѣтьми безъ всякихъ средствъ.

Черезъ нѣкоторое время убійцу—Георгія Быбика поймали, судили военно-окружнымъ судомъ и приговорили къ смертной казни; только вѣдь казнью преступника не вернуть сиротамъ отца, а вдовѣ мужа-кормильца! Но Господь, который „сирю и вдову приметъ“, не оставитъ ихъ, какъ не оставитъ и душу безвременно погибшаго Д. И. Гайдая!

Павель Степановичъ Чалкинъ.

Полицейскій урядникъ змѣногорскаго уѣзда, томской губерніи,
убить 1-го февраля 1909 г.

Павель Степановичъ Чалкинъ, по окончаніи военной службы, изъ которой онъ вышелъ унтеръ-офицеромъ, служилъ полицейскимъ урядникомъ въ змѣногорскомъ уѣздѣ, томской губерніи.

Въ этихъ краяхъ, въ селѣ Ивановскомъ, курьинской волости, въ крестьянской семьѣ, родился и выросъ Чалкинъ, и хорошее знакомство съ райономъ, въ которомъ протекала его служба, давало ему лишніе шансы на успешное преслѣдованіе конокрадовъ и другихъ преступниковъ. Не дѣлалъ поблажекъ Чалкинъ и мѣстнымъ щинкарямъ. За Чалкинымъ установилась прочная репутація усерднаго и честнаго служаки, онъ неоднократно былъ поощряемъ денежными наградами со стороны акцизнаго вѣдомства и губернатора. Мало того, за прослуженіе 5 лѣтъ въ должности полицейскаго урядника, Чалкинъ былъ награжденъ

серебряной медалью „за безпорочную службу въ полиціи“ и даже былъ допущенъ къ временному исполненію обязанностей полицейскаго надзирателя 1 участка с. Змѣиногорскаго.

Въ послѣднее время—дѣло относится въ 1905—1906 и послѣдующимъ годамъ—жизнь его стала дѣлаться безпокойной и тревожной, какъ и весь темпъ русской жизни, которая какъ бы сошла съ рельсъ, такъ какъ прежняя колея уже не годилась... Появились слухи о народномъ представительствѣ, окончилась неудачная война съ Японіей, начались грандіозныя забастовки, прогремѣло 17 октября, пронеслись еврейскіе погромы, начались аграрные беспорядки, одна за другой смѣнились двѣ Думы, чтобы дать мѣсто третьей, болѣе уравнищенной и работоспособной...

Чалкинъ, въ эту годину «бурныхъ стремленій», работалъ съ удвоенной энергіей и не разъ проявлялъ настоящій героизмъ. Въ змѣиногорскій погромъ 1905 года онъ все время оставался на посту, подвергая свою жизнь опасности. Въ слѣдующій 1906 годъ общаго броженія среди нижнихъ чиновъ, возвратившихся съ войны, и развитія противоправительственной пропаганды Чалкинъ въ селѣ Таловкѣ, при обыскѣ одного запаснаго солдата, чуть не былъ убитъ нахлынувшей толпой, и только благодаря тому, что во время успѣлъ отбить направленный въ него ударъ дубиной, остался живъ. Яростные враги Чалкина, конокрады, стрѣляли въ него, при преслѣдованіи ихъ въ Змѣиногорскъ, но неустрашимый урядникъ все-таки задержалъ ихъ.

Но все яркое, смѣлое и сильное въ жизни сплошь да рядомъ недолговѣчно, и Чалкинъ, спасая отъ самосуда толпы конокрадовъ и грабителей, былъ звѣрски убитъ разсвирѣпѣвшей толпой, которая заодно линчевала и тѣхъ, кого Чалкинъ хотѣлъ предать въ руки правосудія.

Чалкинъ, трагически, погибъ днемъ 1-го февраля 1909 года. Наканунѣ этого дня Чалкинъ задержалъ одного конокрада, скрывавшагося уже нѣсколько лѣтъ. Въ этотъ же день онъ напалъ на слѣды и того

преступника, который былъ товарищемъ упомянутому конокраду. Въ селѣ Таловкѣ, на ярмаркѣ, преступники были арестованы, но въ отсутствіе Чалкина, уѣхавшаго въ сосѣдній киргизскій аулъ по дѣлу объ украденныхъ лошадяхъ, толпа народа успѣла вытащить задержанныхъ изъ каталажной и жестоко расправиться съ ними. Чалкинъ распорядился смыть кровь съ нихъ и подать подводы для доставки арестованныхъ въ Змѣиногорскъ.

Но собравшаяся толпа, изъ которой стали раздаваться голоса враговъ Чалкина, требовала расправы съ полиціей за защиту воровъ, не давала проѣзда. Чалкинъ, желая обратить вниманіе толпы на свое требованіе дать дорогу, выстрѣлилъ вверхъ два раза, но вторымъ выстрѣломъ убить былъ крестьянинъ, стоявшій вдали отъ подвотъ,—кто-то ударилъ Чалкина по рукѣ, такъ что револьверъ выпалъ изъ рукъ и выстрѣлъ пришелся даже не въ ту сторону, гдѣ задерживался проѣздъ.

Послѣ этого толпа окончательно разсвирѣпѣла. Чалкинъ, успѣвшій поднять револьверъ, вмѣстѣ съ десятскимъ вбѣжали въ сборню. Когда толпа стала бить всѣхъ арестованныхъ, ломиться въ сборню и угрожать поджечь послѣднюю, Чалкинъ выломалъ раму и выскочилъ съ десятскимъ. Часть народа набросилась на нихъ и развѣдинила. Чалкинъ былъ звѣрски убитъ: на немъ скакали, топтали его ногами, переломали ему всѣ ребра, изуродовали лицо; были также убиты и всѣ арестованные.

Чалкинъ и до этого печальнаго исхода, своей энергіей по взысканію податей и недоимокъ, по преслѣдованію конокрадовъ и преступниковъ и лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ противоправительственнымъ партіямъ приобрѣлъ массу враговъ, которые, повидимому, и воспользовались скопомъ толпы народа, подстрекнувъ на убійство.

Послѣ смерти Чалкина осталась вдова и двое малолѣтнихъ дѣтей.

Толпа во всѣ времена была стихійной, легче локализовать пожаръ или остановить прорвавшую плотину воду, чѣмъ сдержатъ человѣческій потокъ, устремившійся къ той или другой цѣли. Толпа, растерзавшая доблестнаго

героя Чалкина, состояла изъ крестьянъ, въ глазахъ которыхъ конокрадъ—преступникъ, не заслуживающій никакого снисхожденія. Это и не мудрено, такъ какъ лошадь въ быту крестьянина играетъ громадную роль.

Но не надо забывать, что на все есть судъ «скорый, правый и милостивый».

Исидоръ Смолякъ.

Полицейскій стражникъ, ольгопольскаго уѣзда, подольской губерніи.
Убитъ 3-го іюня 1911 года.

Неожиданная смерть честнаго, исполнительнаго стражника взволновала и поразила населеніе м. Чечельника, особенно, вызвавшія ее причины. Эти причины были такъ ничтожны, что можно глубоко изумляться, что жизнь человѣческая такъ мало цѣнится убійцами.

Исполняя приказаніе начальства, Исидоръ Смолякъ съ товарищами: Гулькинымъ, Строчевымъ, Кучинскимъ и Казчишеннымъ, отправился къ усадьбѣ крестьянина Ни-

колая Гарника, чтобы разобрать, возведенную имъ на не-
принадлежащемъ ему участкѣ, ограду, которую, рѣшеніемъ
суда, присуждено было снести.

Будучи ревностнымъ исполнителемъ своихъ обязан-
ностей, Исидоръ Смолякъ первый приступилъ къ дѣлу.
Онъ началъ работать топоромъ, подрубая устои. Его при-
мѣру послѣдовали товарищи. Когда работа была въ раз-
гарѣ, изъ дома Гарнина вышелъ его сынъ Іуліанъ и,
держа топоръ въ рукахъ, подошелъ къ уряднику съ
просьбой позволить самому снести свой заборъ, безъ участія
стражниковъ. Получивъ отъ урядника согласіе, Іуліанъ
направился къ работавшему, наклонившемуся надъ низ-
кими досками забора Смоляку и, совершенно неожиданно
для окружающихъ, нанесъ ему сзади ударъ по шеѣ. Сила
этого удара была такова, что Смолякъ, почти безъ стона,
свалился на землю и испустилъ духъ. Окружающіе не
успѣли придти въ себя отъ ужаса, какъ озвѣрѣлый юноша
бросился на слѣдующаго стражника, но его схватили и
препроводили въ тюрьму.

Къ мѣсту убійства прибѣжала жена Смоляка съ двумя
малолѣтними дѣтьми. Горе несчастной вдовы, не думав-
шей даже о томъ, что ей грозитъ такое несчастье, не
поддается описанію. Она точно обезумѣла, потерявъ одно-
временно, мужа, отца своихъ дѣтей и кормильца семьи.
Ничего не осталось послѣ смерти молодого стражника и
семья его осталась безъ куска хлѣба.

На дознаніи было установлено, что 18 лѣтній Іуліанъ
Гарнинъ дѣйствовалъ, по наущенію отца. Обоихъ судили,
и они присуждены къ каторжнымъ работамъ: отецъ на
12 лѣтъ, а сынъ на 4 года.

Страшно подумать, изъ-за чего иногда братъ на брата
подымаетъ руку, озлобляется, какъ звѣрь и идетъ на
страшное, кровавое прѣступленіе! Какъ темень нашъ на-
родъ и какъ силенъ въ немъ этотъ звѣрь, заставляющій
идти на такое дѣло!

Убить Смолякъ на 29-мъ году жизни. Родился онъ
въ селѣ Раковой, томанпольской волости, ямпольскаго
уѣзда, подольской губерніи. По увольненіи въ запасъ въ

званіи ефрейтора, онъ опредѣленъ былъ на службу въ ямпольскій уѣздъ полицейскимъ стражникомъ. Въ этой должности онъ прослужилъ около 4-хъ лѣтъ, а 18-го апрѣля 1911 года былъ переведенъ коннымъ полицейскимъ стражникомъ на Чечельникскій пунктъ, ольгопольскаго уѣзда, гдѣ и находился на службѣ до рокового момента своей трагической кончины, послѣдовавшей 3-го іюня 1911 года, въ 7 часовъ утра.

Семья и сослуживцы покойнаго оплакиваютъ смерть безвременно погибшаго молодого стражника, бывшаго хорошимъ слугою Царя и Отечества и добрымъ, примѣрнымъ семьяниномъ.

Миръ праху твоему, честный труженикъ, до конца оставшійся вѣрнымъ своему служебному долгу!

Логгинъ Семеновичъ Якубенко.

Полицейскій стражникъ, коневского уѣзда, кievской губерни., убитъ
16-го апрѣля 1911 года.

Стражникъ Логгинъ Семеновъ Якубенко, 39 лѣтъ, православный, принадлежалъ къ обществу с. Склименецъ, шендеровской волости, коневского уѣзда, кievской губернии.

Молодость свою, до взятія на военную службу, Якубенко провелъ въ домѣ родителей въ с. Склименцахъ, а, по принятіи на военную службу, служилъ въ 34-мъ драгунскомъ стародубовскомъ полку. Въ 1906 году Якубенко вышелъ въ запасъ и поступилъ въ Кишиневъ на службу при полиціи городовымъ. Черезъ полтора года перешелъ въ коневскій уѣздъ стражникомъ въ степановскій отрядъ,

изъ котораго 15-го марта 1911 года былъ командированъ въ Шандровскую группу.

Здѣсь онъ приобрѣлъ себѣ сразу, неожиданно, сильнаго врага, въ лицѣ единственнаго сына богатаго крестьянина Николая Романова Антипенко. Парень сумѣлъ повліять и на своего товарища, тоже богатаго молодого крестьянина, Степана Тертычнаго, замѣчнаго полиціей въ очень неблаговидныхъ поступкахъ (напр. вымогательство, путемъ подметныхъ писемъ, 5000 рублей отъ арендатора имѣнія—Подгурскаго), и оба друга стали злѣйшими врагами Логгина Якубенко. Свою вражду къ стражнику Антипенко основывалъ на томъ, что Якубенко, опираясь на данныя ему полномочія и власть, не допустилъ того произвести захватъ межи на непринадлежавшемъ ему участкѣ. Тертычный же принялъ участіе въ убійствѣ, съ цѣлью завладѣть пашкой покойнаго для нанесенія ею ранъ,—а можетъ быть и смерти,—Подгурскому.

Держа въ строгомъ секретѣ свой заговоръ, крестьяне ночью подстерегли Якубенко на улицѣ и, убивъ его изъ засады, скрылись. При вскрытіи трупъ стражника, оказалось, что убитъ онъ былъ двумя пулями разнаго калибра револьверовъ. Одна попала въ правую щеку, ниже глаза, другая—въ шею, около затылка. Обѣ пули попали въ мозгъ, откуда и извлечены уѣзднымъ врачомъ, производившимъ вскрытіе, причемъ одна пуля оказалась въ никкелевой оболочкѣ, а другая—болѣе похожа на самодѣльную.

Начальство покойнаго отозвалось о немъ, какъ о человѣкѣ безукоризненной честности, неподкупномъ и прямомъ, какъ и подобаетъ настоящему русскому солдату и служацкѣ. По службѣ онъ былъ исполнительенъ и точенъ, хотя ничего, особо выдающагося, не успѣлъ сдѣлать, принимая во вниманіе недолгую его службу.

Прахъ покойнаго былъ преданъ землѣ съ воинскими почестями. Похороненъ онъ, съ разрѣшенія священника села Шондры, подлѣ мѣстной церкви. Погребеніе совершалось, въ присутствіи всѣхъ чиновъ полиціи и почти всего мѣстнаго населенія, взвода конныхъ стражниковъ.

Коневского отряда, отдавшего убитенному товарищу воинскія почести. На могилѣ его, въ память безвременной кончины, сельское общество поставило чугунную плиту съ надписью:

«Здѣсь погребенъ прахъ коннаго стражника Коневского уѣзда Логгина Семеновича Якубенко, павшаго отъ руки убійцы въ селѣ Шандрѣ, при исполненіи служебныхъ обязанностей въ ночь на 16-е апрѣля 1911 года. Вѣрному слугѣ Царя и Отечества отъ шандровскихъ крестьянъ».

Могила огорожена чугунной рѣшеткой, на мѣстѣ же убійства отцомъ убійцы Антипенко поставленъ крестъ съ подобающей надписью, окрашенный красной краской и такая же ограда, какъ постоянное напоминаніе и укоръ въ безвинно пролитой крови Царскаго слуги.

Убійцы: Антипенко и Тертычный были схвачены и, въ виду ихъ добровольнаго признанія, приговорены къ 15-лѣтней каторгѣ каждый.

Приговоръ суда, состоявшагося 7-го ноября 1911 года, былъ принятъ убійцами безропотно, но что пользы!— Жизнь молодого, полезнаго труженика, отдавшаго всѣ силы и энергію любимому дѣлу, погибла; погибла и молодость убійцы, не вѣдавшихъ, что творять, ибо 15 лѣтъ каторги—это цѣлая жизнь! Дай Богъ, чтобы эта жизнь исправила ихъ сердца и души и направила ихъ къ сознанию всего ужаса содѣяннаго ими преступленія!

Иванъ Ивановичъ Свиридовъ *).

Полицейскій стражникъ.

Евсигнѣй Максимовичъ Максимовъ.

Полицейскій стражникъ Кирсановскаго уѣзда, тамбовской губерніи.

Заико.

Жандармъ Рязанско-Уральск. ж. д.

Убиты 13-го августа 1906 года.

Старшій стражникъ Евсигнѣй Максимовичъ Максимовъ родился въ 1876 году, служилъ въ 11 пѣхотномъ гренадерскомъ Фанагорійскомъ полку; въ 1903-мъ году поступилъ въ полицейскую стражу, при самомъ ея учрежденіи.

Какъ стражникъ, отличался беззавѣтной отвагой, мужествомъ и исполнительностью.

Происходилъ онъ изъ крестьянъ села Курдюково, той же волости, кирсановскаго уѣзда. Былъ женатъ, имѣлъ двоихъ малолѣтнихъ дѣтей. Служилъ на дѣйствительной службѣ, по призыву на общихъ основаніяхъ, вышелъ въ запасъ арміи старшимъ унтеръ-офицеромъ, затѣмъ поступилъ въ пѣшіе стражники. За отличие по службѣ переведенъ въ конные стражники и служилъ въ этой должности по день смерти, послѣдовавшей въ поѣздѣ желѣзной дороги, отъ руки неизвѣстныхъ злоумышленниковъ, вмѣстѣ съ приставомъ Яковомъ Васильевичемъ Лебедевымъ и стражникомъ Иваномъ Ивановичемъ Свиридовымъ.

13-го августа приставъ Я. В. Лебедевъ, въ сопровожденіи обоихъ стражниковъ, отправился изъ с. Кирсанова на ст. Иноковку Рязанско-Уральской жел. дор., а оттуда—на ст. Ченжавино по новой вѣткѣ, по которой,

*) См. стр. 22.

мѣстами, поѣздъ идетъ очень тихо. Не доѣзжая до ст. Земляное, въ вагонѣ, гдѣ находились оба стражника, неизвѣстныя лица затѣяли разговоръ на политическую тему и, порицая дѣйствія правительства, позволили себѣ очень неосторожныя фразы. Лампы въ вагонѣ тускло мерцали. Странные собесѣдники разсѣлись такъ, чтобы лица ихъ находились въ тѣни, и разговоръ ихъ не умолкалъ, наоборотъ,—разгорался все болѣе и болѣе. Ѣхавшему въ другомъ вагонѣ пристава Лебедеву было доложено о томъ, что въ вагонѣ ведутся возмутительные, революціонные разговоры. Г. Лебедевъ немедленно явился въ этотъ вагонъ, съ цѣлью установить, кто были эти господа, но едва онъ открылъ дверь, какъ упалъ на смерть сраженный револьверной пулей. Урядникъ Свиридовъ и стражникъ Максимовъ, бросившіеся на помощь своему начальнику, были осыпаны пулями. Вмѣстѣ съ ними, въ вагонѣ находился жандармъ Заико, который, вмѣстѣ со Свиридовымъ, былъ убитъ наповаль. Поѣздъ замедлилъ ходъ. Перепуганный выстрѣлами машинистъ затормозилъ машину, и, истекающій кровью, Максимовъ бросился вонъ изъ вагона. Но злодѣи догнали его и послѣдними четырьмя пулями убили его на смерть, затѣмъ всѣ скрылись и до сихъ поръ не розысканы.

Послѣ смерти ихъ, остались у всѣхъ вдовы: у пристава Лебедева съ тремя малолѣтними дѣтьми; у урядника Свиридова—съ двумя и у стражника Максимова—съ тремя.

Урядникъ Иванъ Ивановичъ Свиридовъ, изъ крестьянъ кирсановскаго уѣзда, родился въ 1874-мъ году; служилъ въ 66-мъ пѣхотномъ Бутырскомъ полку, гдѣ занимался письмоводствомъ, а 1903-го года служилъ въ полиціи.

Объ убитомъ жандармѣ Заико свѣдѣній не имѣется.

Похоронены всѣ четверо въ Ченжавинѣ, въ одной братской могилѣ. Выносъ четырехъ гробовъ былъ такъ потрясающе печаленъ, что рыданія народа не смолкали. Все населеніе Ченжавина провожало усопшихъ до мѣста ихъ послѣдняго успокоенія. Долгая печальная панихида по убитеннымъ закончилась прекрасной, проникновенной рѣчью священника. На гробы возложено масса вѣнковъ и букетовъ живыхъ цвѣтовъ. На могилѣ героевъ, постра-

давшихъ за Вѣру и Отечество, поставленъ прекрасный памятникъ, окруженный рѣшеткой и на мраморѣ выгравирована надпись:

«Братская могила погибшихъ за Вѣру, Царя и Отечество, отъ руки злодѣевъ. 13-го августа 1906 года».

Спите съ миромъ подъ могильною плитою, прекрасные люди и борцы за великую, святую идею! Пусть Господь сохранить для свѣтлаго будущаго осиротѣлыя семьи Ваши и дать покой ихъ разбитымъ сердцамъ! Царствіе Божіе да будетъ удѣломъ Вашимъ за совершенный честно долгъ!

Фока Андреевичъ Грицай-Лукашъ.

Становой приставъ, ямбургскаго уѣзда, петерб. губ., убитъ 13-го сентября 1910 года.

Предательски убитый въ своей квартирѣ, за рабочимъ столомъ, Фока Андреевичъ родился въ 1873-мъ году; въ роисповѣданіи православнаго, родомъ изъ каменецъ-подольской губерніи, ново-ушицкаго уѣзда, мѣстечка Камасъ. Біографія его извѣстна съ 1897 года. Съ означеннаго года по 1902-й Грицай-Лукашъ служилъ помощни-

комъ пристава города Одессы. Въ 1902-мъ году оставилъ полицейскую службу и поступилъ въ государственный контроль Юго-Западн. жел. дорогъ и въ должности счетоводнаго чиновника прослужилъ до 1908 года, затѣмъ поступилъ на должность полицейскаго надзирателя города Сквиръ, кievской губ. около года. Въ 1909-мъ году по 13-е сентября служилъ въ полиціи петербургской губ., состоя до апрѣля 1910 года кандидатомъ на полицейскія должности, а затѣмъ поступилъ на должность пристава 2-го стана ямбургскаго уѣзда, гдѣ и былъ убитъ извѣстнымъ анархистомъ и злоумышленникомъ, жителемъ села Монастырки, Федоромъ Павловымъ. Последній былъ задержанъ и сознался въ убійствѣ пристава Грицаля-Лукаша. Почти очевидецъ событія, письмоводитель покойнаго Фока Андреевича рассказываетъ такъ объ этомъ:

13-го сентября, поздно вечеромъ, около десяти часовъ, Фока Андреевичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и разбиралъ дѣловую корреспонденцію. Въ сосѣдней комнатѣ занимался у своего стола свидѣтель—Михель Андресовъ Лебенъ.

Погода была ненастная; дождь лилъ, какъ изъ ведра. Былъ вѣтеръ и жуткая темнота наполняла пространство за окнами. Гдѣ то завывала собака... Лебенъ вздрогнулъ и суевѣрно подумалъ: «къ несчастью»!

Работа шла медленно, вяло... Какая то жуть владѣла душою... И вдругъ прозвучалъ гулкій выстрѣлъ и громкимъ эхомъ прокатился по всему дому...

Лебенъ моментально вскочилъ съ мѣста и бросился въ кабинетъ. Картина, представившаяся его глазамъ, оледенила кровь въ его жилахъ.—Фока Андреевичъ, какъ сидѣлъ, такъ и остался сидѣть въ своемъ креслѣ, только голова его откинулась назадъ, а въ переноси зіяла рана, изъ которой лилась ручьемъ кровь... Дыханіе его было неравно, прерывисто... Обѣжались домашніе, умирающаго уложили въ постель, и онъ, не приходя въ сознаніе, черезъ полтора часа скончался.

Мысленно перебирая, кто именно могъ убить добраго, незлобиваго, съ чистой, кристальной душой, человѣка,

Лебень вспомнилъ вдругъ молодого негодяя Феодора Павлова.

Давно уже замѣченъ онъ былъ въ разныхъ неблаговидныхъ и нечестныхъ поступкахъ и подозрѣніе его окрѣпло, когда онъ привелъ себѣ на память всѣ факты, связанные съ дѣятельностью Павлова. Подозрѣвая въ немъ вредный для общества элементъ, покойный Грицай-Лукашъ имѣлъ за нимъ зоркое наблюденіе, которое стѣсняло Павлова и связывало его дѣятельность. У него было отнято огнестрѣльное оружіе, онъ былъ уличенъ неоднократно въ принесеніи ложной присяги; его поймали на кражѣ товаровъ изъ кожевеннаго завода и, наконецъ, уличили въ преступной пропагандѣ вредныхъ идей среди такихъ же хулигановъ, какимъ былъ самъ.

За исполненіе своего священнаго долга, Фока Андреевичъ заплатилъ своею жизнью.

Схваченный и уличенный преступникъ, послѣ недолгаго заперательства, сознался въ преступленіи. Но что пользы! Прекрасный служака, вѣрный исполнитель своего долга, погибъ мучительною смертью, и кто вознаградитъ его близкихъ за это горе? Кто возмѣститъ осиротѣлой семьѣ ея невознаградимую потерю? Кто залечитъ тяжелыя раны въ сердцахъ близкихъ.

Преступникъ понесетъ свою кару, но легче ли намъ отъ того, что изъ нашего общества вырываютъ все новыя и новыя жертвы, а, взамѣнъ ихъ, судятъ негодяевъ и, несмотря на это, кадры ихъ растутъ и растутъ. Зло ширится, наполняетъ землю и вкореняется въ общественныя устои.

Кто оградить насъ отъ этого зла? Кто спасетъ наши семьи и насъ отъ неожиданной, изъ-за угла, смерти, не давъ даже возможности встрѣтить ее во всеоружіи, лицомъ къ лицу?! Тяжелыя времена переживаетъ наша дорогая, многострадальная Родина! Тяжелыя и безотрадныя! И дай Богъ, чтобы они миновали!

Михаиль Кондратьевичъ Борисовъ.

Околоточный надзиратель г. Минска. Скончался отъ ранъ въ 1905 г.

Михаиль Кондратьевичъ Борисовъ, по происхожденію, изъ мѣщанъ Смоленской губерніи, родился 6-го ноября 1874 года. Вѣроисповѣданія православнаго. Образование получилъ домашнее; въ декабрѣ 1902 года былъ зачисленъ въ штатъ канцелярскихъ служителей минскаго губернскаго правленія съ откомандированіемъ въ распоряженіе минскаго полицеймейстера. 6-го декабря 1902 года былъ назначенъ околоточнымъ надзирателемъ минской городской полиціи, состоя въ этой должности по 23-е декабря 1904 года, вышелъ въ отставку, согласно прошенію, по болѣзни.

На службѣ онъ отличался прекраснымъ отношеніемъ къ обязанностямъ, взятымъ на себя, былъ усерденъ и аккуратнымъ. Нивзысканій, ни замѣчаній не имѣлъ. Былъ жевать на мѣщанкѣ Матренѣ Тимофеевнѣ Подобѣдѣ, которая, послѣ его смерти, вышла замужъ.

До поступленія на службу въ Минскъ, Михаилъ Кондратьевичъ служилъ въ Варшавской исполнительной полиціи околоточнымъ надзирателемъ и, по отзывамъ лицъ, его знавшихъ, былъ примѣромъ для товарищей.

Знали его и какъ образцоваго семьянина и честнаго, надежнаго человѣка, на котораго можно было положиться.

Въ началѣ мая, 1904 года, Михаилъ Кондратьевичъ находился на своемъ посту на Школьной улицѣ. Время было предвечернее, часовъ около пяти.

къ Борисову подбѣжалъ молодой еврей и взволнованнымъ голосомъ заявилъ, что на углу Школьной и Екатерининской улицъ происходитъ драка, среди евреевъ. Борисовъ немедленно направился туда и, придя на мѣсто, увидѣлъ большую толпу евреевъ, пытавшихся разнять двухъ дерущихся.

Борисовъ вмѣшался въ толпу, но вдругъ вскрикнулъ

и пошатнулся. Въ лицо ему была брошена стклянка съ сѣрной кислотой. Толпа мгновенно разбѣжалась, а когда явилась помощь, ослѣпленный, съ изуродованнымъ лицомъ, Борисовъ безъ сознанія лежалъ на землѣ и стоналъ. Ожоги были настолько сильны, что оба глаза мгновенно вытекли; лицо, губы, носъ и шея пройдены до кости. Несмотря на немедленно поданную пострадавшему помощь, онъ промучился около года и умеръ отъ ранъ въ 1906 г.

Упокой Господи душу его въ селеніяхъ правѣдныхъ!

Павель Лукич Михалевъ.

Почтальонъ спасской почтово-телеграфной конторы. Убитъ 19-го Августа 1906 года.

О фактѣ убійства почтальона П. Л. Михалева имѣются такъ мало свѣдѣній, что съ грустью приходится ограничиться только тѣми данными, которыя намъ предоставлены его бывшимъ начальникомъ, г. Захаровымъ.

Михалевъ былъ убитъ 19-го августа 1906 года въ пензенской губерніи, при сопровожденіи почты со станціи Пачелма, Сызрано-Вяземской жел. дороги—въ городъ Спасскъ.

Покойный Михалевъ родился въ селѣ Никольскомъ, сампурской волости, тамбовской губерніи, въ 1864 году. 29-го іюня.

Вѣроисповѣданія онъ былъ православнаго, воспитаніе

получилъ домашнее. Въ 1885-мъ году поступилъ на военную службу и былъ зачисленъ канониромъ въ 3-ю роту Динамидской крѣпостной артиллеріи.

19-го Іюля 1887 года назначенъ въ крѣпостную учебную команду, 29-го августа того-же года произведенъ въ бомбардиры, 1-го октября 1888 года—въ младшіе фейерверкеры, 1-го апрѣля, 1890-года—въ старшіе фейерверкеры. 18-го сентября 1890 года уволенъ въ запасъ арміи. 5-го декабря 1891 года поступилъ на сверхсрочную службу въ Варшавскую крѣпостную артиллерію. 16-го февраля 1892 года произведенъ въ фельдфебеля. 26-го октября того-же года уволенъ въ запасъ. 26-го апрѣля 1895 г. поступилъ почтальономъ въ спасскую почтово-телеграфную контору; съ окладомъ жалованья 174 р. въ годъ. Въ томъ же году переведенъ въ пачелмскую почтово-телеграфную контору; въ январѣ 1906 года переведенъ, съ повышеніемъ оклада, въ спасскую почтово-телегр. контору, а въ 1906 же году, 19 августа, убитъ неизвѣстными злоумышленниками, напавшими на сопровождаемую имъ отъ Пачелмы до Спасска почту.

Послѣ смерти Павла Л. Михалева, осталось вдова съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ старшему было 12 лѣтъ.

Отзывы начальства и всѣхъ, знавшихъ Михалева, самыя благопріятныя. Его служба была честной, прекрасно исполняемой, въ примѣръ всѣмъ; семейныя его отношенія были безукоризненными. Онъ все свое время, свободное отъ службы, отдавалъ семьѣ. Старшая дочь его училась въ гимназій и, стараніями горожанъ, недавно окончила ее и теперь является поддержкой и опорой всей семьи. Младшіе дѣти еще учатся.

Начальникъ покойнаго, г. Захаровъ, получивъ извѣстіе о трагической кончинѣ своего сослуживца, предложилъ городскому духовенству и полицейской власти почтить прахъ почившаго торжественной встрѣчей. И духовенство, и полиція выразили на это полное согласіе и жертва служебнаго долга—Михалевъ былъ встрѣченъ духовенствомъ всего города и при огромной толпѣ народа. На другой день гробъ былъ вынесенъ въ соборъ, гдѣ покойный былъ почтенъ отпѣваніемъ.

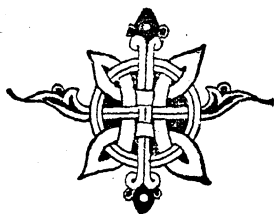
емъ послѣ литургіи духовенствомъ всѣхъ церквей города Спасска.

Къ мѣсту вѣчнаго упокоенія погибшаго Михалева шла та-же огромная толпа,—почти всѣ горожане.

Громкія рыданія раздались надъ могилой. Вдова и дѣти производили потрясающее впечатлѣніе своимъ отчаяніемъ, обливая слезами прахъ своего кормильца.

Вдовѣ назначена небольшая пенсія, но она такъ ничтожна, что прожить на нее трудно было, особенно въ началѣ, пока не прибавилась еще кормилица семьи, въ лицѣ старшей дочери.

Пошли, Господи, этой семьѣ бодрости духа и силы нести свое горе, которое невозможно забыть.

Григорій Васильевич Васюковъ.

Полицейскій стражникъ александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Убитъ 19 октября 1910 года.

Покойный стражникъ Васюковъ происходилъ изъ мѣщанъ города Конотопа, черниговской губерніи. Былъ холостъ. Въ должности пѣшаго стражника состоялъ съ 1-го іюля 1910 года.

Будучи ревностнымъ исполнителемъ долга, Васюковъ, за короткое время своей службы, успѣлъ открыть нѣсколько преступленій и покушеній, совмѣстно съ приставомъ Мекленбурцевымъ, урядниками: Гролемъ, Коваленко, Бѣлогуровымъ и пѣшимъ стражникомъ Нестеровымъ. На всѣхъ перечисленныхъ лицъ были покушенія и засады; урядника Бѣлогурова ранилъ въ ногу одинъ изъ шайки, нѣкто Матвѣй Жукъ, и за это поплатился едва-ли не изгнаніемъ изъ шайки, упрекавшей его въ томъ, что онъ ни одного дѣла не умѣетъ сдѣлать «какъ слѣдуетъ». Жука даже обвиняли въ провокаціи и, чтобы опрѣдѣлаться передъ товарищами, онъ согласился убить Васюкова.

Жукъ былъ административно высланнымъ изъ таврической губ. въ 1906 году.

Въ убійствѣ Васюкова участвовали: самъ Матвѣй Жукъ, жена его Барвара, крестьянинъ житомирскаго уѣзда, волинской губерніи, Игнатъ Тимашевскій съ женой Аккилиной, мать Жука, старуха жившая при сынѣ. Участіе въ сокрытіи слѣдовъ преступленія принимали: Симферопольскій мѣщанинъ Августъ Альбрехтъ, крестьяне села Комышевахи: Антонъ Волковъ, Сергѣй Плисъ, Андрей Чернявскій, Терентій, Сергѣй Чернявскій и Зинаида Чернявская. Всѣ поименованные лица, послѣ признанія въ убійствѣ Васюкова и пособничествѣ убійцамъ, переданы въ руки правосудія.

Убійство стражника Григорія Васюкова произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

За отсутствіемъ урядника Бѣлогурова, уѣхавшаго подѣламъ изъ Комышевахи, 19-го октября 1910 года стражникъ Васюковъ занялся розыскомъ украденныхъ, будто-бы,

у Альбрехта 13 рублей. Денегъ, не смотря на самые тщательные допросы и розыски, найти не удалось. Пришлось отложить это дѣло до пріѣзда урядника Бѣлогурова. Пропажѣ, по заявленію пострадавшаго, произошла въ домѣ Игната Тимашевского и, естественно, что и розыски пришлось начать съ его дома. Жена Тимашевского пригласила Васюкова зайти отдохнуть въ домъ крестьянина Петра Медвѣдева и выпить за компанію чарку вина. Васюковъ согласился и, придя къ Медвѣдевымъ, засталъ тамъ большую компанію. Кромѣ самихъ хозяевъ дома, тамъ были: Матвѣй Жукъ съ женою, Игнатъ Тимашевскій съ женою-же, Антонъ Волковъ и другіе. Увидя такую большую компанію, Васюковъ смутился, тѣмъ не менѣе, желая оправдать цѣль своего прихода, обратился къ Медвѣдеву съ какимъ-то дѣловымъ вопросомъ, но его увлекли къ столу, заставили пить и ѣсть, и все время жеза Тимашевского «ухаживала» за молодымъ стражникомъ: она наливала ему водку, подавала кушанья и, вообще была очень любезна. Видя такое радушіе и не желая быть въ долгу, Васюковъ предложилъ отъ себя послать за водкой, для чего вынулъ изъ кармана кошелекъ. Тимашевская выхватила бывший тамъ 25 рублевый билетъ и передала его своему мужу, тотъ, въ свою очередь, вмѣстѣ съ Антономъ Волковымъ вышелъ, что-бы принести водки. Скоро Васюковъ охмелѣлъ Жукъ незамѣтно вытащилъ изъ кобура его револьверъ системы Ногана. Револьверъ взяла Акилина Тимашевская и незамѣтно, съ ранѣ вышедшей женой Жука, скрылась. Придя въ домъ Жука, она произвела выстрѣлъ, чтобы вызвать на него стражника.

Услышавъ выстрѣлъ, Васюковъ немедленно всталъ и направился по направленію выстрѣла. Въ сѣняхъ дома Жука на него набросился Тимашевскій съ ножомъ въ рукахъ, но Васюковъ, сильнымъ ударомъ, отбросилъ его и хотѣлъ выбѣжать. Въ это время прибѣжалъ Жукъ и, взявъ изъ рукъ Тимашевского револьверъ, выстрѣлилъ въ упоръ въ стражника.

Васюковъ и его бросилъ на землю, но тутъ подоспѣли жены злодѣевъ и старуха мать Жука, сунувшая сыну ножъ въ руки.

Израненный и истерзанный Васюковъ сталъ просить у жены Тимашевского помощи, но озвѣрѣлая женщина бросилась на стражника и стала руками раздирать ему ротъ. Удары ножемъ сыпались безъ числа, кроша тѣло и добывая жертву долга.

Тяжело дыша, обливаясь кровью, стражникъ молилъ: — „Люди добрые!.. За что? Что я сдѣлалъ вамъ?.. Не дайте пропасть безъ покаянія“...

И онъ испустилъ духъ, смотря съ недоумѣніемъ на злодѣевъ, облитыхъ и выпачканныхъ его кровью.

Убивъ человѣка, негодяи спрятали его подъ диванъ и стали обдумывать планъ сокрытія слѣдовъ преступленія.

Приведя все въ порядокъ съ внѣшней стороны, компанія разошлась и съ наступленіемъ темноты, тѣло было вывезено за станцію желѣзной дороги, по пути въ село Кополы, гдѣ и было зарыто въ пахатной землѣ, въ пяти верстахъ отъ Камышевахи. Въ теченіе 4-хъ дней, пока шли розыски пропавшаго стражника Васюкова, тѣло лежало въ землѣ, но потомъ его ночью вырыли ночью перевезли на подводѣ и бросили въ безводный колодезь, глубиною въ 22 $\frac{1}{2}$ аршина. За перевозку трупа на своей телѣгѣ, братья Чернявскіе, въ награду, взяли себѣ револьверъ Васюкова, который и былъ найденъ у нихъ, при розыскахъ, послѣ извлеченія изъ колодца трупа. Что, главнымъ образомъ, послужило причиной убійства стражника Васюкова осталось невыясненнымъ. По объясненію убійцъ, имъ необходимо было наполнить свой скудный запасъ орудія для дальнихъ имъ грабежей, но самымъ основательнымъ является первое предположеніе, что Васюковъ зналъ «слишкомъ много» и сдѣлался опасенъ.

Похороненъ Григорій Васильевичъ Васюковъ на мѣстномъ кладбищѣ, при торжественной и трогательной обстановкѣ.

Могила его огорожена рѣшеткой, и крестъ, поставленный на ней, виденъ издали.

Миръ праху твоему. честный труженикъ и вѣрный слуга Царя и Отечества!

Семень Григорьевичъ Слюсаревъ.

Помощникъ пристава г. Ростова н. Д. Умеръ отъ ранъ въ декабрь 1905-го года.

Семень Григорьевичъ Слюсаревъ прослужилъ въ ростовской полиціи около 25-ти лѣтъ и заслужилъ имя честнаго, исполнительнаго слуги Царя и отечества. Характера Семень Григорьевичъ былъ мягкаго, уживчиваго и, казалось, не имѣлъ враговъ среди окружающихъ. Но это казалось только, потому что палачи-революціонеры становятся врагами всякаго, кто честно и открыто исполняетъ свой долгъ.

Жилъ Семень Григорьевичъ въ Зотемерницкомъ поселеніи много лѣтъ, и всѣ сосѣди ежедневно привыкли видѣть его доброе, ласковое лицо, озаренное улыбкой, иногда— съ печатью заботы на немъ, то грустное, удрученное, когда дѣла печалили его. Никто изъ зотемерниковцевъ, ни изъ горожанъ не имѣлъ повода жаловаться на Семена

Григорьевича. Уживчивѣе его не было человѣка на свѣтѣ.

Во время возстанія въ Ростовѣ въ 1905-мъ году, Семенъ Григорьевичъ былъ очень занятъ дѣлами службы, много работалъ, мало спалъ и, казалось, его удручала какая то неотвязная дума. Вѣрный слуга Царя и Родины, Слюсаревъ скорбѣлъ о происходящемъ и помогаль умирать мятежъ.

Въ роковой день—день, когда смерть заглянула ему въ глаза, Семенъ Григорьевичъ сидѣлъ у себя дома, собираясь на службу. Онъ склонился надъ какой-то экстренной работой, у письменнаго стола и всецѣло отдался дѣлу... Вдругъ въ закрытую дверь вломились злоумышленники. Нѣсколькими выстрѣлами они свалили Слюсарева на полъ и на его скорбный вопросъ:—«за что»? что я вамъ сдѣлалъ?—злобно отвѣчали:

— За то, что ты служишь въ полиціи. Пора умирать! И, разгромивъ квартиру, удалились, такъ-какъ на выстрѣлы сбѣжались люди.

Убийцы скрылись. Израненнаго, окровавленнаго Семена Григорьевича отправили въ больницу. Онъ ненадолго пришелъ въ сознаніе, слабѣющей рукой сдѣлалъ крестное знаменіе и затѣмъ впалъ въ забытѣе. Все чудилось умирающему, что онъ не исполнилъ чего-то, что имъ что-то забыто, отъ чего можетъ произойти непоправимое бѣдствіе...

Онъ скончался, не придя въ сознаніе, тяжело страдая отъ растерзавшихъ его тѣло ранъ, и изъ застывшихъ его глазъ выкатилась слеза,—единственный протестъ противъ неслуженнаго страданія, приведшаго его къ могилѣ.

Умеръ Семенъ Григорьевичъ на 58-мъ году отъ рожденія, сохранивъ о себѣ во всѣхъ сердцахъ, его знавшихъ, свѣтлую, незабвенную память.

Такъ гибнуть на скорбномъ, тяжеломъ пути
Немало героевъ. На морѣ и сушѣ
Они погибаютъ. Господь ихъ прости
И въ мирѣ прими ихъ геройскія души!

Виссаріонъ Ивановичъ Антоновъ

Приставъ 4-го участка г. Ростова н-Д. Смертельно раненъ въ манифестаціи рабочихъ, въ 1912 году.

Виссаріонъ Ивановичъ Антоновъ происходилъ изъ дворянъ Донской области. Служилъ въ ростовской полиціи около 15 лѣтъ. Смерть В. И. послѣдовала при такихъ обстоятельствахъ.

Толпа рабочихъ Владикавказской желѣзной дороги и частныхъ фабрикъ и заводовъ, а также ростовской молодежи,—преимущественно,—въ возрастѣ отъ 18 до 20 л. собравшись въ Затемерницкомъ поселеніи, направилась съ красными флагами по городу. По дорогѣ толпа увеличилась и вскорѣ превратилась въ какую-то многотысячную лаву, льющуюся по главной улицѣ города (Большой Садовой).

На углу Таганрогскаго проспекта, извѣщенная по телефону полиція, встрѣтила толпу, пытаясь разсѣять ее, но въ виду своей немногочисленности, не могла этого сдѣлать. Крики: «Долой полицію!» «Бей полицейскихъ!» и т. д., сопровождались угрозами. Толпа звѣрѣла и, чувствуя свою количественную силу, буйствовала, направляясь впередъ.

Когда человѣческая волна докатилась до Большого проспекта, явилось подкрѣпленіе полиціи, въ лицѣ новоприбывшихъ ея членовъ, во главѣ съ есауломъ Антоновымъ, приставомъ 4-го участка. Немедленно были приняты самыя горячія мѣры, для разсѣянія толпы, но они не приводили къ желаемымъ результатамъ. Манифестанты, подавляя своею громадностью, точно издѣвались надъ закономъ.

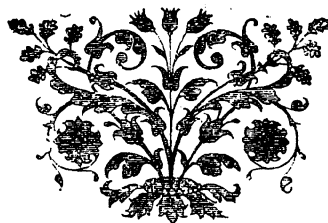
Горячій, пылкій, съ огнемъ негодованія въ глазахъ, Виссаріонъ Ивановичъ бросился на перваго, ближайшаго къ нему, манифестанта и выхватилъ у него изъ рукъ красное знамя.

Въ это время изъ толпы кто то ударилъ его по головѣ какимъ-то твердымъ орудіемъ съ такой силой, что Антоновъ лишился сознанія. По оказаніи ему первой помощи въ ближайшей аптекѣ, куда онъ былъ перенесенъ, В. И. попросилъ, чтобы его отправили домой. Но состояніе его здоровья было таково, что пришлось перевезти больного въ городской лазаретъ, гдѣ онъ, послѣ шестнадцати дневныхъ страданій, скончался, оплакиваемый вдовою и двумя дочерьми, а также всѣми знавшими покойнаго.

Хоронили В. И. со всѣми, подобающими герою, почестями, осыпавъ могилу его цвѣтами.

Вдова его въ настоящее время живетъ въ г. Новочеркасскѣ, а дочери замужемъ.

Миръ праху твоему, честный слуга Царя и Отечества.

Федоръ Евграфовичъ Коровинъ.

Полицейскій стражникъ Писцовскаго отряда, нерехтскаго уѣзда, костромской губерніи; убитъ 1 іюня 1906 г.

Развившійся надъ Россіей революціонный терроръ со своими звѣрскими убійствами охранителей Царскаго Престола, не прошелъ безслѣдно и въ нерехтскомъ, костромской губерніи, уѣздѣ. Много въ годы революціи въ Россіи пало жертвъ служебнаго долга, къ числу которыхъ относится и незамѣтно погибшій отъ руки злодѣя 1 іюня, 1906 года, младшій пѣшій стражникъ Писцовскаго отряда, нерехтскаго уѣзда, Федоръ Евграфовъ Коровинъ, 40 лѣтъ.

Въ 1906 году, весь нерехтскій уѣздъ съ своими фабричными раіонами, былъ захваченъ, такъ называемымъ, «освободительнымъ движеніемъ». Появились агитаторы, проявившіе, главнымъ образомъ, свою дѣятельность среди фабричныхъ рабочихъ. Рабочіе забастовали, вслѣдствіе чего на фабрикахъ прекратились работы, слѣдовательно и безработица рабочихъ, добывавшихъ себѣ кусокъ хлѣба исключительно фабричнымъ трудомъ, дала о себѣ знать. Агитаторы, пользуясь безпомощностью рабочихъ, кружили ихъ головы, какъ для нихъ было выгодно. Наэлектризованные ими рабочіе, не говоря уже про преступленія чисто уголовнаго характера, стали проявлять свою дѣятельность и на политической почвѣ. Вотъ въ какое тяжелое для чиновъ полиціи время служилъ стражникъ Коровинъ.

Въ 1906 году, съ наступленіемъ повсемѣстныхъ забастовокъ, забастовали также и рабочіе фабрики бр. Маляховыхъ въ с. Дуляпинѣ, нерехтскаго уѣзда, куда были командированы для поддержанія порядка и предупрежденія насильственныхъ дѣйствій рабочихъ, пѣшіе стражники Нерехтскаго и Писцовскаго отрядовъ, въ числѣ которыхъ былъ и покойный Коровинъ.

Рабочіе устраивали митинги, на которыхъ агитаторомъ

и ораторомъ былъ извѣстный по своимъ звѣрскимъ убійствамъ въ разныхъ мѣстахъ костромской губерніи нѣсколькихъ чиновъ полиціи, нѣкто Константинъ Козуевъ, который впослѣдствіи былъ задержанъ и, по приговору военно-окружного суда въ гор. Костромѣ, повѣшенъ.

Въ роковой день, 1 іюня, 1906 года, около 3 часовъ пополудни, Коровинъ вмѣстѣ съ стражникомъ Тихановымъ и урядникомъ Лебедевымъ, подѣ руководствомъ послѣдняго, отправились къ бывшей въ Дуляпинѣ чайной лавкѣ, въ которой, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, находился агитаторъ Козуевъ. Подойдя къ чайной, урядникъ Лебедевъ оставилъ Тиханова и Коровина около дверей чайной, а самъ вошелъ въ чайную, откуда вскорѣ вышелъ изъ другихъ дверей и только, что успѣлъ завернуть за уголъ, какъ изъ той же двери вышелъ агитаторъ Козуевъ и произвелъ три выстрѣла изъ пистолета, системы маузеръ, въ упоръ, въ стоявшихъ тутъ стражниковъ Коровина и Тиханова.

Первая пуля попала въ правую руку Коровина, которою онъ держался за португезу, и пробила насквозь грудь немного ниже праваго соска. Стражники бросились бѣжать. Тихановъ къ казенной винной лавкѣ, а Коровинъ къ фабрикѣ бр. Малаховыхъ, но не суждено ему было добѣжать до нея. На полдорогѣ съ крикомъ: „батьюшки, убили!“ онъ упалъ безпомощно на землю, истекая кровью. Къ нему тотчасъ подоспѣли товарищи-стражники и отнесли въ мѣстную фабричную больницу для оказанія медицинской помощи. Агитаторъ же, пользуясь замѣшательствомъ стражниковъ, скрылся въ ближайшемъ лѣсу, вскочивъ верхомъ на гулявшую въ гумнахъ, повидимому приготовленную для него заранѣе, лошадь и, не смотря на поиски чиновъ полиціи, найденъ не былъ.

Въ 3 часа утра, на другой день, Коровинъ скончался послѣ сильныхъ предсмертныхъ мученій.

Умеръ... какое леденящее душу слово!

Думалъ ли покойный о томъ, что его ждала такая расплата крамолы за то, что онъ сталъ стражемъ государственнаго порядка и Царскаго Престола. Незамѣтно къ

нему подкралась смерть, неожиданная, неумолимая. Не пришлось проститься ему передъ смертью со своей любимой женой и благословить дорогихъ пять малютокъ-дѣтей, которые съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія ихъ кормильца. Но, рука злодѣя лишила ихъ навсегда возможности увидѣть въ живыхъ дорогого и необходимаго для нихъ человѣка.

На другой день родственники взяли прахъ Коровина и предали землѣ на сельскомъ кладбищѣ на родинѣ. Вѣчная память тебѣ, стражъ Государевъ, безропотно сложившій жизнь свою на служебномъ посту!

Покойный Коровинъ происходилъ изъ крестьянъ костромской губерніи, нерехтскаго уѣзда, митинской волости, села Острова. Военную службу отбылъ въ артиллеріи въ г. Ростовѣ. По выходѣ въ запасъ изъ военной службы, жилъ около десяти лѣтъ дома въ с. Островѣ, занимаясь хозяйствомъ и при введеніи уѣздной полицейской стражи, поступилъ на службу пѣшимъ стражникомъ въ Писцовскій отрядъ, нерехтскаго уѣзда, гдѣ и служилъ около 5 мѣсяцевъ до рокового дня, въ который сразила его злодѣйская пуля. Человѣкъ онъ былъ трезвый, трудолюбивый и, живя отдѣльно отъ семьи, почти все свое жалованье посылалъ семьѣ. Послѣ него осталась жена и пять человѣкъ дѣтей. Вотъ краткая біографія убитаго за Царя вѣрнаго слуги Его.

Правительство не осталось безучастнымъ въ участи оставшихся послѣ покойнаго сиротъ. Вдова Коровина съ дѣтьми получила въ единовременное пособіе 100 руб. и получаетъ ежегодно пенсію 240 руб. и кромѣ того, ей назначено изъ суммъ Алексѣевскаго Главнаго Комитета по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ въ войну съ Японіей на воспитаніе дѣтей со дня смерти покойнаго по 12 апрѣля 1912 года—160 рублей.

Составъ редакціонной комисіи „Книги Русской
Скорби“ при Главной Палатѣ Русскаго Народнаго
Союза имени Михаила Архангела.

Предсѣдатель комисіи:

Пуришкевичъ, Владиміръ Митрофановичъ.

Секретарь комисіи:

Назарина, Надежда Алексѣевна.

Ч Л Е Н Ы:

1. Абрамовъ, Николай Родіоновичъ.
2. Балаклѣвъ, Иванъ Ивановичъ.
3. Башинскій, Борисъ Петровичъ.
4. Балицкій, Левъ Алексѣевичъ.
5. Бородинъ, Михаилъ Михайловичъ.
6. Бурнашевъ, Сергѣй Николаевичъ.
7. Васнецовъ, Викторъ Михайловичъ.
8. Веножинскій, Вячеславъ Іосифовичъ.
9. Винбергъ, Федоръ Викторовичъ.
10. Вязигинъ, Андрей Сергѣевичъ.
11. Гершельманъ, Дмитрій Федоровичъ.
12. Геруцъ, Круниславъ Юрьевичъ.
13. Граве, Семенъ Владиміровичъ.
14. Головинъ, Константинъ Федоровичъ.
15. Дитрихъ, Марія Николаевна.
16. Евреинъ, Михаилъ Николаевичъ.
17. Злотниковъ, Лука Тимофеевичъ.
18. Карангозова, Елена Константиновна.
19. Кавелинъ, Александръ Александровичъ.
20. Клепацкій, Генрихъ Іосифовичъ.
21. Кривошеина, Елена Геннадіевна.

22. Кулибина, Ольга Константиновна.
23. Кушнырь-Кушнareвъ, Григорій Ивановичъ.
24. Лавровъ, Алексѣй Максимовичъ.
25. Ладомирскій, Николай Николаевичъ.
26. Мераньиль, Надежда Ивановна.
27. Облеухова, Софья Львовна.
28. Облеуховъ, Николай Дмитриевичъ.
29. Образцовъ, Василій Афиногеновичъ.
30. Ососовъ, Андрей Васильевичъ.
31. Пашутина, Ольга Васильевна.
32. Плева, Николай Вячеславовичъ.
33. Посыпкина, Ольга Александровна.
34. Самокишъ-Судковская, Елена Петровна.
35. Скворцовъ, Василій Михайловичъ.
36. Сезеневскій, Борисъ Дмитриевичъ.
37. Соковнинъ, Константинъ Николаевичъ.
38. Спасскій, Николай Ивановичъ.
39. Тихменевъ, Николай Петровичъ.
40. Тріумфова, Нина Александровна.
41. Шечковъ, Георгій Алексѣевичъ.
42. Юрьевъ, Сергѣй Владиміровичъ.
43. Юсневичъ-Красковскій, Николай Максимовичъ.
44. Чаевъ, Николай Михайловичъ.
45. Энгельманъ, Владиміръ Георгіевичъ.

